ВХ
583

Іеросхимонахъ Іоаннъ.

ДРЕВНЯЯ ЛѢТОПИСЬ

САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ.

Издана подъ редакціей

Н. И. ОРЛОВА.

ТАМБОВЪ.
Типо-литографія Губернскаго Правленія.
1904.

Изъ библіотеки
Прот. И. Н. Четверухина
№ 5612

Іеросхимонахъ Іоаннъ.

ДРЕВНЯЯ ЛѢТОПИСЬ

САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ.

18443

Издана подъ редакціей

Н. И. ОРЛОВА.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

ТАМБОВЪ.
Типо-литографія Губернскаго Правленія.
1904.

1г

Перепечатано изъ 49-го выпуска Извѣстій Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи.
20 Ноября 1904 года.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
736
56

Саровскій Первоначальникъ Исаакій.

СКАЗАНІЕ

о первомъ жительствѣ монаховъ и о построеніи церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, въ пустынѣ, на Старомъ Городищѣ, гдѣ нынѣ стоитъ общежительная Саровская пустынь.

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

О мѣстѣ сея Сатисо-градо-Саровскія пустыни и о красотѣ его, и о градѣхъ.

Мѣсто же есть сіе весьма прекрасно, на горѣ состоящее и, яко въ вертоградѣ нѣкоемъ, глубочайшими лѣсами отъ всѣхъ четырехъ странъ сграждено, еже бѣ красоту имущее многую, и можетъ зрящему того мѣста чувству принести не малую сладость, и къ тишинѣ глубокой безмолвной воспростирать его мысли отъ самаго точію видѣнія. Мѣсто же сіе, идѣже нынѣ обитель построена, зрится всякими овощьми изобильно, окрестъ бо его на всѣ страны, на многія поприщи—всякой угодной лѣсъ; красными высочайшими сосны, якоже нѣкими кедры, упестрено съ предлежащими между того лѣса раменьми. Урочищемъ же то состоитъ между Арзамаса и Темникова градовъ, на рѣчкахъ Сатисѣ и Саровѣ, между тѣхъ рѣчекъ въ самомъ устіи. Къ тому вышереченному мѣсту рѣчка Сатисъ течетъ отъ востока лѣтняго, вышла изъ Арзамасскаго уѣзда, отъ села, нарицаемаго Худошина, и течетъ къ зимнему западу, въ рѣку, нарицаемую Мокшу. Рѣчка же Сарова течетъ отъ зимняго востока лѣсомъ, отъ алатырскихъ вершинъ и впала въ тужъ вышеписанную рѣчку Сатисъ, идѣже нынѣ Сатисо-градо-Саровская пустынь есть. Между тѣми рѣчками Сатисомъ и Саровою, въ самомъ устіи, обитель стоитъ. Мѣсто же зрится оно, идѣже обитель, воистину,

яко же и прежде рѣхомъ, иже отъ вѣка Богомъ предъизбранно, зѣло прекрасно. Между бо тѣхъ рѣчекъ бяху горы зѣло высокія, и на тѣхъ горахъ отъ древнихъ лѣтъ отъ нѣкихъ человѣкъ устроены грады земляные, и около ихъ глубокіе рвы ископаны. Отъ самаго же устія вверхъ тѣхъ рѣчекъ, на горахъ тѣхъ устроены же три грады не велики, подлѣ трехъ тѣхъ градовъ подрядъ четвертый градъ зѣло великъ, яко же есть и нынѣ суть видимы иже ихъ зрящими. Каковые же человѣцы прежде того въ тѣхъ градѣхъ населены были и въ кія времена, и како тѣ грады созданы быша, отнюдь о томъ не извѣстно, токмо познавается нынѣ отъ нижеписаннаго показанія. Въ древняя лѣта на семъ мѣстѣ и въ сихъ градѣхъ быша человѣцы, поганые татары, или мордва, понеже бо много такихъ градовъ около сего града и въ низовыхъ странахъ обрѣтается въ пустыхъ мѣстахъ; яко же свидѣтельствуетъ истинно, яко же здѣ, въ сей пустыни Сатисо-градо-Саровской, сей градъ аки бы царственнѣйшій былъ паче прочихъ; ибо отъ сего града къ западу разстояніемъ 30 поприщъ иный градъ есть на рѣчкѣ Леметѣ, и паки къ востоку, вверхъ сея рѣчки Сатиса 15 поприщъ, есть иный градъ въ лѣсу, въ пустомъ мѣстѣ; иные грады обрѣтаются въ Темниковскихъ предѣлѣхъ, не зѣло въ дальномъ разстояніи отъ сего града, иные многіе таковые грады древніе пустовые въ прочихъ уѣздахъ обрѣтаются, яко же въ Алатырскомъ уѣздѣ и въ Саранскомъ, и Наровчатовскомъ, и въ прочихъ. И посему есть знатно, яко въ древнія лѣта таковое бяше державство или владѣніе нѣкоего единаго князя поганска, татарска, или мордовска, или иного нѣкоего отъ поганыхъ татаръ. Сей же градъ, иже въ сей Сатисо-градо-Саровской

пустыни, о немъ же здѣ начахомъ писати, отъ прочихъ всѣхъ тѣхъ вышеписанныхъ градовъ отличенъ, яко же выше речеся, аки бы стольный при тѣхъ является, понеже бѣ сей градъ величайшій окладомъ и въ себѣ иные предѣлы, си есть, грады имѣя; и по всему знатно, яко множество въ немъ и людей было, бяше и ратными вои осажденъ и бранею многою взятъ бысть, и аки бы отъ тоя брани и опустѣ онъ; являютъ се сіе отъ сего, понеже со всѣхъ странъ около града повсюду ископаны шанцы, имиже обычно ратнымъ людемъ ко градомъ приступати, а подъ стѣнами градными во рвахъ множество костей и трупія иже въ приступахъ сѣченыхъ человѣковъ обрѣтается. Не извѣстно же, каковые въ немъ человѣцы быша и каковые къ нему бранію приступали,—поганые или христіане. Мнится же, яко въ началѣ въ немъ быша человѣцы поганые,—татары или мордва; негли же когда въ немъ и христіане быша, или христіане того воеваша и войною его взяша, и въ немъ нѣколикое время жили; познавается же то отъ сего нынѣ, аще и обрѣтаются около повсюду кладбища поганскія, а наипаче же прежде сего въ нѣкія лѣта, егда на семъ мѣстѣ быша монаси, (о нихъ же и преди имамъ писати), и при тѣхъ монасѣхъ нѣціи поселяне села Кременокъ, оруще и копающе тѣмъ монахомъ землю къ сѣянію хлѣба, обрѣтаху въ землѣ котлы мѣдные, стрѣлы, сабли, копія и сустуги [1]) мордовскіе, и просѣки, си есть, долгуши бортныя, и вся иная прочая, яже обычно имѣть поганымъ человѣкомъ, си есть, невѣрнымъ мордвамъ, или татарамъ. Нѣкогда копающимъ имъ, поселяномъ, землю, обрѣтоша и кресты каменные чет-

[1]) Въ сѣверовосточной Россіи сустугами именуются грудныя металлическія украшенія, бляхи съ цѣпями (Рус. Хр. Вус. 28). Прим. редак.

вероконечные, а наипаче же обрѣтоша четвероконечный единъ крестъ мѣдный, зѣло предивенъ, складной, о немъ же ниже писано будетъ. Сустуговъ же и бортныхъ просѣковъ и нынѣ обрѣтается много, обрѣтаются же и мертвыхъ человѣковъ кости, съ ними же всѣ невѣрныхъ приличныя обрѣтаются вещи: сустуги, долгуши, нарукавницы и прочее. И отъ сего явѣ можно разумѣти, яко быша на семъ мѣстѣ человѣцы невѣрные и вѣрные христіане. Отъ которыхъ человѣкъ грады тѣ создашася, и како оно мѣсто опустѣ, и съ котораго времени, и много-ли лѣтъ пусто бяше, и было ли населяемо до вышеписанныхъ монаховъ житія, о томъ всемъ нынѣшнихъ временъ человѣкомъ отнюдь не вѣдомо, понеже бо, яко же речеся, отъ многаго времени и изъ древнихъ лѣтъ опустѣ мѣсто оно и не населяемо бысть. Яко же являетъ, нынѣ на томъ мѣстѣ, на горахъ тѣхъ, во градѣхъ онѣхъ, по рвамъ и по валамъ, и повсюду около того мѣста, на всѣ четыре страны, на многія поприщи, до Алатыря, до Темникова, до Мурома и до Арзамаса градовъ лѣсъ великій и древа—дубы и сосны и прочія поросли; и въ томъ лѣсу, около сея пустыни, живутъ многіе звѣріе: медвѣди, рыси, лоси, лисицы, куницы, а по рѣчкамъ Сатису и Саровѣ—бобры, выдры и прочія. И мѣсто сіе доселѣ не знаемо бысть отъ человѣкъ, кромѣ бортниковъ, мордвы и прочихъ, въ тѣхъ урочищахъ таковымъ художествомъ владѣющихъ.

О нареченіи имени сего мѣста.

Не извѣстно бо есть, како сіе мѣсто и грады древле нарицахуся,[1]) но въ нынѣшнія времена и лѣта чело-

[1]) Въ окрестностяхъ Сарова въ древнія времена обиталъ народъ финскаго племени—мордва, который велъ жизнь полукочевую, занимался звѣроловствомъ, а отчасти и земледѣліемъ. До нашествія татаръ мордва была подчинена русскимъ князь-

вѣцы, которые то мѣсто вѣдающе,—Старымъ Городищемъ, какъ и въ крѣпостяхъ многихъ сіе явствуетъ, иного же нареченія никакого не имѣется. Егда же благоизволи Богъ на семъ мѣстѣ промысломъ Своимъ святымъ быти церквамъ святымъ и обители, и егда начася о томъ промыслъ чинитися, тогда трудившіеся о дѣлѣ томъ, мню, яко Божіимъ наставленіемъ, нарекоша въ челобитной, юже писаша о справкѣ земли того мѣста подъ церковь, Сатисо-градо-Саровскою пустынью, нарече три реченія во едино совокупленіе: Сатисъ, градъ, Саровъ; и тако оттолѣ нача писатися и зватися пустынь сія Сатисо-градо-Саровской.

О первомъ житіи на семъ мѣстѣ монаховъ.

Послѣди запустѣнія тѣхъ градовъ, аще когда быша человѣческое селеніе, или не быша, о томъ отнюдь не извѣстно. Въ нынѣшнія же лѣта наша извѣстно есть точію о семъ, яко въ наша времена и лѣта до строенія святыя церкви и обители на семъ мѣстѣ за нѣкія лѣта быша монахи—пустынники, о нихъ же хощу писати.

О пришествіи монаха Ѳеодосія.

Въ лѣто 7 [1]) году первѣе всѣхъ на сіе мѣсто пріиде монахъ именемъ Ѳеодосій. И первый онъ бысть на семъ мѣстѣ, и жилъ лѣтъ съ пять или больше съ нѣкоторыми послѣди пришедшими къ нему монахи, без-

ямъ, которые на мѣстѣ теперешней Саровской пустыни, можно думать, имѣли сторожевой пунктъ. Въ концѣ XIII в. край этотъ былъ покоренъ татарами, вмѣсто русскаго острога выстроившими городъ Сараклычъ. Владѣли имъ они около ста лѣтъ, въ концѣ же XIV в. тѣснимые коренными жителями, оставили его и удалились за р. Мокшу; а стольный Сараклычъ началъ съ тѣхъ поръ приходить въ запустѣніе и зарастать лѣсомъ. (Прим. ред.)

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ цифра 7, очевидно, означающая число тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра, далѣе пробѣлъ. Прибытіе монаха Ѳеодосія „на старое городище“ относится приблизительно къ 1664 году. (Прим. ред).

молвіе проходяще. И живше тако, онъ паки отъиде отъ сего мѣста въ нѣкій монастырь, иже бысть во градѣ Пензѣ [1]).

О пришествіи монаха Герасима.

Егда же сему Ѳеодосію хотящу отъити отъ мѣста сего во градъ Пензу, въ монастырь, и еще не отшедшу, пріиде къ нему монахъ, именемъ Герасимъ, изъ Красныя Слободы, изъ монастыря, нарицаемаго Спасскаго, [2]) которая Слобода и монастырь отъ Темникова града четыредесять поприщъ разстоянія имуще. И егда монахъ Ѳеодосій отъиде съ прочими своими монахи отъ сего мѣста, тогда сей монахъ Герасимъ не восхотѣ паки отъити и на семъ мѣстѣ остася, и жилъ ту нѣсколько лѣтъ, и по семъ отъиде же и той паки въ Красную Слободу, въ прежде реченный монастырь. Въ кое же лѣто [3]) онъ, Герасимъ, пріиде на мѣсто сіе и остася, и колико лѣтъ жилъ, или кто съ нимъ отъ монаховъ жилъ,—о томъ нѣсть извѣстнаго вѣдѣнія. Нѣцыи глаголютъ, яко единъ остася послѣ Ѳеодосія и жилъ единъ лѣтъ съ десять; иніи же глаголютъ, яко, по отшествіи Ѳеодосія, остася съ нѣкоторымъ монахомъ и жилъ съ нимъ лѣтъ съ шесть, и отъиде въ монастырь. И къ нему прихождаху монахи и паки отхождаху, онъ же неисходно живяше, донелѣже понуди его нѣкоторая нужда отъ сего мѣста изыти.

---

[1]) Вѣроятно, въ Преітечевъ монастырь, существовавшій близъ Пензы въ лѣсу, на р. Сурѣ. Монастырь этотъ былъ уничтоженъ по повелѣнію Петра Великаго за принадлежчость къ расколу и за „возмущеніе“ монаха сего монастыря Варлаама Левина, порицавшаго всенародно реформы великаго преобразователя Россіи. (Краснослободскій Спасопреображенскій общежительный мужскій монастырь. Москва 1896 г., стр. 13) Прим. ред.

[2]) Основанъ въ 1652 г. (Ред.).

[3]) Это было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка. (Редак).

О житіи вышеписаннаго монаха Θеодосія и о явленныхъ ему знаменіяхъ на мѣстѣ.

Егда же той первый вышеписанный монахъ Θеодосій жилъ на мѣстѣ семъ и сперва единъ, потомъ-же съ пришедшими къ нему монахи, печешеся въ Бозѣ о спасеніи душевнемъ и егда живяше единъ, тогда прихождаху къ нему изъ ближнія веси, нарицаемыя Кременокъ, поселяне, овы молитвы ради, овы же приносяще ему потребная, овы же, въ лѣсу ходяще, къ нему обноцевати приходяху; онъ же упокоеваше и поучаше отъ Божественнаго Писанія како жити христіаномъ, и въ томъ поученіи возвѣщая имъ о мѣстѣ семъ вещи удивленію достойныя, глаголя имъ сице. Слышанію, братіе, воистину достойно, азъ вамъ хощу исповѣдати, яко на семъ мѣстѣ бываетъ нѣкое дѣло Божіе. По многія бо времена въ нощи является зримъ надъ мѣстомъ симъ свѣтъ, дневнаго превосходящій. Бываетъ же то сицевымъ знаменіемъ: аки—бы небесамъ отверстымъ и оттуда ниспущаемому оному сіянію свѣта происходити на мѣсто, идѣ же сія гора бяше, и на многъ часъ той свѣтъ пребываше и паки помалу отхождаше, иногда же, яко огненная заря, надъ гору сію приходя, стояше и пресвѣтлѣ свѣтяшеся; иногда же, во иныя времена, въ горѣ сей звонъ велій быти слышашеся, аки бы кому во многіе колокола звоняцу; и о семъ азъ, братіе, многимъ удивленіемъ объятъ бываю, что сіе бываетъ и чего ради; мню же азъ, яко отъ Бога сія знаменія бываютъ ради нѣкоторыхъ вещей святыхъ, сокровенныхъ здѣ, прознаменуемыхъ, впредь хотящихъ быти, чего ради таковыя знаменія бываютъ, и удивляетъ мя зѣло. Тогда же приходящіе къ нему оные поселяне, слышавше отъ

него, Ѳеодосія, сицевая извѣщаемая словеса, мняху сему знаменію бывати не ради нѣкіихъ духовныхъ предзнаменованій, но ради нѣкіихъ сокровищъ, издревле на томъ мѣстѣ сокровенныхъ, вѣдуще прежде бывшее на мѣстѣ ономъ селеніе съ издревле пребывающими ту человѣки. И того ради другъ другу повѣдающе глаголы старцевы, о знаменіи томъ реченные, и, приходяще на то мѣсто, искаху сокровищъ и, много тружшеся, ничтоже обрѣтаху, но, точію тщету подъемше трудовъ, возвращахуся. Монахъ же оный, Ѳеодосій, тогда про сіе знаменіе много чудився и размышляше о вещи; понеже не просту быти, мняше, явленныхъ ради вышереченныхъ знаменій, но нѣкое смотрѣніе Божіе хотяше быти на немъ сущее или послѣжде, разумѣваше; и того ради тщашеся братію собрати и построити обитель. И по нѣколицѣмъ времени пріидоша къ нему нѣцыи отъ монаховъ и съ нимъ жити начаша, и тогда зѣльнѣе нача прилежати ко строенію обители; но не соизволившу иже вся къ пользѣ провидящему Богу, не возможе сіе сотворити, ибо монаси, къ нему пришедшіе не терпяще пустыннаго пребыванія жестоты, мало пожившше, паки отъ него отхождаху; и не точію едини оные монаси тогда отъ мѣста сего отхождаху, не терпяще пустынныхъ трудовъ и бѣсовскихъ нападеній, но и самъ той Ѳеодосій, не стерпѣвъ, отъиде, яко же выше речеся, во градъ Пензу, въ нѣкій монастырь, гдѣ, бывъ строителемъ и довольно поживъ лѣтъ, скончася о Господѣ въ старости глубоцѣ.

Повѣствоваху же вышеписанныя веси Кременокъ нѣкіе поселяне о семъ монасѣ Ѳеодосіи сице: егда онъ на семъ мѣстѣ пребываніе имяше, тогда въ весь оную часто прихожденіе творяше, и гдѣ бываше собраніе,

онъ, узрѣвъ, приходяще къ нимъ, съ собою имѣвшуюся книгу прочитываше и поучеваше ихъ житію христіанску, и добрымъ нравомъ наставляя, и ко храненію заповѣдей Господнихъ и отеческихъ преданій поощряше, и тако отхождаше паки въ пустыню; келья же его бысть на самомъ валу средняго города, на углу отъ рѣчки Сатиса, у большой ямы, идѣже нынѣ входъ въ малую пещеру. Рожденіе жъ его въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ селѣ, нарицаемомъ Помра.

О житіи монаха Герасима и о знаменіяхъ, явльшихся ему на мѣстѣ семъ.

Егда той монахъ Герасимъ пріиде изъ Красныя Слободы на мѣсто сіе къ вышеписанному монаху Ѳеодосію, якоже выше о томъ писася, и егда, по пришествіи его, Ѳеодосій съ своими монахи отъиде во градъ Пензу, тогда сей Герасимъ остася единъ и нача подвизатися добрѣ, и зѣло премногимъ желаніемъ пустынное безмолвіе прохождаше, благодаряще Бога. Съ терпѣніемъ всяко безмолствуя, зѣло бо имѣя велію ревность о Бозѣ ко спасенію душевному, обучащеся же всегда подвигу духовному жительства и того добрѣ навыче, побѣждая же страсти душевныя и тѣлесныя, житіе стяжа смиренномудро и благихъ дѣлъ искусствомъ себе украсивъ. Различно яже отъ инокъ и отъ мірскихъ, истинно извѣстно житіе его знавшихъ и самовидцевъ бывшихъ, сіе бысть явлено: терпѣніе, благонравіе, нестяжаніе, любовь, смиреніе, воздержаніе и прочія добродѣтели, о нихъ же отъ инокъ монастыря того Спасскаго, въ немъ же пребываше, такожде и отъ поселянъ, въ пустыню къ нему приходящихъ пользы ради, есть извѣстно. Яко егда онъ, монахъ Герасимъ, на мѣсто сіе

пустынное пріиде и мужествомъ крѣпко ограждься, тѣлесныхъ ради потребъ, въ міръ мало исхождаше, зѣльною ревностью одержимъ сый, себя различно удручаше, воюющую плоть на духъ крѣпко тому порабощаше и отъ своихъ трудовъ питаніе получаше, копая бо мотыгою землю и сѣя хлѣбъ, какой прилучашеся, и собирая по пустыни всякое овощіе, и тѣмъ нужду естества исполняше. Егда же хлѣбъ печаше, тогда изсушаше гнилую колоду и съ мукою пополамъ мѣшаше. Овогда же и плевы въ муку влагаше, иногда же едину плеву мукою претворяше толченіемъ и хлѣбной муки мало прилагаше, и тако печаше, и тѣмъ питашеся. И егда кто къ нему прихождаше отъ мірскихъ людей ради благословенія и бесѣды, или бывши кто въ лѣсу, а къ нему ночевати пріидетъ, тогда онъ, Герасимъ, той хлѣбъ свой смѣшенный съ колодою гнилою и съ плевелы, представляше на трапезу ясти. И егда тыи пришедшіи ядуще хлѣбъ оный, тогда услаждашеся имъ въ гортанѣхъ ихъ: аки медъ той хлѣбъ; и насыщающіеся его зѣло чудяхуся тому, како хлѣбъ плевельный и чернъ зѣло, а сладость его несравненно паче добраго и чистаго хлѣба. И пришедше въ домы свои, другъ другу повѣдающе: како у него, Герасима, хлѣбъ ядуще плевельный и зѣло черный, а сладокъ необычно, яко никогда, глаголя, и нигдѣ таковаго хлѣба ядохомъ, яко же у сего старца, и дивляхуся по премногу сія слышащіе.

Еще же и сіе о семъ же старцѣ Герасимѣ должно воспомянуть въ пользу слышащимъ. Егда бо кто, по вышеписанному, къ нему, Герасиму, прихождаше въ келью пустынную, и никто же когда обрѣташе его праздна суща, но обрѣтающе его всегда ово молящагося,

ово въ трудѣхъ, рукодѣліемъ упражняющагося; аще ли кто восхощетъ въ келью къ нему пріити и отъ неискусства, си есть, тихо къ кельѣ пришедше, а онъ, Герасимъ, прихода его не ощутитъ, тогда приходящіи слышатъ его, Герасима, молящагося предъ Богомъ и плачущаго, и поклоны творящаго, главою же въ землю біющаго; егда же приходящаго гласъ, или топотъ ножный ощутитъ, тогда абіе умолкаше, аки бы ничтоже являшеся творящъ, и приходящему не скоро отверзаше окно, многу часу не отвѣщеваше, аки спящъ творяшеся, а егда отвѣщеваше, аки бы отъ сна возбуждшеся. Аще-ли внѣ кельи обрѣтающе его, тогда въ трудѣхъ суща обрѣтающе его: лѣсъ сѣкуща, или землю копающа, или ино что творяща. И егда онъ, Герасимъ, въ сихъ трудѣхъ своихъ бываше и приходящаго человѣка ощущаше, тогда все то рукодѣліе свое или труды покидаше и борзо течаше въ келью свою, и приходящаго упокоеваше, и учреждаше брашно и прочій покой со всякимъ тщаніемъ, поучая же отъ Божественнаго Писанія и словесы полезными услаждая сердце приходящаго: бѣ бо въ бесѣдѣ полезенъ бяше.

Глаголюще же о немъ и се. Аще кто отъ мірянъ приношаше ему хлѣбъ добрый, отъ единаго жита чистаго печеный, то онъ той хлѣбъ соблюдаше и представляше къ нему приходящимъ. Самъ же всегда ядяше свой хлѣбъ, плевельный и съ колодною корою гнилою печеный; аще ли случится у него быть когда каковое вареніе: шти или горохъ, или грибы, или рѣпа и прочая,—то онъ, ту всю вареную ядь смѣшавше въ мѣсто едино, тако ядяше всегда единовидное брашно. Ядь же его бяше по вся дни, аще недѣля или праздникъ, единою днемъ точію.

О проявленномъ знаменіи на мѣстѣ семъ ему, Герасиму.

Егда же сей монахъ, Герасимъ, живяше на семъ мѣстѣ въ богоугодномъ житіи и отъ силы въ силу добродѣтелей восхождаше, тогда бысть ему явленіе сицево, яже онъ самъ повѣда нѣкимъ искуснѣйшимъ приходящимъ къ нему человѣкомъ, сице глаголя: мѣсто сіе свято есть, ибо нѣкогда, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, молящуся мнѣ предъ Богомъ, исполняющу обычное свое правило, абіе услышахъ въ горѣ сей звонъ великъ и толикъ, яко и мѣсту сему колебатися, и отъ того времени и по многія времена той звонъ здѣ слышанъ мнѣ бываетъ; и мню, яко мѣсто сіе святое, и не просто тако творится, но отъ Божія промысла, являя на немъ сокровенную нѣкую святыню, или прознаменуя впредь быти имущую когда.

Объ обрѣтеніи креста и о пророчествѣ его, Герасима, про мѣсто сіе.

Еще же и се о немъ же, Герасимѣ, повѣствовася. Въ нѣкое бо время слышавше про той звонъ многіе люди, а наипаче изъ вышеписанныя веси Кременокъ два поселянина, единъ именемъ Алексѣй, прозваніемъ Зимнякъ. Онъ, Алексѣй, и Андрей пріидоста къ нему, Герасиму, и начаста вопрошати его все о мѣстѣ, и въ которой странѣ слышалъ онъ, Герасимъ, бывающій звонъ. Бѣ же келья стояше отъ устья Сатиса къ восточней странѣ, въ третьемъ городѣ, на краю угла, идѣже съ горы отъ мѣста онаго прокопанъ ровъ къ источнику, по нему же къ пещерѣ ходъ, которой есть нынѣ. Онъ же, Герасимъ, указавъ имъ отъ своей кельи къ западной

сторонѣ, на средній городъ, рекъ имъ, яко къ той странѣ, идѣже указа имъ старецъ. Чаяху бо, яко сокровища нѣкоего ради сокровеннаго звонъ являшеся, и начаша копати, ища; и егда копавше въ среднемъ городѣ, въ самомъ углу, подлѣ вала земляного, идѣже нынѣ подъ тѣмъ мѣстомъ ходъ въ пещеры, и обрѣтоша шесть крестовъ каменныхъ. Бѣ же тѣ кресты четвероконечные, яко же обычно таковые монахомъ носити. Потомъ же, еще въ томъ мѣстѣ покопавше, абіе обрѣтоша иный крестъ, единъ, четвероконечный же, мѣдный, складный, имѣющій въ себѣ двѣ части, внутрь же обоихъ тѣхъ частей издолбленіе крестообразное, яко удобно въ него влагатися святымъ мощамъ, [1]) яко же сице нынѣ той св. крестъ виденъ въ пещерахъ, идѣже и положенъ есть. И егда обрѣтоша, той святый крестъ оные поселяне и съ нимъ прочіе кресты принесоша ко оному монаху Герасиму показати, вопрошая его, Герасима, глаголя: отче святый, вѣси-ли ты, аще прежде сего въ древнихъ лѣтѣхъ на семъ мѣстѣ христіане-ли быша, понеже бо нынѣ здѣ—сіи кресты. Рѣче: Господь Богъ есть на мѣстѣ семъ, яко симъ святымъ крестомъ, нынѣ обрѣтеннымъ, по волѣ Божіей быти; мню, яко и прежде отъ нихъ знаменія здѣ бываша, а наипаче, мню, яко есть въ горѣ сей сокровенное сокровище благодати Божіея, или нѣкія святыя мощи, или святыя иконы, или ино отъ святынь что либо есть сокровенно здѣ, и того ради знаменія бываютъ отъ Бога чрезъ звоны и чрезъ прочія явленія, да въ предыдущія лѣта всяко будетъ о томъ объявлено, или

[1]) Крестъ этотъ доселѣ хранится въ пустыни. Въ 1714 году въ него было вложено читырнадцать частей св. мощей Кіевопечерскихъ чудотворцевъ, присланныхъ въ Саровъ изъ Москвы Царевной Маріей Алексѣевной чрезъ секретаря Ѳедора Журовскаго. Прим. редак.

мѣсто прославлено сіе будетъ, чего ради и сіи святые кресты нынѣ обрѣтошася здѣ; мню, яко да знаменія бывающія исполнятся въ дѣло, и всякая святыня на прославленіе мѣста сего будетъ объявлена.

Зри же Божій промыслъ, како сей святый монахъ Герасимъ о семъ мѣстѣ предсказа, яко будетъ оно прославлено, яко же бысть. По пророчествіи же томъ воля Божія восхотѣ оному монаху Герасиму изъ сея пустыни, отъ мѣста сего святого изыти; яко да Богъ чрезъ его, Герасима, предсказаніе, большимъ извѣстнѣйшимъ извѣщеніемъ о мѣстѣ семъ благоволитъ извѣстити и прославити во свое Его время.

О изшествіи его, монаха Герасима, изъ сея пустыни.

Еда же живяше оный старецъ Герасимъ въ пустынѣ сей, подвизаяся всячески различными образы, еже бы угодити Богу и плоть свою поработити духу, мѣсто же сіе зѣло любляше, на немъ же и до смерти своей подвизатися и жити желаше. Но Богъ Всемогущій, предвѣдый вся и всѣмъ полезная строяй, не восхотѣ по его, старца Герасима, желанію быти тогда; но паче то его желаніе купно же и предзнаніе по смерти его исполнити хотяше. Здѣ же токмо восхотѣ то его желаніе и предзнаніе извѣстнѣйше по смерти его самымъ исполненіемъ сотворити. Чего ради Всепремудрый Господь, Иже судебъ имый неисчислимую безднy, которыя недовѣдомыя Его судьбы на семъ старцѣ произведе, тогда прикровенно остави, нынѣ же явственно извѣсти, яко же о томъ ни-кеслѣдующая явитъ повѣсть.

Егда бо помышляше оный старецъ, еже на семъ мѣстѣ не точію неисходно пребыти, но тщашеся и

жизнь свою окончити, тогда недовѣдомый въ судьбахъ Богъ на него, Герасима, попусти искушеніе сицевое. Не терпя бо иже издревле враждуяй человѣческому спасенію діаволъ, понеже онаго подвижника ревностью возгорающагося видя, паче же зря себе отъ него попираема во всемъ и его вся сѣти лукавыя боголюбіемъ, терпѣніемъ же и смиреніемъ и прочими добродѣтельми, яко поучина, растерзаемы, завистью зѣльною разжегся, не утерпѣ злокозненнаго своея прелести коварства распространѣти на него сѣти, тщашеся бо не точію того, но и другихъ, хотящихъ подвигамъ пустынничества касатися, теченіе пресѣщи нижеслѣдующимъ образомъ: искушеніе ему наведе сицевое, Богу тако попустившу на вящшую пользу, паче же тѣмъ искушеніемъ проявити хотя промыслъ Его божественный, о мѣстѣ семъ быти имѣющій.

18443

Наусти бо діаволъ злобныхъ человѣкъ, воровъ близъ того мѣста, идѣже онъ, Герасимъ, живяше, въ лѣсу на нѣкоемъ пути, иже отъ Арзамаса къ Темникову, собиратися и разбой, грабежъ творити, къ нему же, Герасиму, часто пріѣзжати, разбойническіе прибытки у него дѣлити. Еще же къ тому и вотчинники того мѣста, си есть, кадомскіе мордвы, не повелѣвающе ему ту пребывати, и, аще не снидетъ съ того мѣста, убійствомъ претяху. Тогда, видя онъ, Герасимъ, такую напасть отъ діавола себѣ нанесенную, зѣло бысть прискорбенъ и смятеся умомъ и, не вѣдая что сотворити, бояшеся бо, да не пострадаетъ впредь отъ нихъ, разбойниковъ, и отъ мордвы, отъ градскихъ начальниковъ, зане объявленіе: подпаде, яко человѣкъ, малодушію. И тако ему о семъ смущающуся и скорбящу, абіе помяну слово Господне, реченное во святомъ евангеліи:

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СС

аще гонятъ васъ, рече, изъ града сего, бѣгайте въ другій. Тогда помысли еже отъ того мѣста отъити и вселитися, идѣже Богъ благоволитъ, и паки воспятися отъ сего и положися въ волю Божію и нача о семъ прилежно молити Всемилостиваго Бога, да покажетъ ему мѣсто, еже Самому Тому угодно, ко спасенію его спискательно и полезно, и, яко же вѣсть, судьбами своими да избавитъ его отъ належащія тыя напасти. И, тако ему молящуся и помышляющу, что полезнѣе сотворити, и се по нѣколицѣхъ днѣхъ пріидоша къ нему изъ Красныя Слободы, изъ монастыря, идѣже онъ, Герасимъ, постриженъ, монаси отъ всей братіи и начаша молити его, дабы онъ шелъ къ нимъ въ монастырь и былъ у нихъ строителемъ. Тогда онъ, Герасимъ, помысли и разумѣ, яко Божій промыслъ тако о немъ восхотѣ, иже хощетъ его избавити отъ напасти вышеписанныя, преклонися къ моленію ихъ и поиде къ нимъ въ монастырь, помышляюще же сіе: аще Богъ изволитъ, то впредь паки на мѣсто возвратитися имамъ. И тако съ симъ намѣреніемъ отъиде въ монастырь свой и бысть тамо начальникомъ въ лѣто (1678) [1]. Житія же сего было лѣтъ 5, иніи же глаголютъ, лѣтъ 6; и оттолѣ мѣсто сіе паки пусто бысть.

О положеніи жребіевъ на престолъ.

Егда же сей старецъ Герасимъ отъиде отъ мѣста сего въ монастырь оный и, бывшу ему тамо, помышляше о мѣстѣ семъ, отъ него же отъиде, како еже обѣщася на немъ умрети. И о семъ моляшеся Богу, да пока-

[1]) Этотъ годъ и другіе, отъ него взятые, выставленные въ рукописи впослѣдствіи карандашемъ, въ печати заключены въ скобки. (Редак.)

жетъ ему, гдѣ имать положитися тѣло его по смерти. И о семъ нѣкогда прилежно ему молящуся, возбудися совѣсть его, умысли сотворити два жребія и положити въ церкви на престолѣ во извѣстіе, гдѣ имать положитися тѣло его. И егда смѣшаны тыи жребія быша и положены подъ покровъ на престолѣ, и, по молитвѣ, вземше онъ, Герасимъ, единъ жребій и обрѣте той жребій въ руку его, еже положену быти тѣлу его въ сей Сатисо-градо-Саровской пустыни. И оттолѣ онъ положися въ волю Божію, глаголя: аще будетъ воля Божія, да будетъ тако. И нача жити въ монастырѣ своемъ, такожъ отъиде на безмолвіе на рѣчку Ряпку жити, отстоящую отъ монастыря за 5 поприщъ. А мѣсто сіе, Сатисо-градо-Саровская гора, паки пусто бяше

О житіи сего монаха Герасима, по исшествіи изъ сея пустыни, въ Красной Слободѣ.

Егда же сей монахъ Герасимъ изъ сея пустыни пріиде въ Красную Слободу, въ вышеписанный монастырь и бысть тамо въ братіи настоятелемъ, не измѣня своего прежняго пустыннаго житія и правила. По положеніи бо вышеписаннаго жребія на престолъ, мало поживъ въ монастырѣ съ братіею, постави себѣ отшельную келью въ лѣсу, пять поприщъ отъ монастыря разстоянія имущую, на нѣкоей рѣчкѣ, зовомой Ряпкою, и въ ту келью отхождаше и живяше тамо, безмолствуя со единымъ нѣкіимъ нѣмымъ монахомъ. Братія же изъ монастыря къ нему прихождаше и благословеніе отъ него пріимаше, вся по его благословенію творяще. Самъ же въ монастырь точію временно приходяше. Братія же вся зѣло его любляше и, почитающе его,

яко отца и наставника, никамо же его, кромѣ оныя отходныя его кельи, хотяше пустити, всячески его утѣшающе, понеже при немъ обитель ихъ всякое изобиліе имѣла, чесо ради вси его послушающе и ни въ чемъ его оскорбляюще; чесо ради и онъ, Герасимъ, любовію тѣхъ побѣждаемъ бываше, а наипаче видя, яко безмолвіе его не бываетъ пресѣцаемо, не отъиде отъ мѣста онаго никамо; живяше бо во оной кельѣ многія лѣта богоугодно и питашеся же, яко же и прежде въ сей Саровской пустыни, отъ своего труда, мотыгою копаше землю и самъ сѣяше хлѣбъ, рѣпу и овощія, излишшая же въ монастырь посылаше. И тако поживъ благоугодно до кончины своея, еще въ жизни сей отъ Бога благодати сподобися пророческаго дара и молитвою своею человѣкомъ недуги врачеваше.

О промыслѣ Божіемъ, како, по исшествіи монаха Герасима изъ пустыни, прихождаху монахи на мѣсто оно, и о явленіи церкви въ видѣніи нѣкоему юношѣ—мірянину, и о постриженіи его, и о приходѣ его въ пустыню, на оное мѣсто, идѣже бысть Герасимъ.

По исшествіи вышеписаннаго монаха Герасима въ Красную Слободу въ 1678 году, даже до лѣта 1690 на семъ мѣстѣ, въ сей пустынѣ не бысть монаховъ никого, но пусто бяше. Богъ же, дивный въ дѣлѣхъ, хотя исполнити предзнаніе о положенномъ жребіи монаха Герасима, того мѣста не оставляше, но предвосхотѣ его прославити святыми церквами. Аще бо и пусто оно мѣсто, по житіи онаго монаха Герасима, бысть на нѣкая лѣта, въ та лѣта, егда пусто мѣсто оно бысть, тогда

Божественный Его промыслъ недовѣдомыми судьбами своими промышляше о немъ, яко же единъ вѣдая самъ, человѣкомъ же отнюдь не вѣдомо, понеже весьма утасны судьбы Божіи отъ человѣкъ. Посылаше бо Богъ къ нему иныхъ монаховъ въ различныя времена; и прихождаху къ нему овіи, хотяще точію посмотрѣти, овіи же, хотяще и жити на немъ, и овіи, живше мало и не стерпѣвше пустыннаго озлобленія, паки отхождаху, овіи же, хотяще на немъ жити и братію собрати, безъ воли Божіей не получаху своего желанія. И единаче мѣсто бысть пусто и, егда сія бываху, отъ лѣта 1678, въ немъ же старецъ Герасимъ отъ сего мѣста отъиде, и прейде вящше десяти лѣтъ. Тогда по лѣтѣхъ тѣхъ бысть нѣкій юноша, мірянинъ, иже желаніемъ зѣльнымъ желаше пріяти на ся ангельскій образъ [1]). И той юноша видѣ единождыжъ сонномъ видѣніи церковь зѣло предивну и на воздусѣ икону Пресвятыя Владычицы, нисходящую на ту церковь; онъ же зряшеся стояти и смотрѣти на то дивное видѣніе, и мняшеся ему, яко Господь Богъ благоволитъ ему тѣмъ стояніемъ и зрѣніемъ своимъ, показующе милосердіе ко оному юношѣ, оную церковь являюще. Тотъ же тогда ничто же внимаше, но точію зряше на тую икону и зрѣніемъ тоя наслаждашеся и отъ всея силы, плачуще и рыдающе, вопіяше; и отъ того абіе многаго плача, отъ сердечнаго восклицанія пробудися и, въ себе пришедъ, ощути сердце свое всякаго мира и радости исполненно, на плачъ поощряющееся; и о семъ въ недоумѣніи пребываше, точію благодаряще Бога, преподавшаго ему сердечную радость таковую.

---

1) Здѣсь разумѣется самъ авторъ „сказанія“, первоначальникъ Исаакій. (Редак.).

По семъ той юноша діавольскимъ поощреніемъ паки па прежній свой обычай грѣховный влечешеся и Божіимъ промысломъ воспящевашеся, каяшеся, желающе иноческаго образа. Во единъ же отъ дней того времени паки бысть во изступленіи соннемъ. И слышитъ нѣкій гласъ, къ себѣ глаголющъ сице: душе, время ти есть обращенія и исполненія обѣщанія; Господь ти помощникъ во благомъ, во всемъ пребудетъ. Тогда той юноша отъ сего гласа одержимъ бысть веліимъ страхомъ и ужасомъ и, отъ того пробуждься, разумѣ, яко Богъ хощетъ покаянія его; и отъ того времени нача тщатися, еже отрещися міра и быти монахомъ, и недоумѣваше, како то сотворити, или отъ кого наставитися, камо итти, гдѣ и отъ кого иноческій чинъ пріяти, понеже не знаяше отнюдь не токмо градовъ, странъ, и монастырей, но ниже окрестныхъ и ближнихъ весей знаяше, ниже кіихъ человѣкъ къ наставленію тому имѣяше, ниже самъ кое искусство вѣдаше: отнюдь бо невѣжда есть; и сего ради не вѣдая, что себѣ о семъ сотворити, или коимъ образомъ желаніе свое исполнити, моляшеся въ себѣ о семъ прилежно къ Богу, прося помощи и наставленія. Въ сихъ же ему бывшу, въ нѣкое время спящу ему, абіе узрѣ къ себѣ припедшихъ нѣкіихъ монаховъ, въ нихъ же и единъ іеромонахъ быти зрящеся, иже бѣ нося книгу и одѣяніе мнишеское, и рекоша ему: се пріидохомъ къ тебѣ постриши тя. Той же юноша о семъ зѣло возрадовася, яко хотяху его постриши. И абіе начаша его постригати; и егда постригоша, и еще не отшедше, абіе нападе на него страхъ и веліе уныніе; и отъ того пробуждься, обрѣте сердце свое зѣло оскорбленно и трепещуще; и по-премногу бысть горько, горчайше полыни. Тогда

оный юноша зѣло оскорбися и отчаивашеся своего спасенія, недоумѣваше и помышляше въ себѣ глаголя: аще таковыя пріиде ми горесть и скорбь, не у иночества пріемшу, и не явѣ, но въ видѣніи бысть сицевая горесть, егда же постриженъ имамъ быти, что не имамъ пострадати лютѣйше; и тако тѣмъ отъ намѣренія воспящешеся, дондеже Богъ благоутробіемъ Своимъ паки страхомъ Своимъ воспяти и къ желанію иночества мысль его устреми, яко о отложеніи того желанія зѣло ему разкаиватися.

О постриженіи онаго юноши и приходѣ въ Сатисо-градо-Саровскую пустынь.

По семъ промысломъ о всѣхъ пекущагося Бога оный юноша пострижеся въ нѣкоемъ монастырѣ и нареченъ въ монашествѣ Иларіонъ; [1]) и нѣколико время пребысть въ нововачаліи, и печешеся о спасеніи своемъ и о очищеніи грѣховъ своихъ, како бы принести покаяніе, и о семъ моляшеся, да возможетъ получить безмолвіе. И тако сему помышляющу о своемъ покаяніи, случися ради нѣкіихъ винъ изыти изъ монастыря нѣкоего монаху нѣкоему и пріити во оный монастырь, идѣже бѣ оный новопостриженный. И случаю бывшу, тому новопришедшему со онымъ юнымъ монахомъ бесѣду употребити о постриженіи того пришедшаго монаха. О житіи же и о мѣстѣ, идѣже пребываетъ, возвѣсти ему той, рекуще сице: обрѣтохъ, рѣче, азъ мѣсто къ безмолвію весьма удобно, въ темниковскомъ лѣсу, на рѣчкѣ нѣкоей, нарицаемой Сатисъ, и на другой рѣчкѣ Саровѣ; на немъ

[1]) Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ подъ Иларіономъ должно разумѣть о. Исаакія, который, описывая свою борьбу съ искушеніями, изъ смиренія представляет себя подъ именемъ монаха Иларіона. (Прим. редакт.).

же азъ быхъ прежде и видѣхъ, яко зѣло есть прекрасно и угодно къ безмолвію; прежде бо сего времени во многая прошелшая лѣта были на немъ нѣкіи монахи, единому имя Ѳеодосій, а другому Герасимъ, которой и нынѣ еще живъ сый въ Краснослободскомъ Спасскомъ монастырѣ; нынѣ же то мѣсто отъ многихъ лѣтъ пусто есть; и нынѣ, аще кто желаетъ безмолвія, то зѣло оное мѣсто есть къ сему угодно, овощіемъ изобильно, отъ мірскихъ бо людей отстоящее далече; и аще кто мнѣ будетъ подругъ, азъ съ нимъ пойду на оное мѣсто пребывать. Той же юный монахъ, сія слышавше, абіе нача сердцемъ и духомъ на любовь мѣста онаго распалятися, наипаче на уединеніе и безмолвіе, его же прежде многажды желая; прилежно же о пути того повѣдавшаго къ тому предсказанному мѣсту вопросивъ, увѣда; и абіе разыдостася. По семъ же той монахъ начатъ мыслію и сердцемъ къ желанію вящшему разгоратися, еже каковый улучити способъ ко осмотрѣнію того мѣста; обрѣтъ же къ тому подобно время и испроситъ у духовнаго его отца благословеніе, съ нѣкіимъ единомысленнымъ бѣльцомъ согласися; никому же о томъ повѣдая, на то вышереченное мѣсто поидоста и, обходивше его всюду, разсмотрѣста и зряста, яко весьма бысть ядобно къ безмолвію, зѣло возлюбиста и, помоливше, на немъ крестъ водрузиста, паки возвратистася во свояси, желаніемъ къ житію на томъ мѣстѣ одержимы.

О видѣніи ужаснемъ.

Егда той монахъ со онымъ бѣльцемъ, пришедъ въ свой монастырь, помышляше, како бы и когда на оное мѣсто пріити и, вселивше, жити, отъ путнаго тру-

ла въ кельѣ своей, восклонься на одръ, усну и абіе бысть въ страшномъ видѣніи. Мняше бо той монахъ себе быти на ономъ мѣстѣ, аки уже живуще въ построенной нѣкоей кельѣ, тамо стоящей въ первомъ городѣ отъ устья, отъ сѣверныя страны; дверь же бяше у той кельи къ востоку, окны же къ полудню, пещь же на сѣверней странѣ, въ западномъ углу. И въ той (кельѣ), на полуденной странѣ, въ восточномъ углу видѣвъ себе стояща къ востоку, читающа обычное свое правило, акаѳистъ Пресвятей Богородицѣ; во второмъ же углу, къ восточней отъ сѣверной страны, видѣвъ стояща того бѣльца, которой купно съ нимъ на мѣсто тое ходилъ, читающа правило нѣкое; въ третьемъ же углу, къ полуденной странѣ, къ западу, видѣвъ иного нѣкоего монаха, стояща, такожде молящася и читающа правило по книгѣ. Таже абіе узрѣ къ себѣ грядущихъ, къ кельѣ той, въ ней же онъ стояше, аки бы безчисленное народа множество; и пришедше къ той кельѣ, всюдую обступиша; и бысть около той кельи, и по всей горѣ, и повсюду то мѣсто исполнено аки человѣковъ утѣсняющихся; и абіе тіи многонародніи человѣцы вси устремишася на онаго юнаго монаха, и съ великимъ устремленіемъ нача въ двери кельи тоя лѣзти, тако бо устремляющеся борзо, яко другъ друга порѣвати и, во дверѣхъ утѣсняющеся, другъ друга прескакати, предваряюще коегождо, аки бы того монаха пожрети хотяще; и егда вся келья исполнися оныхъ, и около кельи, вся гора и повсюду множество бяше утѣсняющихся зѣло зрѣти, и начать на него, монаха, то безчисленное множество, аки лютейшіи звѣріе, взирати, великимъ гласомъ кричаще сице: почто ты на се мѣсто пришелъ, оставя монастырь свой, и кая тебѣ польза

будетъ на мѣстѣ семъ, но отъиди скоро отсюда, да не погибнеши злѣ, ибо не можеши здѣ быти. Тогда той монахъ разумѣ, яко демонское то коварство, ничто же имъ противу отвѣщеваше, но укрѣпляшеся сердцемъ и духомъ въ дерзновеніи, обычное свое исполняше моленіе; и егда паче начаша стужати ему, тогда онъ къ нимъ глагола: почто вы пріидосте сѣмо стужати, ибо суетные вапи сіи ко мнѣ глаголы, ниже кую имуще нужду вопрошати мя, на мѣсто сіе пришедша; пріидохъ бо плакатися грѣховъ моихъ. Тогда слышавше демони сія, и, аки бездерзновенни бывше, умолкоша, но точію зѣло унывше, стояху. И по семъ абіе услышанъ бысть нѣкій гласъ великаго вопля, и воззрѣвъ оный монахъ къ полудневной странѣ и видѣвъ отъ западныя и сѣверныя страны, изъ рѣки Сатиса, по обѣ страны грядущихъ аки матерь свою со всѣми сродники своими и съ знаемыми, плачущихъ, кричащихъ и вопіющихъ великими гласы жалостнѣ; матерь же его вопіяше, глаголюще: о сыне мой, почто ты мене опечалилъ и многую скорбь сотворилъ ми еси, яко въ сіе дальное и пустое мѣсто отъ насъ отшелъ еси; почто ты въ такое сіе незнаемое и удаленное, паче же ничто же тя пользующее мѣсто пришелъ еси; не довлѣло ли тебѣ спасенія во твоемъ отечествіи, на обѣщаніи, идѣже постриженся, быти; и тамо мы слышахомъ и видѣхомъ тя, близъ суща себе, и мало нѣчто утѣшахомся, нынѣ же мы того лишихомся; почто ты тако оскорбилъ мя еси, матерь свою; не азъ ли тя породихъ и сосцами своими воскормихъ, и печалію моею о тебѣ всегда снѣдаема бывахъ; нынѣ же отъ тебе презрѣнна быхъ и уничижаема есмь; но молюся ти нынѣ, любезное мое чадо, помилуй мя и послушай матерь свою: возвратися на свое обѣщаніе,

идѣже постригся, донелѣ смерть мя не постижетъ, не могу бо тя въ сицевомъ мѣстѣ зрѣти, ниже слышати, понеже бо никая польза тебѣ здѣ быти, токмо развѣ душу мою погубити. О, увы! Горе мнѣ бѣдной, не помилованной и презрѣнной! Такожде сродницы и знаемые, иже съ нею бяху, по всему лѣсу и повсюду предстоящее множество народа такожде велію молву и мятежъ творяху. Тогда той монахъ юный, видѣвъ такое внезапное нашествіе демонское во образѣ матере и сродниковъ и знаемыхъ, мняше бо тогда истинную матерь и сродниковъ, пришедшихъ стужати ему, и, стуживъ си зѣло и унынiемъ велiимъ объятъ бывъ, смущашеся и абіе возопи аки къ матери своей, глаголя: почто, мати моя, сѣмо пріиде стужати душѣ моей, яко же на обѣщаніи моемъ стужала ми еси всегда, и нынѣ отъ твоего стуженія избѣжати не возмогохъ и здѣ, но паче смущеніе душѣ моей отъ тебе бѣ; но отъиди отсюда, нѣсть бо добро васъ послушати и душу мою смущати, никогда же бо васъ въ сихъ буду слушати; и слышавше сіе отъ мене, тіи умолкоша, гнѣвомъ-же точію ярящеся нань. И абіе отъ многія горести и унынія той монахъ возбудися и, въ себе пришедъ, обрѣте сердце свое скорби исполненно, и, въ недоумѣніи бывъ, о семъ умомъ колебашеся, сказавъ сіе видѣніе отцу духовному. Той же повѣда сіе мечтаніе бѣсовское быти и внимати сему ему запрети. И тако нѣколико время въ монастырѣ пребываше.

О пришествіи онаго монаха паки съ Филаретомъ, монахомъ, на мѣсто вышереченное и паки о исходѣ.

Въ лѣто 1691-е вышеписанный монахъ паки на оное мѣсто, еже въ видѣніи видѣ, съ монахомъ Фила-

ретомъ, повѣдавшимъ ему прежде о ономъ мѣстѣ, пріиде; и поставиша себѣ кущу въ третіемъ городѣ, идѣже мимо того мѣста на источникъ ходъ бяше, на самомъ углу, близъ того мѣста, идѣже Герасима, краснослободца, келія бысть; и въ той кущѣ живяху мѣсяцъ или больше, готовяще лѣсъ на строеніе келіи; терпяху же оскудѣніе потребъ тѣлесныхъ и прочія озлобленія пустынныя. И по семъ монахъ Филаретъ нача смущатися помыслы, воспоминающе то пустынное озлобленіе и труды, и всякіе недостатки во всемъ. И не могъ терпѣти: пойде отъ того мѣста паки на обѣщаніе свое, въ Темниковской монастырь. Монахъ же той, съ нимъ пришедый, о отхожденіи его оскорбися и отъ помысловъ боязни стужися, единъ не остася, но со онымъ монахомъ купно пойде; пребывшу же ему тамо, въ монастырѣ нѣколикое малое время, возбужденъ бысть паки помысломъ итти въ ту пустыню единъ.

О приходѣ бѣльца Андрея.

(Егда же) оный возлюбленный паки тогда изъ Темникова пріиде въ Арзамасъ, обрѣте въ Арзамасѣ въ Спасскомъ монастырѣ нѣкоего юна бѣльца, именемъ Андрея, нравомъ препроста суща, ко спасенію же зѣло тщалива [1]), и совѣщашеся съ нимъ. Паки пріидоста на мѣсто оно и начаста жити купно въ прежней оной кущѣ лубяной, сѣкуще паки лѣсъ къ созиданію келій; носяста на раменахъ своихъ и срубиста себѣ келью, постависта ю въ большомъ городѣ, къ речкѣ Саровѣ.

---

[1]) т. е. тщательнаго. (Ред.).

О послушаніи и о исхожденіи того бѣльца Андрея изъ пустыни.

Той же бѣлецъ Андрей пребысть тогда съ тѣмъ монахомъ нѣколико время; труждаяся, во всякомъ послушаніи пребысть; и часто посылашеся въ міръ ради потребъ тѣлесныхъ. Онъ зѣло тщательно со всякимъ усердіемъ вся повелѣнная исполняше; единою же нѣкогда посланъ бысть ради потребъ въ міръ и абіе не возвратися въ пустыню. Оный же монахъ остяся единъ въ пустынѣ.

О зачатіи копанія пещеры и о видѣніи, како бысть благословеніе отъ преподобнаго Иларіона великаго.

Въ лѣто 1692, индикта 14, егда той юный монахъ бысть единъ на мѣстѣ томъ, отъ многаго желанія помысли ископати собѣ ко житію пещеру; и о томъ услаждашеся помыслъ его многое время и понуждаше его начати; и по мнозѣ желаніи, въ нѣкое время нача копати въ полугорѣ отъ рѣчки Сатиса, надъ источникомъ, идѣже нынѣ самый входъ въ пещеры, близъ своей кущи, идѣже тогда онъ пребываше. И егда того дни, въ онь-же нача копати, и, ископавъ нѣчто, утруждься и пришедъ въ свою вышепомянутую кущу или шалашъ свой, возлегъ въ немъ, низведенъ бысть абіе въ сонъ тонокъ, бысть во изступленіи и зряше видѣніе сицевое.

Видѣ бо себя стояща близъ града Кіева и тамо Печерскія обители преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, на нѣкой полянѣ, не зѣло великой, окруженной повсюду чернымъ лѣсомъ; и дивися о томъ, како онь обрѣ-

теся тамо внезапу; и поглядываше сѣмо и овамо тоя поляны, и узрѣ повсюду тоя поляны токмо лѣсъ стоящъ; на самой же полянѣ зряхуся нѣціи человѣцы, стоящіи и аки-бы ждущіи нѣкоего ту пріити; и се абіе тіи человѣцы начаша къ себѣ глаголати: архіерей Иларіонъ грядетъ сѣмо. Той же монахъ, слышавъ сіе, воззрѣвъ къ восточней странѣ и узрѣвъ архіерея нѣкоего, прямо грядуща къ себѣ въ мантіи архіерейской, посохъ имуща въ рущѣ; съ нимъ же бяху нѣціи монахи и бѣльцы. Пришедъ же къ нему, монаху, архіерей той съ прочими, благослови его дланію своею. Монахъ же, пріемъ отъ того архіерея благословеніе, абіе радостенъ бывъ и пришедъ въ себе, ощути сердце свое мирно и радости исполненно. И пріиде къ нему абіе мысль, глаголя: сей есть архіерей Иларіонъ, оный, ископавый прежде пещеру двою саженей въ Кіевѣ, въ нюже преподобный отецъ Антоній, егда пришедъ изъ Аѳонскія горы въ Кіевъ, вселися и большую ту содѣла. Не вѣдая же той монахъ про святаго Иларіона доселѣ, яко архіерей онъ послѣди бысть въ Кіевѣ, но мняше его монахомъ быти простымъ и нача въ себѣ помышляти, глаголя: истинно-ли есть, яко той монахъ Иларіонъ, ископавый прежде преподобнаго Антонія двою саженей пещеру,—есть архіерей; и пойде во градъ къ нѣкоему человѣку и, испросивъ книгу—патерикъ печерскій, хотя въ ней увѣдѣти про онаго Иларіона истѣе, бысть ли онъ архіерей; и обрѣте, въ житіи преподобнаго Антонія написано, яко той святый Иларіонъ, ископавый пещеру двою саженей, прежде бысть постриженникъ преподобнаго Антонія, послѣди же, по многихъ лѣтѣхъ, бысть митрополитъ града Кіева. Тогда онъ, монахъ, увѣдѣвъ сіе, почудися зѣло и оттолѣ нача паче прилежати къ

пустынѣ и къ пещерному копанію; и ископа пещеру двою саженей, и потомъ ради иныхъ нѣкихъ нуждъ упразднися отъ того пещернаго копанія, и прилежаше пустынному и безмолвному пребыванію.

О приходѣ онаго монаха обратно въ пустыню и о приходѣ къ нему въ сожитіе двухъ монаховъ— Палладія и Герасима, другого, нарицаемаго кезенца.

Въ то же лѣто 1691 ко оному монаху пріидохъ и азъ изъ Темникова и быхъ съ нимъ. Потомъ же тогожъ году пріиде монахъ, именемъ Палладій, подругъ мой, и жихомъ съ нимъ купно съ годъ во единой кельѣ. Потомъ же Августа 19 дня 1692 году пріиде монахъ изъ дальныхъ монастырей, именемъ Герасимъ, постриженникъ бѣ въ Балахонскомъ уѣздѣ, за Волгою, въ Спасскомъ монастырѣ, иже нарицается на Кезѣ [1]). И жихомъ по разнымъ кельямъ, имуще далече отъ себе разстояніе. И ему, монаху Герасиму, построихомъ келью въ первомъ городѣ отъ устья Сатиса, на углу. Намъ же съ Палладіемъ даде оный монахъ Иларіонъ въ большомъ городѣ готовую построенную, юже онъ построи исперва, пришедъ съ преждереченнымъ бѣльцомъ Андреемъ, въ большемъ городѣ. И тако жихомъ въ безмолствіи со онымъ Палладіемъ въ той кельѣ нѣкое время. И случися намъ ради потребъ тѣлесныхъ обоимъ изыти въ весь, нарицаемую Кременки; и егда возвратихомся и, пришедше въ пустыню къ своей кельѣ оной, абіе видѣхомъ ю и все, еже нуждное намъ, бывшее въ ней изъ книгъ, одеждъ и прочаго, отъ огня сгорѣвше; бѣ бо зима въ то время бысть, отъ врага такову иску-

[1]) Въ нынѣшнемъ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. (Ред.).

шенію бывшу, не малой же намъ нуждѣ испонѣ случися быти, яко иной кельи, зимняго ради времене, строить было не возможно; тогда, не хотяще, принуждены быхомъ отъ помыслъ на ту зиму изыти изъ пустыни въ монастыри и быхомъ во Флорищевой пустыни. И точію пребыхомъ въ той Флорищевой пустыни 4 дни. И, раскаявшеся, понуждены бѣхомъ добрыми помыслы паки возвратитися въ пустыню. И пріидохомъ, ископавше себѣ малу келью въ землѣ, въ горѣ отъ Сатиса, надъ источникомъ, идѣже нынѣ стоитъ церковь Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Источника; и изъ той кельи въ гору ту ископавше себѣ пещеру пяти саженей, тако зиму прежихомъ, многи ту скорби отъ зимы и отъ тѣсноты и во всемъ недостатки терпѣвше. Пришедшу же лѣту, построихомъ келью четырепредѣльную на горѣ средняго града, на углу, къ рѣчкѣ Саровѣ, идѣже нынѣ противу того мѣста стоитъ церковь холодная Преображенія Господня.

О исходѣ изъ пустыни монаха Палладія.

Егда же вышеписанная келья четырепредѣльная анчася строитися и еще не совершися, вышепомянутый монахъ Палладій обладанъ бысть зѣльнымъ унынiемъ (яко же обыче страсть сія въ пустыняхъ и безмолвіи сущимъ ратовати), и не могъ терпѣти, изыде изъ пустыни. Бысть же житія его въ пустынѣ единъ годъ. Азъ же остахся на мѣстѣ семъ съ вышеписаннымъ юнымъ монахомъ и съ монахомъ Герасимомъ, довершивше келью ону; и въ ней пребыхъ нѣкое время единъ.

О бытіи въ пустынѣ, о страстѣхъ, бывшихъ отъ діавола, первоначальника и о исходѣ его.

Егда же бѣхъ прежде на мѣстѣ семъ, живуще единъ въ кельѣ, даже до тріехъ лѣтъ, дондеже пріидохомъ къ сему мѣсту азъ и подругъ мой, монахъ Палладій и монахъ Герасимъ. Монахъ же Палладій, проживше годъ, отшедъ въ монастыри, яко же и выше предрѣчеся. Монахъ же Герасимъ, поживъ года съ полтора, впаде въ страсть піанственную и нача исходити изъ пустыни въ веси и деревни; рѣдко же когда и въ пустыню прихождаше. Монахъ же юный Иларіонъ паки единъ живяше во своей кельѣ, азъ же во иной кельѣ такожде единъ живяхъ, но малое разстояніе имуще другъ отъ друга. Нѣкогда изъ пустыни и азъ отхождахъ въ монастыри нуждъ ради нѣкіихъ на малыя времена и паки прихождахъ и жихъ на мѣстѣ семъ неотступно отъ него. И егда азъ жихъ съ нимъ, Иларіономъ, на мѣстѣ семъ, слышахъ отъ онаго вся вышереченная, повѣдающаго вся и о житіи своемъ въ пустынѣ сей; такожде повѣда ми о себѣ, о страстѣхъ и о нападеніи діавола.

Егда бо, рече, азъ постригохся, и, по Божію попущенію, за многіе грѣхи мои нападе на мя страсть зѣльнаго унынія, и скорбь—во чревѣ моемъ, и всему тѣлу—болѣзнь велія; исперва бо, егда пріидохъ въ сію пустыню и начахъ жити, тогда паче нападе на мя уныніе, и бысть тѣло мое все яко язва болящая, паче же въ утробѣ болѣзнь нестерпимая; умъ же мой помрачися, сердце же мое оскорблено бѣ и уязвлено скорбію горькою, лютою болѣзнію и мысльми скверными, яко немощи ми уже терпѣти; и быхъ во отчаяніи, и понуждающе мя отсюду вонъ изыти. Тако тогда азъ видѣхъ

себе въ толицѣхъ скорбѣхъ и во отчаяніи, приложихся молитвѣ и съ плачемъ великимъ моляхся о томъ Богу и рѣкохъ въ себѣ: аще ми случится здѣ, по волѣ Божіей, отъ сихъ скорбей и умрети, не имамъ изыти инамо отъ сея пустыни; и крѣпко терпѣхъ. Тогда паче окружиша мя скверніи помыслы, глаголюще мысли и сердцу: нѣсть ти здѣ спасенія, понеже Богъ не слышитъ твоея молитвы, ниже пріемлетъ покаянія твоего, и всуе молишися; и терпѣніе твое здѣ не полезно есть, и впредь сихъ скорбей терпѣти не можеши; сія бо скорби естественныя не исцѣльны суть, и никому такихъ скорбей прежнимъ отцемъ не бывало и никому не бываетъ, единому сицевыя скорби тебѣ приключишася быти, кромѣ промысла Божія. И прочіи иные хульные и скверные помыслы въ разумъ и сердце влагающе, ихъ же, за неудобство, не мощно изрещи, приводя мя во отчаяніе и нудяще мя отъ мѣста сего отъити въ міръ, въ монастыри, поощряюще мя на похоти тѣлесныя, скверныя и огорчевающе ма тѣми лютѣйше. Сверхъ же оныхъ и еще множайшіи помыслы ми влагаемы, вопіющіи сице: доколѣ, рече, отъ мѣста сего не хощеши отъити и сія лютѣйшія избыти бѣды, тя нынѣ обдержащія; аще же въ сихъ пребудеши, то не точію пользу кую тебѣ приполучиши, но и злѣ погибнеши. И чуяхъ во чревѣ моемъ лютѣйшую скорбь; зѣло бо болѣзненно чрево мое терзашеся, и сердце мое люто боляше щемленіемъ и трясешеся, трепещуще, аки на нитѣ, или яко листъ на древѣ вѣтромъ колебашеся. И паки во чревѣ моемъ чуяхъ аки нѣкое животное, ходящее и болѣзнь велію въ немъ воздвизающее; и истинно мнѣхъ быти змію, или жабѣ, или иному отъ гадовъ кіихъ, и живуще болѣзнь мнѣ воздвизаше. И того ради паче устрашихся и отча-

яхся живота своего, чаяхъ бо отъ сея болѣзни ми умрети. Къ сему же бысть ми страхъ и ужасъ велій, и лѣность, и пренемоганіе, и сонъ безмѣрный, и конечное отчаяніе; егда бо, когда ми стоящу на молитвѣ, или за рукодѣліемъ сѣдящу въ кельѣ или внѣ кельи или прочитывающу писаніе, тогда чуяхъ окрестъ себе всюду духи злыми обуреваема, яко бурею великою; и мысли всякія колебюще мя и льстяще, глаголюще, яко лучше ти есть отсюду изыти на обѣщаніе, идѣже пострижеся, или во иномъ гдѣ, во общемъ монастырѣ быти съ братіею и тамо свободну отъ всѣхъ сихъ скорбей быти, и молитися въ тишинѣ, и возможеши пріобрѣсти себѣ спасеніе, нежели ти здѣ злѣ умрети, никія пользы имуще, злѣ и туне жизнь свою здѣ изнуряюще. Егда же ми когда спящу, тогда чуяхъ, по всему чреву моему и во всей плоти моей духъ хождаше и тѣло мое услаждаше къ большему сну, егда же пробуждающуся отъ сна, тогда чуяхъ абіе того духа во всемъ тѣлѣ моемъ, колеблющагося и трепещущаго зѣло; начинаетъ болѣзненно бывати, колеблющеся и трясущеся зѣло люто; и весь бывахъ, изнемогая; и бываетъ щемленіе сердцу моему и унынie, и лѣность, и пренемоганіе, и огорченіе, и прочія страсти во мнѣ, зѣло кипяще; и отъ многія болѣзни и изнеможенія повергахъ себе на землю, или на одръ мой и горько великимъ гласомъ со многими слезами и плачемъ ко Богу вопіяхъ, да избавитъ мя отъ настоящихъ тѣхъ болѣзней и унынія, и скверныхъ мыслей, да поне мало отраднѣе ми будетъ; иногда же внѣ кельи исходящу ми, такожде подобнѣ ко Богу взирающу ми на небо и кричащу, и вопіющу великимъ гласомъ (просяще помощи на отгнаніе тѣхъ своихъ страстей), глаголюще: Господи Боже мой, или не слышаста уши Твои

мя, къ Тебѣ вопіюща и, во-первыхъ, отпущевія струповъ моихъ грѣховныхъ просяща, по сихъ же отъ обдержащихъ сихъ нестерпимыхъ скорбей душу мою освобожденія требующа; услыши мя, многомилостиве и многоблагоутробне, едине, свобода плѣненныхъ и утѣха всѣхъ въ печалѣхъ сущихъ, пресладкая сладость искушеніемъ отъ врага огорченнымъ. Самъ бо реклъ еси, Владыко: просите, и дастся вамъ, толцыте, и отверзется вамъ, ищите и обрящете, и всякъ просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ. Се нынѣ, аще и не достоинъ есмь разверзти недостойныхъ и скверныхъ моихъ устъ и нечистіи мои руцѣ прострети къ Тебѣ и всѣмъ сквернымъ тѣломъ моимъ и душею предъ Тобою стояти, зане злѣ скверными моими дѣлы преогорчихъ Тя и раздражихъ, но обаче Твое есмь твореніе и Тебе прошу, Тебѣ бо единому согрѣшихъ, и Тебѣ единому прибѣгаю и вопію: помилуй мя, Господи Боже, не отъ человѣкъ бо помощи нынѣ прошу; отъ нихъ же, кромѣ Тебе истиннаго Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, ни едина есть; како бо той можетъ помощь кому дати, иже самъ безчисленнымъ подлежитъ напастемъ; но токмо Твоея благія милости и помощи ищу. Благости Твоея ради помилуй мя не по дѣломъ же моимъ, но туне, твоими непреодолѣнными всего міра грѣхи щедроты, отеческія твоея любве ради пріими мя и прости, яко единъ Богъ мой, Господь мой премилосердый. Помяни, Владыко, клятву, ею же клялся еси, глаголя: яко не хощу смерти грѣшника, и паки: не пріидохъ праведники призвати, но грѣшники обратити къ покаянію; пріимя мя, благій, грѣшника суща; Спасе всего міра, очисти мои рѣхи, взыщи мя, грѣшника. Паки молю Тя, едине безгрѣшный, пріими мя, благость моя вожделѣнная, Христе

мой. Се бо азъ обращаюся къ Тебѣ, Творцу моему и Богу, да будетъ отнынѣ воля Твоя святая; моей же не попусти совершатися волѣ; но востягни ю бродзами страха Твоего къ хотѣнію Твоему; понеже бо неприступне и се самое: еже обращатися къ Тебѣ въ покаяніи—Твоея благодати сила и дѣло. Помилуй мя, Господи, и помози ми, и избави мя отъ сего искушенія, и горькихъ сихъ болѣзней, и отъ діавола нападенія, зане бо естество мое страстно, и сила немощна суща. Ты бо Самъ вѣси сію немощь мою, Господи! О Господи Боже мой, помилуй мя, помилуй мя и избави отъ сихъ страстей, да прославленно будетъ имя твое святое и во мнѣ грѣшномъ нынѣ и присно и во вѣки. Аминь.

И тако ми плачущуся и молящуся, и сицевая глаголющу и подобная симъ ко Богу, дондеже изнеможе во мнѣ вся сила моя, тогда абіе прихождаше въ душу мою и во всю плоть мою нѣкая радость духовная и облегчеваше ми страсти вси и болѣзни, и скверніи мысли отхождаху, и бываше тишина велія и миръ во мнѣ на нѣкое время немногое; тогда азъ разумѣхъ помощь Божію себѣ быти пришедшую, зѣло благодарихъ своего Творца и укрѣпляхся на страсти, еже сія терпѣти Егда паки помалѣ отхождаше отъ мене сіе утѣшеніе, прихождаху ко мнѣ паки первыя страсти, якоже и прежде, мучаще мя лютѣйше. Тогда паки начахъ плакати и рыдати, молящеся предъ Богомъ, яко же и первѣе рекохъ; тогда ми паки мало облегчеваше, и паки нападаше лютое то скорбей состояніе, яко огорчеватися ми зѣло и не свободно ми ни молитвы дѣяти, ниже читати, ниже что дѣлати, но съ великою нуждою и съ болѣзнію сердца моего исправляхъ всякое дѣло свое, и мерзостно ми бываше мѣсто сіе и келья моя, идѣже бѣхъ, и ненавистна,

смрадна же и гнусна, яко отъ смрада и гнусности не могохъ въ ней быти и исхождахъ изъ нее на вѣтръ прохлаждатися и въ келью паки съ великою нуждою вхождахъ, паки не хотящу ми въ ню внити за великій въ ней бывшій смрадъ; отъ смрада же того едва дыхати ми возможно бѣ, уста бо и ноздри мои отъ того смрада занимахуся: тяжекъ бо зѣло той смрадъ. Аще ли бдѣхъ, или пояхъ, или стояхъ, или сѣдохъ, дѣлая, или ядохъ и піяхъ, или внѣ кельи когда бывахъ, ушама моима и всѣмъ тѣломъ моимъ слышахъ повсюду аки весь воздухъ колеблющся; и въ мысль мнѣ всегда влагашеся страхъ, трепетъ и ужасъ; понуждаше мя изъ кельи и отъ мѣста того бѣжати и итти во градъ, въ прочіе монастыри.

Тогда, по прежлереченному, съ великою нуждою и скорбію многою едва возмогахъ умомъ моимъ ко Богу возводитися, и, начинающу ми паки плакати и молитися, по довольномъ томленіи, моленіи и плачѣ, облегчеваше ми ся и безъ вѣсти бываше на время; и паки прихождаше лютѣйшія болѣзни оныя зѣльство. И во едино время, въ великую четыредесятницу, во дни, наченшу ми по обычаю пѣти часы, и, егда поющу ми, абіе нападе на мя со главы до ногу чувственно и все тѣло мое покры; и абіе измѣнися тѣло мое и бысть, яко иное. Тогда азъ отъ страха возопихъ веліимъ гласомъ ко Богу, глаголя: о Господи, помилуй мя въ часъ сей. И сице многъ часъ вопіющу ми, и ничтоже мя успѣваше. Тогда, возрѣвшу ми на Богородичну икону ,предъ нею же, стоя, моляхся, и абіе похитивъ ю азъ рукама своима и держахъ ю при персѣхъ своихъ, лобзающе часто, и, молящеся къ ней и вопіюще, просихъ помощи въ помыслѣхъ, да не како лютѣйшую сотворитъ ми пакость діаволъ. И отъ страха абіе изшедъ съ тою иконою, острѣй-

шимъ стремленіемъ бѣгу яхся внѣ кельи моея босыма ногама до кельи монаха Герасима, не малымъ разстояніемъ отъ моей кельи отстоящей, сущей тогда зимѣ, по снѣгу текуще. Онъ же, видѣвъ мя, вины, ея же ради пришелъ, вопрошаше. Азъ же повѣдахъ ему вся ми приключшаяся. Онъ же дивися и укрѣпи мя не боятися. И пребыхъ у него мало, отшедохъ паки во свою келью. И оттолѣ во время молитвы по вся дни нача ми діаволъ опаляти тѣло мое зноемъ огненнымъ, едва мощи терпѣти ми то опаленіе. И егда неподвижимъ пребыхъ отъ молитвы, вся козни тыя исчезаху и безъ вѣсти бываху. Плоть же свою и утробу, яко же прежде рѣхъ, имѣхъ болѣзненну зѣло; унынїе же и мысли скверныя и хульныя единаче не оставляху мя; и уже изнемогахъ отъ сихъ лютыхъ болѣзней, и, отчаявся, глаголахъ въ себѣ: поистинѣ азъ отъ Бога за согрѣшеніе мое оставленъ есть, понеже не отступаютъ и не оставляютъ мя страсти сія; нѣсть ми уже исцѣленія отъ нихъ, ниже спасенія. И тако ми мятущуся и трясущуся умомъ зѣло, иногда бо вооружахся терпѣти крѣпко въ пустынѣ сія страсти даже до смерти, глаголя тако въ себѣ: лучше ми умрети здѣ, нежели итти въ прочіе монастыри, да не буду въ посмѣхъ діаволу. И нѣкогда восхотѣхъ итти въ нѣкій монастырь, да тамо нѣкое время пребуду, да поне тѣмъ хожденіемъ отъ унынія и отъ скорбей малую себѣ отраду пріобрящу. И пребыхъ тамо мѣсяцъ единъ. Егда же ми бывшу въ томъ монастырѣ и бывшу въ службѣ церковней, но и тамо мя такожде не оставляху тыя страсти и скорби, и воздухъ весь мняшеся зрѣти мною колеблющся, обуреваемъ суще отъ духовъ нечистыхъ горчайше перваго. И нѣкогда наченшимъ пѣти вечернюю службу, тогда слышашеся воздухъ ко-

леблющся; и азъ, и вси стоящіи во омраченіи быти мняхъ велицемъ. И пришедшу времени, егда парэккліcіарху подати кадило во алтарѣ священнику, еже по обычаю сотворити выходъ и покадити церковь, и вземше кадило, хотя подати священнику, и верхняя часть кадила опустися, и бысть отъ того пущенія звукъ, яко велій громъ, или яко пушечное стрѣляніе, яко всему мѣсту и церковнымъ стѣнамъ трястися. Тогда вси предстоящіи отъ того грома зѣло устрашишася и недоумѣваша, что се бысть имъ, но токмо вси, крестнымъ знаменіемъ себе кождо изображающе, мняху бо то все быти бѣсовскому мечтанію.

По семъ же начахъ азъ въ службѣ быти часто и причащатися; тогда ми зѣло нападаху лютіи и злые, скверные и хульніи помыслы; и во умѣ своемъ неотступно глаголюще всегда хульная, и претяще ми престати отъ службы и отъ причащенія, глаголюще бо: аще бо сія и твориши, не достоинъ єси, и нѣсть ти пользы, но въ судъ себѣ и въ грѣхъ сія твориши; иныхъ же скверныхъ мыслей на Бога и на пречистое Тѣло Христово (о нихъ же) нѣсть лѣпо есть писати. Все бо тѣло мое бысть въ злыхъ и скверныхъ мыслѣхъ, страшаще, претяще, прельщаще мя, и во всякое время молитвенное и на правилѣ моемъ огнемъ мя опаляще, яко же и прежде рѣхъ.

И видѣхъ азъ, яко ничто же во исхожденіи моемъ томъ успѣвахъ, но паче обладанъ бывахъ зѣльнымъ унынiемъ и хульными помыслы, прочими скорбьми и болѣзньми, стужився, паки поидохъ въ пустыню и пребывахъ въ кельѣ моей, яко же и прежде, даже до нѣкоего лѣта. Страсти же не отступиша, но якоже и прежде злѣ мучиша мя; діаволъ бо, якоже и прежде,

прещаше и внутреннюю болѣзнь во чревѣ моемъ воздвизаше; и чрево бо мое отъ болѣзни овогда надымашеся [1]), и тягость велика бываше; овогда же терзашеся люто, овогда же, яко змія, или иное животное, ссаше и щемляше, и отъ того велія болѣзнь бываше, овогда же сномъ безмѣрнымъ, тягостію и лѣностію побѣждаше; овогда во главѣ моей мозгъ возмущашеся, и веліе ломленіе и болѣзнь главѣ моей бываше, и умъ помрачашеся, и аки безъ ума бывахъ тогда; и купно рещи, яко умъ мой и все тѣло мое мракомъ и различными страстьми, яко лютыми ранами, уязвлены бысть. Сія ми бысть страсти лѣтъ съ 7-мь и больше. И въ та лѣта не видѣхъ бо въ себѣ свѣта, ниже радости, камо итти, или что истинно творити; но, яко куръ, во отрепьяхъ хождахъ и во тьмѣ мрачной быхъ, дондеже по премногой Своей благостынѣ Богъ не помяну многихъ моихъ грѣховъ, но милостію Своею призрѣ на мое недостоинство и просвѣти мя свѣтомъ Своимъ и отъятъ вся болѣзни отъ тѣла моего и отъ сердца сицевымъ образомъ. (Ибо мню) въ нѣкое лѣто, яко по Божію промыслу, прилучися отъ нѣкіихъ человѣкъ, познавшихъ мя, умолену мнѣ быти еже итти въ вышеписанный монастырь, идѣже бѣ прежде мѣсяцъ быхъ ради нѣкіихъ потребъ. И пребыхъ тамо годъ единъ. Причащахся по вся дни святыхъ Христовыхъ Таинъ. Потомъ же помалу нача болѣзнь умалятися и исчезати, и тако тамо свободихся отъ всѣхъ страстей вышеписанныхъ и діавольскаго нападенія. И пріидохъ паки здѣ, и оттолѣ не бысть мнѣ даже и доселѣ стуженія; и исчезоша вся болѣзни тѣла и чрева моего, и быхъ въ велицей тишинѣ и мирѣ,

[1]) т. е. опухало (Ред.).

ничто же отъ тѣхъ страстей страждуще, развѣ внѣшнихъ нападеній человѣческихъ. Ибо егда страсти отъмене сія вся отъидоша, и пришедъ сѣмо паки и жихъ здѣ во мнозѣ утѣшеніи, ни единъ бо человѣкъ со мною не бысть на мѣстѣ семъ, но единъ жихъ нѣкія лѣта, и въ та лѣта ни едина отъ вышеписанныхъ страстей прикоснуся тѣлу моему и сердцу, но быхъ въ велицѣ мирѣ и тишинѣ и яко въ царскомъ чертозѣ пребывахъ и премного дивихся таковому премѣненію въ себѣ, и недоумѣвахся о семъ, како премѣнишася скорби и болѣзни во мнѣ, и прославихъ съ великимъ благодареніемъ человѣколюбца Бога, яко таковую Онъ сотвориши милость премногую, яко и доселѣ сохраняемъ Его благодатію, яко отъ тѣхъ страстей свободенъ есмь, кромѣ прилогъ мысленныхъ и нападеній человѣческихъ.

Повѣданіе тогоже монаха Иларіона о видѣ зари огненныя, како надъ мѣстомъ онымъ, идѣже нынѣ монастырь, видѣна бысть отъ нѣкоего поселянина, и о проявленіяхъ.

Той же монахъ Иларіонъ повѣда еще о иномъ монахѣ, жившемъ здѣ, глаголя сице.

Нѣкто бяше на мѣстѣ семъ, бывъ монахъ, и живяше въ кельѣ единъ. И нѣкогда посланъ къ нему изъ ближней веси отъ своего господина нѣкій мірянинъ, его же и азъ знахъ, именемъ Михаилъ, прозваніемъ Семеней, ради нѣкіихъ нуждъ. И егда приходящу тому Михаилу къ старцевой кельѣ и еще не дошедшу яко за полпоприща, абіе узрѣ на мѣстѣ, идѣже бѣ келья, зарю огненную, велію зѣло, и нача бѣжати скоро къ кельѣ: мняше бо той кельѣ оной огнемъ быти запа-

ленной; и абіе приближися къ мѣсту, абіе нача оный свѣтъ, его же видѣ, умалятися, и бысть паки тма нощная, якоже есть обычно: бѣ бо нощь тогда; и ставъ близъ кельи, слыша гласъ старца онаго, молящагося предъ Богомъ, обычное свое правило глаголюща, и, сотворивъ молитву, старцу глаголя, да отверзетъ ему келью, еже къ нему внити. Вшедъ же, повѣда ему видѣнная; старецъ же, ничто же вѣдуще о семъ, почудися не мало.

О проявленіи грома, бывшаго въ пустынѣ сей, въ горѣ, идѣже нынѣ церкви.

Той же старецъ Иларіонъ повѣда ину вещь сицевую, глаголя. Слышахъ азъ еще отъ нѣкоего человѣка ближней веси, нарицаемой Кременки, отъ нѣкоего мужа стара, именемъ Василія, прозваніемъ Приползы, иже живяше во оной веси одинъ въ кельѣ у церкви; къ нему же азъ когда, нуждѣ бывшей, изъ пустыни прихождахъ ночевать; и оной Василій повѣда ми нижеслѣдующую вещь сице. Въ нѣкая лѣта, глагола, до твоего приходу случися ему нѣкогда, ради овощей лѣсныхъ, быти далече въ лѣсу; пришедшу ему на мѣсто то, на горы, идѣже нынѣ азъ пребываю въ пустынѣ, утрудися отъ пути, сѣдѣ наверху тѣхъ горъ, въ самой срединѣ; идѣже сѣдящу ему, абіе услыша гласъ въ горѣ той, аки удареніе великаго грома или пушечнаго стрѣлянія, воздуху благоведрену сущу. Тогда онъ удивися, вкупѣ же и ужасеся зѣло и абіе бѣжа отъ мѣста того въ домъ свой и повѣда прочимъ человѣкомъ бывшая. Они же, слышавше, дивишася, глаголюще къ себѣ: что се есть, яко не едино, но многая знаменія бываютъ

на мѣстѣ томъ; множицею великій звонъ слышенъ бысть, якоже мнози и отъ насъ свидѣтельствуютъ о томъ; и не туне тако бываетъ, мнимъ, но нѣкое сокровище сокровено есть тамо, и сего ради бываютъ таковая знаменія. Чего ради прихождаху поселяне тамо и копаша землю, ищуще сокровища, и не обрѣтаху ничесоже мнимаго ими, развѣ точію труда, тщеты преисполненнаго

О иномъ проявленіи того-же мѣста.

Паки той монахъ повѣда и сіе, глаголя. Яко нѣкогда, здѣ спящу ми, видѣхъ въ видѣніи на горахъ сихъ нѣкую церковь, и при ней колокола быша, и въ тѣ колокола видѣхъ нѣкіихъ звонящихъ большой звонъ; и дивихся сему, и тако въ себе пришедъ.

По семъ же нѣкогда случися ми о семъ видѣніи глаголати съ нѣкіимъ поселяниномъ тоя же вышеписанныя веси Кременокъ, именемъ Максимомъ, прозваніемъ Доля, которой ко мнѣ имѣ любовь велію; онъ же, слышавъ сія отъ мене, нача повѣдати сице: яко, егда не бысть на семъ мѣстѣ никого отъ монаховъ, и нѣкогда, ходящу ми съ товарищами моими въ лѣсу близъ того мѣста и возлегшимъ намъ отъ путнаго труда мало почити, абіе услышахомъ гласъ великаго звона колокольнаго и начахомъ ушеса своя приклоняти, да увѣмы, гдѣ и въ коей странѣ звонъ той явися слышенъ быти; и слышахомъ, къ странѣ оной той звонъ раздавашеся на многъ часъ, идѣже горы тыя, о нихъ же ты глаголеши; и тогда мы удивихомся сему премного и отъидохомъ.

О поставленіи креста святого и о построеніи часовни отъ Божія промысла чрезъ нѣкоего монаха, пришедшаго на горы, идѣже нынѣ обитель, и о иконѣ Предтечевѣ, како присла ю онъ, монахъ, въ пустыню, ко оному монаху Иларіону въ даръ.

Онъ же Иларіонъ повѣда и сіе, глаголя. Егда бывъ на мѣстѣ семъ и стужаемъ отъ страстей бѣсовскихъ, и ради того стуженія ища себѣ въ томъ отрады, и бывъ во градѣ Темниковѣ, въ монастырѣ, на Санаксарской пустынѣ, и пребывъ тамо мѣсяцъ точію, яко же о томъ выше речеся, тогда, въ то время, бывшу ему въ томъ монастырѣ, въ лѣто 1694, индикта 2, и (тогда, въ той годъ) по апрѣлѣ мѣсяцѣ, исшедшу ему изъ кельи своей пустынной, грядущу въ градъ Темниковъ, во оный монастырь Санаксарской, тогда абіе того-жъ числа въ пустыню сію, во оную келью его, изъ нея же изшедъ, пріиде нѣкто, монахъ, аки бы изъ дальнихъ монастырей поморскихъ, иже обрѣтаются близъ Соловецкаго острова, чиномъ іеродіаконъ, а именемъ Тимолай. И пришедъ, абіе сотвори крестъ велій сосновой, на немъ подписа лѣтописаніе, являя въ томъ писаніи водруженіе того креста благоволеніемъ Святыя Троицы, таже и свое имя. И постави его въ первомъ городѣ отъ устья Саровы рѣчки, на мѣстѣ, якоже есть нынѣ зримъ; таже созда часовню и постави ю въ срединѣ города, яко же есть послѣжде видима была; и стояла та часовня года съ два или мало больше, которая потомъ сгорѣ. И егда сіе устрои онъ, монахъ абіе пріиде во градъ Темниковъ во оный монастырь Санаксарской и повѣда о себѣ оному пустынному монаху Иларіону, яко бысть онъ на мѣстѣ ономъ пустынномъ и въ кельѣ его и яко тамо

водрузи крестъ и часовню и еще хощетъ пещися, да будетъ на мѣстѣ томъ церковь и обитель, и сего ради нынѣ грядетъ въ царствующій градъ Москву, и о томъ имать потщаніе [1]) имѣти. Тогда онъ, Иларіонъ, слышавъ отъ него, почудися и нача ему отрицати, мня неудобну вещь сію быти; онъ же рече: всяко можетъ Богъ сіе сотворити и устроити тако; и отъиде. Ему же отшедшу, абіе Иларіонъ скоро пойде паки въ пустыню, въ свою келью и, видѣвъ то его строеніе, си есть, водруженіе креста и часовни, удивися его таковому потщанію. Потомъ же, тому году мимошедшу, наставшу второму, си есть, въ лѣто 1695, въ Генварѣ мѣсяцѣ, мню, яко сіе бысть смотрѣніе Божіе, ибо обрѣтеся онъ, іеродіаконъ Тимолай въ царствующемъ градѣ Москвѣ и обрѣте нѣкоего поселянина изъ ближнія веси отъ сея пустыни, нарицаемыя село Кременки; тогда онъ, іеродіаконъ Тимолай, даде ему въ руцѣ нѣкій образъ, на жести написанный святого Іоанна Предтечи, иже бѣ и нынѣ есть той образъ здѣ зримый; и, вручая ему, поселянину, той образъ, посылаше его въ сію пустыню, глаголя, яко да сей образъ имаши отдати на томъ мѣстѣ оному монаху, идѣже азъ быхъ и крестъ, и часовню водрузихъ, у него же въ кельѣ и пребывахъ, а за симъ образомъ и азъ имамъ тамо быти и попеченіе подобающее имѣти. Тогда онъ, поселянинъ, пріемъ у него, монаха, образъ и привезе его въ свой домъ, таже принесе къ нему, Иларіону, въ пустыню сію. Тогда онъ, Иларіонъ, узрѣвъ образъ той и пріятъ отъ того поселянина, яко превеликій даръ, и слыша отъ него реченная, не мало удивися бывшему, недоумѣвая о семъ, что

[1]) т. е. хлопоты (Ред.).

сіе бываетъ, како образъ присла святого Іоанна Предтечи, за симъ же и самъ хотѣ быти и попеченіе имѣти о надлежащемъ своемъ прежнемъ намѣреніи.

О отшествіи онаго монаха Иларіона изъ пустыни и о житіи первомъ монаха Герасима, кезенца, о приходѣ его въ пустыню, житіи и о исшествіи паки изъ пустыни.

По исшествіи же и по присланіи образа святого Іоанна Предтечи отъ вышеписаннаго іеродіакона Тимолая къ нему, монаху Иларіону, жилъ онъ, Иларіонъ, въ пустынѣ сей мало нѣколико время; съ нимъ же не бѣ ни единъ кто въ кельѣ; и отъиде изъ пустыни въ нѣкій монастырь: взятъ бо, по умоленіи братіи, въ іеромонашество.

Вышеписанный же монахъ Герасимъ, прежде припедый ко оному монаху Иларіону въ пустыню, иже постриженникъ бѣ за Волгою въ Спасскомъ монастырѣ въ Балахонскомъ уѣздѣ, жилъ на мѣстѣ семъ въ особой кельѣ. Повѣда намъ о своемъ постриженіи и житіи первомъ сице.

Егда постригся онъ въ вышеписанномъ Спасскомъ монастырѣ на Кезѣ и въ постриженіи отданъ старцу въ послушаніе, (потомъ) восхотѣ онъ затворитися въ затворъ въ томъ же монастырѣ, тамо суще единъ въ кельѣ; и о томъ онъ затворѣ у настоятеля тоя обители и у отца своего наставнаго нача съ прилежаніемъ и со слезами просити, да повелѣно ему будетъ въ той затворъ внити и затворитися; и егда, по многомъ моленіи, повелѣно ему бысть, тогда настоятель и отецъ его, и вся братія, проводивши его до кельи, идѣже бѣ

затворитися ему, съ подобающимъ послѣдованіемъ, со псалмы и тропари обычными, поюще, свѣщи въ рукахъ имуще, и прочее молитвованіа; и, затворивши его, оставиша единаго въ кельѣ, заключивши дверь отвнѣ твердо, токмо мало едино оконце на подаяніе пищи оставиша и отъидоша. И егда бывшу ему въ затворѣ и пришедшей первой нощи, абіе діаволъ вложи въ сердце его страхъ и ужасъ велій. И отъ страха того не могъ тоя единыя нощи въ кельѣ той быти; абіе нача извнутрь верхній мостъ кельи ломати и, проломавъ скважню, еже ему пролѣзти, излѣзе оттуда и, никому же свѣдущу, бѣжа отъ онаго монастыря. Наутріе же настоятель и отецъ его, воставши, идоша къ кельѣ его посѣтити и укрѣпити къ подвигу, носяще ему и пищу; и пришедши, сотвориша молитву; и не бѣ гласа ни послушанія. Тогда мняша его умерша суща; настоятель скоро созва братію; и пришедши, отверзши келью, не обрѣтоша его и, видѣвши потолокъ разломанъ, разумѣша, яко по діавольскому навѣту избѣжа онъ оттуда, и дивишася зѣло

И егда онъ, монахъ Герасимъ, избѣжа отъ затвора, тогда нача по монастыремъ бродити; сперва живяше онъ въ большихъ монастырѣхъ, Московскихъ и во иныхъ многихъ пустынныхъ; бѣ бо нарочитъ зѣло грамотѣ и писать добрѣ обученъ, и пѣнію всякому искусенъ, и творецъ бѣ въ пѣніи и глаголаніи псалмовъ и каноновъ, гласъ имѣя свѣтлый и громогласный зѣло; и сего ради во всѣхъ монастырѣхъ поставляемъ онъ бѣ всенѣне [1]) крылосномъ. И нача жити не воздержно, во всякомъ, быти піянствѣ и отъ того навыкъ и инымъ многимъ страстемъ. И по многомъ хожденіи въ монастырѣхъ, нѣкогда

[1]) Въ подлинникѣ описка; вѣроятно, надо читать „все (въ) пѣніи.“ (Ред.).

пріиде въ чувство, еже бы отъ обдержащихъ его страстей свободитися и убѣжати; и восхотѣ паки пріити къ конечному покаянію, иде паки въ свой монастырь ко отцу своему, идѣже бѣ постриженся, и обрѣте отца своего умерша и, мало пребывъ, вземъ монастырскія двѣ книги и изыде паки оттуда, и пріиде въ Нижегородскій уѣздъ, въ монастырь Спасскій, нарицаемый Зеленыя горы, [1]) нося на себѣ власяницу, отъ конскихъ власъ сплетенную. Въ тоже время, егда онъ, Герасимъ, пріиде въ тотъ монастырь, прилучися мнѣ съ подругомъ моимъ, монахомъ Палладіемъ, въ томъ же монастырѣ—Зеленыхъ горахъ, ради нѣкіихъ нуждъ, изъ пустыни сея быти; и съ нимъ, монахомъ Герасимомъ, бесѣдовахомъ. И яко онъ увѣда отъ насъ, яко живемъ въ пустынѣ, умоли насъ еже пояти его намъ съ собою въ пустыню, глаголя, яко тако истинно пустыннаго житія требуетъ, покаянія ради. И егда пріидохомъ съ нимъ въ пустыню, сперва бысть съ нами въ кельѣ нѣколико дней. Діаволъ же вселукавый и врагъ душъ нашихъ человѣческихъ восхотѣ всѣмъ намъ спону [2]) сотворити и другъ отъ друга разлучити, онаго же монаха Герасима въ прежнія страсти поринути и отъ мѣста того пустыннаго отлучити; нача онъ, Герасимъ, на насъ во всемъ злобитися, въ духовныхъ и тѣлесныхъ дѣлѣхъ, си есть, въ молитвахъ и въ ястіи, и питіи, и въ рукодѣліи, и во всемъ, хуля и уничижая насъ всячески; мы же не могохомъ терпѣти, противу отвѣщевахомъ

---

[1]) Спасскій Зеленогорскій мужской монастырь, нынѣ приходская церковь Спаса Нерукотвореннаго, въ с. Спасъ—Зеленыя Горы, Нижегород. губ. и уѣзда, въ 85 в. къ югу отъ Нижняго, при р. Пасмуровкѣ. Основанъ въ 1658 г., упраздненъ въ 1764 г. („Матеріалы для истор.—топограф. изслѣдованія о православн. монастыр. въ Россійск. Имперіи" Звѣринскаго, т. 2, стр. 340) (Прим. ред.).

[2]) Т. е. препятствіе. (Ред.).

ему, да престанетъ хульная глаголати; оный же паче озлобляшеся и не могъ болѣе терпѣти, нача отъ насъ отходити. Мы же умолихомъ его, еже не отходити изъ пустыни и отъ мѣста сего, но, аще хощетъ, да пребываетъ единъ. Онъ, послушавъ, не иде и умоли насъ, еже ему построити особую келью; мы построихомъ ему двѣ кельи, яко же выше о нихъ речеся; и живяше онъ единъ, исполняя уставленное свое правило церковное и келейное неотложно, и моляшеся прилежно. Діаволъ же вселукавый, не хотя его въ томъ добромъ дѣлѣ быти, паки поощри его на злобу и ненависть; и нача свое въ міръ хожденіе и, когда ему бываетъ въ міръ исшествіе, зваше всегда насъ съ собою и, егда намъ безъ нужды не хотящимъ съ нимъ итти, тогда онъ, злобяся на насъ и уничижая, и хуля всячески, и часто къ намъ приходя, злобою своею многія напасти дѣяше. Мы же зѣло о томъ стужахомся, такожде на него злобу имѣхомъ. Сія же бываше отъ діавольскаго коварства: восхотѣ насъ вселукавый всѣхъ безъ пользы сотворити и отъ мѣста сего прогнати, яко же и бысть, ибо егда его лукавымъ дѣйствомъ преждереченная келья и всякія нужды наши тѣлесныя, въ ней бывшія, сгорѣша, яже о томъ выше писася, тогда подругъ мой Палладій и азъ съ нимъ, нуждѣ не малой бывшей въ той на насъ напасти нашедшей, пріидохомъ къ нему, Герасиму, и молихомъ его, да повелитъ намъ въ своей кельѣ съ собою зиму ту пребыти; и повелѣ намъ. Егда начахомъ съ нимъ быти, тогда онъ паки по дѣйству діаволю нача насъ ненавидѣти и злословити, и укоряти, нарицая во всемъ неискусныхъ, и изъ кельи вонъ паки высылати. И егда не могохомъ ни терпѣніемъ, ни смиреніемъ злобы его утолити, начахомъ ему о его исправленіи гла-

голати; онъ же, діаволимъ навѣтомъ, на единаго отъ насъ устремився злобою, взя нѣкій ту прилучившійся сосудъ скудельный и подъемъ надъ главу свою въ высоту, держаще его рукама своима, и восхотѣ имъ крѣпко ударити и абіе нѣкоторою силою воспятися отъ ударенія. Мы же, видѣвши сіе, зѣло убояхомся, да не постраждемъ нѣчто отъ діавола, съ нимъ, Герасимомъ, пребывающе, и, со обою совѣщавшеся, поидохомъ во Флорищеву пустынь, хотяще тамо ту зиму прежити и паки возвратитися, егда пріидетъ лѣто. И егда во Флорищевой пустыни быхомъ, абіе, по Божіей волѣ, точію малы дни быхомъ и паки скоро, возвратившеся, пріидохомъ въ пустыню свою тою же зимою, якоже о томъ прежде речеся. И, егда пріидохомъ, изыскахомъ себѣ мѣсто въ горѣ, и возгнѣщахомъ [1]) огнь велій для растаянія земли и, помалѣ растаявши, ископахомъ себѣ малую яму наподобіе землянки—кельи и жихомъ ту зиму во оной землянкѣ. Тогда онъ, Герасимъ, прихождаше къ намъ въ ту келью, многая озлобленія словесы своими творяше намъ и, аще кто вѣру имать яти истинѣ сей, то праведно здѣ изрещи про бѣсовское дѣйство истину, яже чрезъ его, Герасима, озлобленіе намъ творяшеся сице: не токмо кое дѣло предъ нимъ, Герасимомъ, сотворимъ что, якоже обычно гдѣ прилучится, ненавидѣ онъ того, но аще и кое слово къ нему изглаголемъ духовно или внѣшнѣ въ какой-либо вещи, то все ему неугодно являшеся; и о томъ, не отступающе на многіе часы, со многою злобою укоряше насъ и тѣмъ насъ въ злобу и ненависть къ нему приводяше: восхотѣ насъ онъ, діаволъ лукавый, съ нимъ въ сваръ подвигнути, яко же и бысть сіе множицею. Ибо потомъ, егда по-

[1]) Т. е. зажгли, распалили. (Ред.).

другъ мой Палладій объятъ бы отъ унынія, отъ пустыни сея отъиде во градъ и отъ мене отлучися, и остася азъ единъ въ кельѣ, якоже о томъ выше речеся, тогда онъ, Герасимъ, въ своемъ томъ обычаѣ мало время поживъ, въ частомъ исхожденіи изъ пустыни въ міръ паки впаде въ страсть піянственную и нача, отходяще въ веси и деревни, безобразные иночеству поступки употребляти и въ пустынѣ не жити. Егда же оному возникнути мало отъ толикаго неудержанія случашеся, то, пришедъ въ пустыню, въ свою келію, плачущеся горько, каяшеся и зѣло смиряшеся, обѣщаваюшеся не исходити изъ пустыни, обычай свой не благоугодный отринути, мене же умоляя, прощенія прося о всемъ своемъ невоздержаніи и призывая къ себѣ въ келью, моля мя, дабы азъ не оставлялъ его; и начинаше обычное свое прежнее правило, и предъ Богомъ моляшеся со слезами, плачуще и рыдающе о своемъ паденіи. Чесого ради тогда вселукавый діаволъ, не терпя того его смиренія и покаянія, зѣло люто съ бѣсы своими на него нападаше явѣ, многая привидѣнія и мечты ему творяше и страхъ велій влагаше: овогда во образѣхъ нѣкихъ злообразныхъ человѣкъ устремляшеся на него съ копіями и мечами, аки хотяще его убити и смерти предати; овогда же яко многое тѣхъ сонмище молвяще, кричаще и вопіюще, да престанетъ отъ молитвы, аки не быти ему, глаголюще, пользы въ той, побѣжденну сущу страстьми; иногда же страшаху его иными нѣкіими страхованіи и и привидѣніи нелѣпыми. Онъ же, видѣвъ сія ихъ мечты явѣ, зѣло бояшеся, великимъ гласомъ кричаше, вопіяше и моляшеся Богу, да помилуетъ его, за ризы же моя крѣпцѣ рукама емляшеся, иногдаже и всего объятъ мя, держашеся, помощи отъ мене прося, глаголюще, вельми

боящеся: помози ми, помози, яко отторгнути мя отъ тебе хотятъ врази мои бѣсове. Азъ же, ничто же видѣвъ, держахъ его, укрѣпляя, глаголахъ къ нему, да творитъ на себѣ крестное знаменіе и да не боится ни коего же привидѣнія лукавыхъ бѣсовъ. Онъ же ми показа страну и мѣсто оно, идѣже онъ видитъ привидѣніе; азъ же повелѣвахъ ему на оное мѣсто изображати креста знаменіе, и абіе исчезаху и помалѣ паки ему являхуся бѣсове и творяху ему страхованіе и мечты, яко же выше речено есть, и, по многомъ времени, едва отхождаше отъ него то бѣсовское мечтаніе.

О страстѣхъ и о исходѣ его, Герасима, изъ пустыни во градъ Темниковъ.

Сія же вся бѣсовская страхованія и мечты попущаетъ Богъ на человѣка, да престанетъ отъ грѣха и воспріиметъ смиреніе къ Богу и человѣкомъ; яко всякъ человѣкъ, безъ Божіей помощи сый, ничтоже можетъ сотворити; и егда наказанъ будетъ за грѣхъ, тогда, яко листъ сухъ на древѣ, трясется, не имый ни отъ кого помощи; аще ли по наказаніи не смирится, то вящшія страждетъ скорби; аще ли и добродѣтели имѣетъ человѣкъ нѣкія, а не смирится, ни кія же пользы себѣ на исцѣленіе не имѣетъ, но паче въ немъ грѣхъ вкореняется, ибо явѣ есть разумѣти отъ сея повѣсти. Ибо, егда онъ, Герасимъ, когда бываше въ трезвеніи отъ піянства и къ молитвѣ прилежаше, вечерню, полунощницу, утреню, часы, такожде и канонъ Іисусу, акаѳистъ Богородицѣ, канонъ ангелу—хранителю, триста поклоновъ и шестьсотъ молитвъ Іисусовыхъ, седьмъ Богородицѣ, три каѳизмы псалтири и прочая по вся дни исполняше. О смиреніи же и о духовной любви онъ не

внимаше, того ради діаволъ его паки злобою порѣваше, [1]) потомъ же унынїе на него налагаше, отъ сего паки въ страсть пїянственную его низлагаше и сотворяше его, яко же прежде речеся, толико странна пустыни, яко же и отнюдь не живяше, но въ селахъ и деревняхъ беззазорно скиташеся. И тако твори, отнелѣже пріиде въ пустыню, лѣта четыре. Таже нѣкогда онъ паки пришедъ въ пустыню по обычаю, еже бы хотя истрезвитися, и бысть ему вышеписанныя мечты и страхованія бѣсовскія, и паки, по призванію его и умоленію, бывшу ми съ нимъ въ кельѣ. Въ то же время случися мнѣ, по умоленію нѣкіихъ человѣкъ, ради нѣкіихъ нуждъ, итти во градъ Темниковъ, въ сущій тамо монастырь; а онъ, Герасимъ, въ страстѣхъ оныхъ единаче пребывалъ, и не отступаше отъ него привидѣніе бѣсовское; абіе убояся единъ остатися въ пустынѣ и идѣ со мною. И егда пріидохова въ монастырь, духи нечистіи неотступно и тамо мечты творяху ему; слышашеся ему велій шумъ и обуреваніе [2]) по воздуху, яко колебатися всему воздуху, и не точію ему слышашеся, но и азъ чуяхъ и слышахъ то колебаніе воздушное; прочимъ же человѣкомъ нѣкимъ, аще ушесамъ ихъ и слышно, но не внимательно. И тогда отъ того обуреванія бѣсовскаго онъ, Герасимъ, абіе паде и возляже на землю, и лежа нѣціи часы, аки мертвъ, очи имѣя отверсты и недвижимы, подобны мертвому человѣку; и ни которыми уды не движимъ бысть; и не бысть въ немъ ни мала дыханія; бысть яко мертвъ; токмо мало нѣчто познаваше-ся, яко душа еще въ немъ есть. Тогда азъ съ предстоящими нача о немъ горько плакати и потомъ, вземъ

[1]) Т. е. толкалъ.. (Ред.).

[2]) Т. е. волненіе, смятеніе. (Ред.).

книгу, нача надъ нимъ молитвы заклинательныя отъ бѣсовъ чести, таже начахъ и канонъ на исходъ души его читати: отчаяхся бо его жива быти. И егда сему исполняющуся, абіе онъ отъ одра воста и нача по храминѣ ходити, нози же свои подъемляше горѣ высоко, на мене же возглядоваше и быстро зряше и, повторяя, глаголаше мнѣ сице, яко се бысть мнѣ видѣніе, яко утро ты умреши. Тогда азъ отъ него сіе и прочее слышахъ и уразумѣхъ: діавольское то быти дѣйство; не внимахъ его глаголомъ. О чесомъ послѣжде, егда очистися онъ отъ бѣсовскихъ мечтаній, самъ повѣда бывшее о себѣ, яко сотвориша его бѣсове тогда, аки бы умерша, и душу его яко бы взяша на воздухъ, показующе ему себе быти свѣтлыхъ, аки ангеловъ, и являюще ему нѣкая многая ложная знаменія на воздусѣ и на землѣ; ибо, егда на землѣ лежаше онъ, мняшеся быти умерша; возставъ, хождаше, чаяше себе отъ мертвыхъ возставша; обуреваемъ бѣсовскимъ мечтаніемъ, пришедъ въ церковь, и абіе узрѣ въ церкви надъ гробомъ умершаго тѣла (бѣ бо въ то время прилучися нѣкоему мертвецу въ церкви быти и совершати надъ нимъ священникомъ многимъ соборное погребеніе, бѣ бо именитый человѣкъ бысть): показашася ему надъ нимъ нѣкія красныя и свѣтлыя личины, стоящія, такожде и по воздуху подобнѣ являшася; и иная многая ложная привидѣнія показываша ему бѣсове.

О исходѣ изъ монастыря его, Герасима, и отъ братіи въ особое свое вольное житіе, и како отъ того паки въ страсти впаде.

Егда мечты вражія вся отъ него отъидоша, и истрезвися, тогда, мало поживъ въ томъ монастырѣ со мною

паки въ злобу впаде и, исшедъ изъ монастыря, вниде въ близъ сущую тамо келью и жити нача особо; и мало поживъ, оттуда изыде въ Темниковъ градъ, и паки нача пити и безобразно валятися, яко же и прежде. И егда онъ, много время въ томъ невоздержаніи пребывая, озлобляя душу свою грѣхолюбіемъ, нѣкогда, воспомянувъ творити благо, паки пойде въ пустыню и къ тому уже не можаше быть въ пустынѣ. Того ради сотвори себѣ келью на большой дорогѣ Темниковской, яже два поприща бѣ отъ пустыни, на тойже рѣчкѣ Сатисѣ, идѣже бѣ пустыня. И мало ту поживъ, паки оттуда изыде и нача уже жити неотложно въ мірскихъ домахъ, ово во градѣ Темниковѣ, ово въ селахъ и деревняхъ у господъ и у прочихъ человѣкъ, піянствуя, валяяся и въ страстѣхъ пребывая безъ всякаго воздержанія; нѣкогда же, аще и прихождаше онъ въ тѣ свои кельи, но не можаше жити въ нихъ единъ, за обычныя своя страсти, развѣ нѣкогда по случаю того, что нѣкій кто пришедшій, — монахъ или мірянинъ, — по умоленію его, мало съ нимъ въ тѣхъ кельяхъ побывше; и паки избѣгаше, исполняя обычай свой въ мірскомъ пребываніи, яко же о немъ выше речеся.

И минувшимъ нѣкіимъ лѣтомъ онъ, Герасимъ, тако живя, нѣкогда воспомянуся, пріиде паки въ тѣ свои кельи. Бѣ бо въ то время азъ быхъ въ Арзамасѣ градѣ. И пришедшу ми въ пустыню, тогда и онъ, Герасимъ, пріиде ко мнѣ въ пустыню, не вѣмъ, откуда, посѣщенія ради, и не улучи мене въ кельѣ: бѣ бо случился мнѣ въ то время изыти изъ кельи нужды ради въ лѣсъ. И отверзе двери заключенныя и украде складные образы, книгу, кадильницу мѣдную, нѣчто отъ имѣнія и прочая и паки, заключивше двери, отъиде и украденное спря-

та. Азъ же пріидохъ во свою келью и видѣхъ двери заключены, по обычаю, яко же есть, внутрь же окрадено, дивихся и поидохъ къ нему, Герасиму, въ кельи его, и вопросихъ его о окраденіи (бѣ бо, по Божію промыслу, нѣкто ми сказа, яко онъ ходилъ въ лѣсъ и былъ у моихъ келій, яже ему онъ самъ исповѣда). Онъ же нача клятися, яко не виновенъ сему. И по нѣколицѣхъ днѣхъ малѣхъ отъиде онъ паки во градъ Темниковъ и украденное истроши [1]), на кружалѣ [2]), на винѣ испивъ, ово же продаде нѣкимъ человѣкомъ на деньги. И послѣди украденное все то обличися и многими познано бысть; и мнѣ возвѣщено бысть отъ нѣкіихъ; и украденное то свое, кромѣ имѣнія, у нихъ искупихъ. И по семъ, нѣколицему времени бывшу, паки онъ, Герасимъ, пріиде въ кельи свои и хотяше жити. И, увѣдавъ, азъ пріидохъ къ нему, и обличахъ его о окраденіи, поношахъ его о томъ довольно и не повелѣвахъ ему ту жити со страстьми таковыми: бѣ бо онъ сынъ мнѣ нѣкогда былъ духовной. Онъ же нача мнѣ не смиряти́ся, но вопреки глаголати, во всемъ оправдая себя. Азъ же разгнѣвахся, хотя его устрашити, ударихъ его жезломъ въ рамо. Онъ же вземъ веліе древо и поднемъ его, хотя ударити мя въ главу мою; азъ же устранися за нѣкія ту прилучившіяся врата; онъ же опусти древо въ притворный столбъ вратъ тѣхъ и отъ древа того уязвися самъ; азъ же сохраненъ быхъ. Тогда прилучившіися ту людіе его со древомъ отторгоша и зѣло его уничтожиша. Азъ же видѣхъ его въ злобѣ непреклонна, тогда отъидохъ отъ него во свою келью, не

[1]) т. е. раздробилъ. (Ред.).

[2]) „Кружаломъ“ въ старину назывался питейный домъ, шинокъ. (Примѣч. редакт.).

повелѣвая ему жити ту, да отъидетъ, аможе хощетъ. Онъ же отъиде тогда, не яко послушая мене, но не можаше, страсти ради, единъ въ кельѣ быти. Отъиде паки въ Темниковъ, изъ Темникова въ Наровчатъ, въ монастырь, нарицаемый Сканская пустынь. [1]) И тамо такожде въ піянствѣ пребываше. И нѣкогда тоя пустыни строитель вземъ его съ собою къ Москвѣ, тотя отъ него въ нѣкіихъ нуждахъ помощи, даде ему все одѣяніе нарочитое. Тогда онъ, Герасимъ, поѣхавъ къ Москвѣ, восписа ко мнѣ въ пустыню сице: „честный отче Исаакій, о Христѣ спасися и помолися о мнѣ, прошу благословенія и прощенія, а келію мнѣ, (въ которой ты живешь), опростай, а я поѣхалъ къ Москвѣ и буду къ тебѣ въ пустыню“.

И егда, бывшу ему на Москвѣ, пріиде на кружало и всю съ себе одежду, юже даде ему строитель, на винѣ испи, и бысть нагъ, валяяся по улицѣ, якоже нѣцыи знаемые видѣша его. Тамо тако бы нѣцыи дни и потомъ безъ вѣсти бы; даже и до сего дни, не вѣдомо, гдѣ подѣся: или отъиде камо, или умре.

О прочихъ монасѣхъ разныхъ, въ разныя времена въ пустынѣ сей при первыхъ монасѣхъ—Ѳеодосіи и Герасимѣ, краснослободцѣ, бывшихъ.

Не подобаетъ молчанію предати и о прочихъ живших въ пустынѣ сей монасѣхъ, въ которая времена быша, колико и како жиша. О первыхъ бо монасѣхъ Ѳеодосіи и Герасимѣ, краснослободцѣ, выше писася; въ та же времена при нихъ кто отъ монаховъ бысть, и

[1]) Сканова пустынь, въ 4 вер. отъ Наровчата, Пензенск. г., на р. Мокшѣ. Основана въ первой половинѣ XVII в. (Звѣринскій. „Матер. для истор.—топограф. опис. монаст.“, т. 2, стр. 376—377). Примѣч. редакт.

колико ихъ быша, о томъ подлиннаго извѣстія не обрѣтохъ, точію слышахъ отъ нѣкіихъ поселянъ села Кременокъ, яко при нихъ быша иные монахи; въ разныя лѣта и времена приходиша и жиша съ ними; кто же и како имъ быша имена, и много-ли числомъ, ради много прешедшихъ лѣтъ, не вѣдомы суть, кромѣ тѣхъ, которые у нихъ пострижены быша, нѣцыи изъ того же ихъ села Кременокъ поселяне,—два, яже суть имъ имена сице въ монашествѣ: первый именемъ Савватій, прозваніемъ Мининъ, второй Серапіонъ, прозваніемъ Холодилинъ. О прочихъ же отнюдь ихъ не увѣдахъ именъ, или колико ихъ числомъ бысть. И тіи вси монаси быша при Ѳеодосіи и Герасимѣ и жиша, ови овогда съ ними въ пустынѣ сей по малу времени быша, ови же больше жиша на вышеписанной Темниковской дорогѣ у часовни въ кельѣ; рукодѣліемъ и подаяніемъ питашася. А по исшествіи тѣхъ монаховъ—Ѳеодосія и Герасима, даже до лѣтъ (1690—1692) не бысть житія монахомъ. Точію нѣцыи приходиша, желающе мѣста красоты видѣти и хотяще жити, и не дерзаху начати, начала пустыннаго труда подъяти и тако тщи отхождаху житія того мѣста, якоже о единомъ здѣ нѣкоемъ іеромонахѣ речется сице.

О монасѣ нѣкоемъ, іеромонахѣ Савватіи, иже хотяше, по исшествіи монаха Герасима, краснослободца, жити и собрати братію въ пустынѣ сей.

Повѣда монахъ Филаретъ, о немъ же въ началѣ писано, который первѣе пріиде съ монахомъ юнымъ Иларіономъ въ пустыню сію,—о нѣкоемъ іеромонахѣ, именемъ Савватіи, яко до пришествія монаха юнаго Иларіона, лѣтъ за пять или больше, возжела оный іеромо-

нахъ Савватій нѣкогда въ пустынѣ сей быти и мѣсто сіе видѣти: отъ слышанія бо отъ многихъ услаждашеся, яко прекрасно есть; и вземъ сего монаха Филарета, пойде на него изъ Темникова града, изъ пустыни, нарицаемой монастырь Санаксаркій (бѣ бо ту онъ Савватій въ томъ монастырѣ іеромонахомъ бысть вмѣсто строителя; а монахъ Филаретъ ему бѣ сынъ духовной). И видѣвъ мѣсто оно, яко красно, абіе возжела на немъ быти, не яко безмолвія конечнаго ища, но яко хотя мѣсто то мнѣніемъ своимъ прославити, строеніемъ и прочею суетою своею, и попеченіемъ собрати братію; чего ради тогда скоро онъ, іеромонахъ, со онымъ Филаретомъ поидоша во градъ Арзамасъ и написаша двѣ святыя иконы мѣстныя, едину Нерукотвореннаго Образа Спасителева, вторую Николая Чудотворца, рѣзную. И егда тыя святыя иконы принесены быша въ сію пустыню отъ него, іеромонаха, и абіе еще прежде начала житія своего воспятися страхомъ пустыннаго и прискорбнаго житія мѣста того. И скоро абіе вземъ тыя святыя иконы и изыде съ мѣста того паки въ Санаксарской монастырь и тыя иконы тамо постави въ часовню, яже и донынѣ ту зримы суть въ томъ монастырѣ. А онъ тогда, іеромонахъ Савватій, по пришествіи своемъ съ тѣми святыми иконами, мало бывше въ монастырѣ томъ, абіе возжела большія власти и поѣхалъ къ Москвѣ съ заручною челобитною брацкою, въ нѣкоемъ монастырѣ хотя быти на игуменствѣ; и по челобитной той посвященъ бысть онъ во игумена; и хотя уже ѣхать съ Москвы въ монастырь, идѣже онъ посвященъ во игумены; абіе Божіею волею пріиде на него болѣзнь велія къ смерти. И отъ той болѣзни умре на Москвѣ, не получивъ начальства игуменскаго.

О разныхъ монасѣхъ, бывшихъ въ пустынѣ сей въ лѣто (1691—1700) при монахѣ Герасимѣ, кезенцѣ, и по немъ.

Въ лѣта (1691) году, егда юный монахъ Иларіонъ пріиде въ пустыню сію, тогда при немъ иныхъ монаховъ не бысть, кромѣ вышеписанныхъ монаховъ— Филарета темниковца, Палладія арзамасца, Герасима кезенца и прочихъ, яже о нихъ выше писано. Даже до лѣта (1700) въ различная времена прихождаху въ сію пустыню монахи и жиша нѣкія времена и лѣта, ови въ пустынѣ сей, ови же на оной Темниковской большой дорогѣ, идѣже кельи быша Герасима онаго, кезенца, яже о немъ выше речеся; имена же симъ монахомъ сицевая бѣ: монахъ Спиридоній, монахъ Филаретъ, монахъ Серапіонъ, яже о нихъ здѣ речется сице.

О монахѣ Спиридонѣ.

Монахъ Спиридоній бысть постриженникъ Темникова града въ монастырѣ, въ Санаксарской пустыни и жилъ, по постриженіи своемъ, преходя, ово въ своемъ монастырѣ, ово же въ Арзамасѣ градѣ, въ Введенскомъ монастырѣ. И нѣкогда помянуся ему пріити въ сію пустыню, хотя ту жити; и, пришедъ, сдѣла себѣ лубяной шалашъ наверху третьяго вала землянаго города, идѣже нынѣ мостъ въ большой городъ, чрезъ который изъ монастыря ѣздятъ въ лѣсъ; и точію ту едва три недѣли бывъ, абіе изыде паки въ монастырь. И въ лѣто (1693) онъ, Спиридоній, паки пріиде въ пустыню сію и купи келью у преждереченнаго монаха Герасима, кезенца, которая келья поставлена подъ горою на Сатисѣ, въ лугу,

въ ней же онъ, Герасимъ, жилъ исперва,—давъ за ню двѣ гривны денегъ, нача въ ней жити и, поживъ мало больше мѣсяца, не могъ болѣе терпѣти ради неискусства во единственномъ пребываніи: содержимъ бысть страхомъ пустыннымъ; абіе изыде паки въ свой монастырь, а мнѣ въ то лѣто бывшу во Арзамасѣ градѣ въ Спасскомъ монастырѣ.

О монахѣ, іеродіаконѣ Филаретѣ, муромцѣ.

Тогоже (1693) году, бывшу ми въ Арзамасѣ градѣ въ Спасскомъ монастырѣ, тогда пріиде въ тотъ монастырь сей монахъ Филаретъ изъ града Мурома, изъ Спасскаго же монастыря [1]). Бяше бо онъ, Филаретъ, юнъ лѣты, ростомъ-же высокъ, лицемъ красенъ бяше и смиренъ; чего ради тогда вскорѣ архимандритъ того монастыря Спасскаго Павелъ посла его къ Москвѣ и посвяти во іеродіакона. Онъ, іеродіаконъ Филаретъ, любимъ бѣ отъ всѣхъ, внѣшняго ради его благонравія и доброты тѣлесныя: бяше бо являяся ко всѣмъ смиренолюбовенъ и привѣтенъ, такожде и ко мнѣ велію имѣяше любовь и много со мною бесѣдоваше отъ Писанія о пользѣ душевней. Чесо ради отъ многія любви своей яже ко мнѣ онъ, Филаретъ, билъ челомъ архимандриту, дабы ему со мною во единой кельѣ быти. И егда, по повелѣнію архимандричу, бысть онъ со мною въ кельѣ, тогда, по коварству сатанину, нача онъ ко мнѣ глаголати словеса развращенныя, противныя святѣй соборнѣй апостольстѣй церкви: хуляше бо святую церковь, вся

[1]) Спасо-Преображенскій, мужской монастырь въ г. Муромѣ, Владимір. губ., основанъ въ глубокой древности и представляетъ изъ себя остатокъ загороднаго двора св. кн. Глѣба, сына Владиміра Великаго. (Звѣринскій, „Матеріалы“..., т. 2, стр. 336—337). Примѣч. редакт.

церковная таинства, новоисправныя книги и по нимъ вся совершаемыя таинства и молитвы, святый четвероконечный крестъ, молитву Іисусову, всѣхъ православныхъ архіереовъ уничижая, всячески хуля и прочая святая называя ересію. Тогда же азъ противу его хуленія много ему прещахъ и наказывахъ его словесы Божественнаго Писанія, приводя его къ познанію истины, и о томъ представляхъ ему многая древняя писанія, да, познавъ, престанетъ отъ хуленія на святую церковь. И онъ же не точію не послуша того, но и паче всякими хулами и срамными сквернымі словѣсы,—ихъ же не лѣпо есть рещи,—нача на вся Божественныя новоисправныя книги, яко песъ, лаяти, уничижая ихъ и церковь. Тогда азъ, слышавъ отъ него таковая нестерпимая хуленія на святую церковь и видѣвъ его во всемъ не покорна суща, извѣсти о немъ архимандриту Павлу. И архимандритъ ни во что то вмѣни мое извѣщеніе, не мнѣвъ его такова суща быти. Бяше бо онъ, Филаретъ, при немъ, архимандритѣ, и при прочихъ людѣхъ мняшеся благочестивъ быти и смиренъ; но онъ то въ себѣ имѣя все притворно, самою же вещію врагъ бяше церкви. Азъ же, видѣвъ архимандритово къ нему защищеніе, оставихъ его, Филарета, и умолчахъ отъ глаголанія съ нимъ. Видѣвъ мя умолчавша, абіе претворися и онъ въ молчаніе. И по нѣколицѣхъ днѣхъ, аки бы ничтоже онъ уже преждереченной противности на церковь имѣя и смирися, нача мя молити и просити у мене благословенія еже итти въ пустыню, идѣже азъ быхъ на Сатисѣ, къ монаху преждереченному Герасиму, кезенцу, жити: бѣ бо онъ, Герасимъ, въ то время отъ піянства истрезвися и живяше во своей кельѣ, яже на большой дорогѣ, Темниковской, съ нѣкіимъ бѣльцомъ. Тогда азъ

его, Филарета, возбранихъ отъ такова намѣренія, вѣдая его въ немъ діавольскую прелесть, и отнюдь итти ему въ пустыню не повелѣвахъ. Онъ же движимъ бяше своею похотію, паче же діаволимъ понужденіемъ, утаився отъ мене, абіе нощію бѣжа изъ монастыря, оставивъ вся своя вещи, книги, одежду и прочая вся даже до мала и велика въ кельѣ, ничтоже вземъ съ собою. И пріиде въ пустыню къ нему, Герасиму, и нача съ нимъ жити, повинуяся ему. Тогда увѣда архимандритъ Павелъ и вся братія, яко онъ, Филаретъ, явися въ пустынѣ и живетъ со онымъ монахомъ Герасимомъ, абіе на мене вси вознегодоваша, не малыя мнѣ укоризны за него, Филарета, приношаша, аки бы по моему наученію онъ пошелъ изъ монастыря, и азъ послалъ его нарочно въ пустыню. И жилъ онъ, Филаретъ, въ пустынѣ съ нимъ, Герасимомъ, полтора точію мѣсяца и не могъ больше быти; абіе изыде и пріиде въ монастырь ко мнѣ паки въ келью. И, поживъ со мною въ кельѣ мало больше недѣли, абіе испроси у архимандрита благословеніе и пойде во градъ Муромъ, въ Спасской монастырь, идѣже онъ постриженся. И нѣколико время бывше въ монастырѣ, діаволимъ наущеніемъ нача мыслію своею смущатися въ раскольство. И престави ему діаволъ въ мысль нѣкую аки богословную вещь, счиняя коварство, хотя его, конечно, погубити, и прельсти его сицевою вещію. Испроси бо онъ, Филаретъ, у архимандрита благословеніе еже пребыти ему нѣколико время въ хлѣбенной кельѣ. И пребывъ тамо нѣцыи малые дни, во едино время призва къ себѣ отца духовнаго, исповѣдася и причастися отъ него Святыхъ Таинъ. И по причащеніи, того же дне келья хлѣбная топяшеся; и егда дровамъ во углiе претворщимся и пещи разгорѣвшейся

зѣло, онъ, Филаретъ, аки нѣкихъ ради орудій нужныхъ ту сущихъ, служебенныхъ монаховъ и трудниковъ коегожло ихъ разосла изъ кельи; и егда не бысть никого въ кельѣ, токмо онъ, Филаретъ, остася единъ, абіе возбуждающу его сатанѣ, вземъ нѣкую на то прежде, по бѣсовскому коварству, отъ него изготовленную доску, приложивъ ю въ печномъ устіи ко угліемъ горящимъ, возшедъ на ню, и ввержеся по той доскѣ въ пещь на угліе горящіе. И абіе испечеся, огорѣ весь и умре. Тѣло же его въ пещи бяше. Монаси же, егда пріидоша въ келью и видѣша его тѣло въ пещи лежащее, испекшееся и огорѣвшее, яко главня, и смрадъ золъ изъ себе испущающее, убояшася зѣло и извлекоша его вонъ, удивляющеся о семъ зѣло. Таже сошедшеся, вся братія извлекоша его изъ кельи на монастырь. Тогда бысть велій смрадъ не токмо въ монастырѣ, но и повсюду во градѣ томъ. Тогда архимандритъ и вся братія, недоумѣюще о немъ что сотворити, гдѣ то погребсти тѣло, оставиша его не погребенно, дондеже о немъ писаша ко архіерею, что повелитъ. Архіерей сію вещь положи въ недоумѣніе и отписа, повелѣ его погребсти въ монастырѣ у церкви съ прочими.

О монахѣ Серапіонѣ, иже бѣ подругъ монаха Герасима, кезенца.

Монахъ же Серапіонъ бысть въ пустынѣ сей въ томъ-же (1693) году въ конецъ. По исшествіи бо монаха Герасима изъ пустыни въ Сканскій монастырь, иже суть въ Наровчатѣ, яже о немъ выше речено, пріиде сей Серапіонъ въ сію пустыню и жилъ въ тѣхъ же Герасимовыхъ кельяхъ, яже суть на большой дорогѣ Темни-

ковской; прiиде же онъ и живяше ту, не яко желая пустыннаго житiя и ища безмолвiя, но яко обладанъ есть страстiю пiянства, яко же и монахъ Герасимъ, иже и дружелюбенъ ему. Прежде сего бѣ купно съ нимъ по монастыремъ ходяще и живуще, купно съ нимъ и вино пiюще; и егда разлучистася другъ отъ друга и оттолѣ не видѣста другъ друга, ниже слышаста, въ коемъ мѣстѣ кiйждо изъ ихъ обрѣтается: Герасимъ бо въ сей пустынѣ и въ сихъ странахъ живяше, Серапiонъ же по монастыремъ тогда хождаше повсюду. И въ томъ хожденiи своемъ случися ему итти путемъ въ страну сiю, по той большой Темниковской дорогѣ, мимо тѣхъ Герасимовыхъ келiй, и, увѣдавъ, яко тѣ кельи подруга его Герасима, поселися на малое время въ нихъ. Обаче сей монахъ Серапiонъ не искаше пустыннаго безмолвiя и сего ради, прeживъ ту яко двѣ недѣли, паки отъиде отсюда, не вѣдомо, въ кiй монастырь.

О строенiи часовни на большой дорогѣ, о написанiи на крестѣ образа распятiя и хоругви полотняной.

По исшествiи же монаха Герасима и монаха Серапiона, остася азъ единъ въ пустынѣ сей, и не бысть никого отъ монаховъ, ниже отъ бѣльцовъ со мною даже до лѣта (1700). И тогда въ лѣто 1699-е, въ началѣ, прiиде ми помыслъ еже построити на Темниковской большой дорогѣ, на рѣчкѣ Сатисѣ часовню и въ ту часовню написати на крестѣ образъ распятiя Господа нашего Iисуса Христа, ради моленiя мимоходящихъ путемъ. Богу поспѣшествующу, еже помыслихъ, то и сотворихъ; абiе часовню срубихъ своима рукама и поста

вихъ ее на оной вышереченной дорогѣ, на приличномъ мѣстѣ при пути; потомъ-же своима рукама въ пустынѣ написа на крестѣ велицѣмъ вапы [1]) изъ масла образъ распятія Господа нашего Іисуса Христа и поставихъ его въ новопостроенной часовнѣ лѣта (1699), Ноября въ 30 день, иже ту и днесь видимъ есть. Таже въ тоже лѣто своима же рукама написахъ въ той-же пустынѣ, на хоругви полотняной Божественные образы, на единѣй странѣ Нерукотворенный Образъ Христа Бога, на другой-же Пресвятыя Богоматери со Младенцемъ Ея, Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ, въ руку имущимъ честный крестъ.

О началѣ познанія раскольниковъ: монахини Меланіи и прочихъ.

По построеніи часовни и поставленіи креста пребыхъ азъ въ пустынѣ до лѣта 1700; ни единаго же бѣ отъ человѣкъ, кто бы былъ со мною въ та лѣта. По Божію же смотрѣнію, бысть познаніе съ раскольники заволжскими, яже бѣ въ лѣто 1699, Ноября въ 30 день. Пріиде нѣкій раскольникъ изъ-за Волги, именемъ Іоаннъ; и часто прихождахъ азъ къ нему изъ пустыни на мельницу, иже бѣ на Сатисѣ рѣчкѣ, на Темниковской дорогѣ, на которой той живяше; и многій разговоръ и споръ имѣлъ отъ Писанія, приводя его ко обращенію; и не обратися. Таже потомъ, наставшу году 1700, въ Февралѣ мѣсяцѣ шествіе твориша въ пути отъ Наровчатовскаго городка до своихъ пустынныхъ жилищъ нѣкія иныя заволжскія раскольницы: монахиня, именемъ Ме-

[1]) т. е. красками. (Ред.).

ланія, съ прочими иными монахини, живущими съ нею; и сташа на подворьѣ въ нѣкоей деревнѣ, именуемой Балыково, яже суть на Темниковской большой дорогѣ. И по Божію смотрѣнію, улучися ту съ ними видѣтися и отъ Писанія разговоръ имѣти. И отъ того времени бысть и съ прочими раскольники познаніе, и о расколствѣ многіе съ ними разговоры быша отъ Писанія, отъ 1700 даже до 1704 и 1705 годовъ, до обращенія монаха Филарета.

О обращеніи отъ раскольства вышепомянутаго Іоанна Корелина и о постриженіи его.

И по семъ въ тоже лѣто 1700-е, во Іюнѣ мѣсяцѣ, по многомъ разговорѣ, Божіимъ наставленіемъ оный Іоаннъ обратися отъ раскола и съ мельницы пріиде ко мнѣ въ пустыню, и пострижеся, и нареченъ бысть вмѣсто Іоанна Ириней, и бысть первый постриженникъ въ пустынѣ. Жилъ онъ со мною два мѣсяца во единой кельѣ, зѣло каяся о преждебывшемъ своемъ прельщеніи. И бысть въ послушаніи велицѣ, послушая бо со многимъ усердіемъ, ни въ чемъ прекословя; и бысть многимъ образъ покаянія и обращенія. По дву же мѣсяцу постриженія его, Иринея, изыдохъ изъ пустыни паки въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь, идѣже постриженъ бѣхъ, вины ради сицевыя.

О исшествіи изъ пустыни въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь первоначальника.

По постриженіи монаха Иринея, того же году града Арзамаса, Введенскаго монастыря, идѣже бѣхъ азъ по-

стриженъ, монаси вси со вкладчики начаша мя молити и просити съ прилежаніемъ, еже къ нимъ итти въ монастырь на обѣщаніе во іеромонахи. Таже по многомъ прошеніи словесномъ, еще восхотѣша просити и молити мя писаніемъ того ихъ монастыря чрезъ вкладчика Іоанна Михайлова; по которому письму не нужда ми бысть тогда въ Арзамасъ, въ тотъ монастырь итти, ниже іеромонашества ради, но ради прошенія со іеромонахомъ Варлаамомъ, при концѣ исхожденія отъ жизни сея бывшимъ, о которомъ писано было въ вышепредъявленномъ же отъ онаго вкладчика письмѣ. И егда быхъ въ монастырѣ, тогда вся братія и вкладчики, а наипаче архимандритъ Павелъ прилежаша ми, да буду не отложно въ томъ монастырѣ іеромонахомъ. Написавши челобитную и заручивши ю, даша мнѣ. Азъ же не могъ больше ничтоже имъ противитися, возложився на Бога, помыслихъ прошеніе ихъ исполнити, но не до конца обѣщевающе себе быти ту,—не хотящу ми оставити пустыни никогдаже,—но на время нѣкое у нихъ въ монастырѣ пребыти. Они же, не сумнѣвающеся о томъ и мняще мя до конца пребыти, единаче желаху, не отступно моляще мя, да исполню ихъ точію прошеніе. И тако тогда о томъ дахъ имъ слово по волѣ ихъ и по моему намѣренію быти. Повѣдахъ оному новопостриженному брату, монаху Иринею, вся бывшая и вопросихъ его, аще и онъ имать совѣсть къ тому дѣлу настоящему, яже совѣщахъ съ братіею, еже итти къ нимъ во іеромонахи.

Тогда онъ, Ириней, тожде совѣтова, якоже и азъ помышляхъ, и повелѣ ми итти, себе же остави въ пустынѣ единаго.

Тогда азъ помыслихъ, яко тако нѣкоторая воля Божія хощетъ быти, еже итти въ Арзамасъ, въ той монастырь и быти тамо время, какъ Богъ покажетъ. И тако соизволеніемъ и съ совѣтомъ его, Иринея, отхождахъ въ монастырь оный, оставляя единаго въ пустынѣ, глаголюще къ нему сице: брате Иринее, да имаши терпѣти на мѣстѣ семъ въ пустынѣ, помогающу ти Богу, не ослабѣвая въ терпѣніи своемъ; и Богъ поможетъ, ниже и азъ оставлю тя, ниже мѣста сего когда оставлю, но дондеже Богъ соблагоизволитъ, всяко имамъ возвратитися въ пустыню къ тебѣ: умрети бо желаю ту. И тако изыдохъ въ монастырь оный, въ Введенскій, тогожъ 1700 году и взяхъ, по челобитью, отъ Святѣйшаго Адріана, патріарха, перехожую память.

О житіи монаха Иринея, о приходѣ къ нему монаховъ и бѣльцовъ и постриженіи ихъ до лѣта 1706, до строенія церковнаго.

По исшествіи же моемъ въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь, егда онъ, монахъ Иринеи, остася въ пустынѣ единъ, съ радостію и со многимъ смиреніемъ заповѣдь отеческу воспрія и храняше ю: не усумнися бо, новоначаленъ сый еще, въ пустынѣ единъ остатися; не бѣ никого же съ нимъ живущаго отъ человѣкъ, но благонадежно остася и обѣщася ту неисходно жити всегда. И егда нача о Бозѣ жити единъ и отъ того числа, отнелѣже азъ отъидохъ, живя, терпѣ многія страсти, немалыя подъя наносимыя отъ невидимаго врага скорби, уныніе, страхованіе, отчаяніе, нападеніе многихъ мыслей и прочія страсти, яже не лѣть здѣ подробно исповѣдати, точію отъ самаго дѣла видѣти мощно есть,

яко же Писаніе глаголетъ: горѣ единому жити не точію новоначальному и неискусному, но и совершенному; яко бо въ пучинѣ морстѣй влающему [1]) не безбѣдно бываетъ плаваніе, сице и единому въ пустынѣ бывшему многія страсти належатъ монаху. Онъ же, Ириней, терпя добльственно всякія страсти и скорби, точію не мало утѣшася симъ, еже по вся мѣсяцы прихождаше ко мнѣ въ монастырь и исповѣдываше вся своя мысли и належаніе страстей отъ діавола, исповѣдався, причащашеся Святыхъ Таинъ Тѣла и Крове Христовы и отхождаше паки въ пустыню. И тако со упованіемъ живя, заповѣди реченныя ему соблюдая со всякимъ смиренномудріемъ и съ покореніемъ; ничто же бо оставляше и презираше сихъ. И сице ему пребывающу, продолжися житіе его единственнаго до мѣсяца Октября, до 15 числа того года 1700. Тогда, видя его Богъ многсе терпѣніе и усердіе, не остави его къ тому въ скорбѣхъ и озлобленіяхъ страстныхъ во единственномъ житіи пребыти безъ помогающаго человѣка, но хотя его паче ко усердію возбудити, да не исходенъ пребудетъ даже и до смерти на томъ мѣстѣ, и наипаче же мѣсто оное хотя Богъ чрезъ то его житіе и первое начавшееся постриженіе, и послушаніе бывшее прославити и уже въ самую истину устроити, и на немъ святыя церкви воздвигнути, а наипаче преждебывшаго монаха Герасима, краснослободскаго, молитвами призрѣ на мѣсто оно, на немъ же онъ живя не точію безъ монашескаго житія, но и въ монашествѣ. И абіе къ тому оттолѣ не оскудѣетъ мѣсто оно, дабы возсіяти на немъ благодати Божественной,

---

[1]) „Влѧти“ — волновать, „влающійся“ — подверженный непогодѣ, обуреваемый. Примѣч. ред.

восхотѣвшей, приспѣвающу времени, яже искони уготовано, еже ему освящену быти святыми церквами; абіе къ полезнѣйшему утѣшенію нача посылати Иринею въ поможеніе братію.

Ибо тогожъ 1700 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ пріиде къ нему, Иринею, нѣкій бѣлецъ, именемъ Іоаннъ, хотя видѣти его, и возжела постричися и съ нимъ жити. Ириней же увѣща его, да пребудетъ у него, ожидая, дондеже онъ пойдетъ и вопроситъ отца своего, аще повелено будетъ ему постричися у него. И егда онъ, Ириней, пришедъ въ монастырь и о томъ совопрошся подробно наставника, по прошенію того Іоанна, постриженъ бысть въ пустынѣ; Ипполитъ же имя ему бысть наречено. И абіе въ послушаніи и наученіи у него, Иринея, пребываше.

И отъ того времени начаша къ нему, Иринею, бѣльцы приходити, постригатися и съ нимъ жити. И мѣсто оно пустынное нача не оскудѣвати монахи, но даже и до строенія церкви безъ монаховъ не бываше: не отступно бо на немъ живяху. Яже бо о нихъ и о случившихся при нихъ вещѣхъ повѣствуетъ нижеслѣдствующее лѣтописаніе сицевое.

О приходѣ бѣльца Стефана и о постриженіи его.

По постриженіи же онаго Ипполита, тогоже Октября, пріиде къ нему, Иринею, инъ бѣлецъ, изъ села Кременокъ поселянинъ, именемъ Стефанъ, прозваніемъ Семиглазъ, и живя съ ними, Иринеемъ и Ипполитомъ, купно во единой кельѣ бѣльцомъ, по благословенію наставника его, Иринеева; и по постриженіи нареченъ бысть Севастіаномъ.

О приходѣ бѣльца Іакова, о прельщеніи монаха Ипполита и о исходѣ его изъ пустыни.

По постриженіи сего Севастіана, наутріе тогожъ мѣсяца Декабря въ 9 день пріиде инъ бѣлецъ изъ Арзамаса, именемъ Іаковъ Глухій; и живяста купно Таже наставшу 1701 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ монахъ Ипполитъ прельщенъ бысть отъ нѣкоего раскольника и сбѣжа изъ пустыни, и свергъ съ себя иноческій образъ, и на нѣкоей мельницѣ за градомъ Темниковомъ живяше.

О постриженіи монаха Аѳиногена и о приходѣ его ко Иринею въ пустыню.

По исшествіи Ипполита, остася онъ точію съ вышеписаннымъ ученикомъ своимъ, съ новопостриженнымъ монахомъ Севастіаномъ, и жиста они купно два даже до лѣта 1701. Въ тое бо лѣто, во Августѣ мѣсяцѣ, 5 дня пріиде изъ Темникова града въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь инъ бѣлецъ, поповичъ, именемъ Ананій, просяше постричися, обѣщевающеся въ пустынѣ, идѣже они, Ириней со ученикомъ своимъ, монахомъ Севастіаномъ живяста. По изволенію же настоятеля постриженъ бысть онъ, Ананій, въ томъ монастырѣ Введенскомъ; и наречено бысть имя ему Аѳиногенъ; и по постриженіи, по обѣщанію его, абіе посланъ бысть ко оному Иринею въ пустыню; и пришедъ въ пустыню ко оному монаху Иринею, живяше купно. Приходъ же бѣ вышеписаннаго года, Ноября 7 дня.

О приходѣ въ пустыню бѣльца Петра и о постриженіи его.

По пришествіи же въ пустыню онаго Аѳиногена, наставшу 1702 году, во Октябрѣ пріиде въ пустыню къ нимъ, Иринею, Аѳиногену и Севастіану, изъ Темникова града посадскаго человѣка сынъ, отрокъ, бѣлецъ, именемъ Петръ, бывшій въ мірѣ подругъ того Аѳиногена, и, живъ съ ними въ пустынѣ нѣкое время, пріиде оттуда въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь, и постриженся въ рясу въ тоже лѣто, Августа 20 дня, и нареченъ бысть Паисій. И по постриженіи паки посланъ бысть онъ въ пустыню къ монахомъ онымъ. И по семъ въ лѣто 1703-е взятъ былъ онъ, монахъ Паисій, въ монастырь и постриженъ въ мантію, Февраля въ 7-й день, и по постриженіи паки отпущенъ въ пустыню.

О приходѣ бѣльца, отрока Григорія, иже послѣди бысть монахъ Геласій, и о постриженіи бѣльца Іакова, иже бысть монахъ Іоасафъ.

По постриженіи же монаха Паисія, тогожъ году пріиде въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь Арзамаскаго уѣзда, изъ села Кичанзина юнъ отрокъ, 18 лѣтъ сый, именемъ Григорій, просяще постричися и обѣщевающеся жити въ пустынѣ у оныхъ монаховъ, Иринея съ прочими. Тогда, по упрошенію его, посланъ бѣ онъ, отрокъ, къ тѣмъ монахомъ; и пріиде къ нимъ изъ Введенскаго монастыря отрокъ тогожъ года, Марта въ 24 день, и живяше съ ними въ послушаніи, изучися писмени и азбуки, и часослова, и псалтири, и прочаго.

По пришествіи же его, отрока Григорія, тогожъ года, Іюніа во 2 день, постриженся въ рясу преждереченный бѣлецъ Іаковъ, нарицаемый Глухой; и наречено бѣ имя ему Іоасафъ. Тогожъ году, Сентября въ 19-й день умре монахъ Ириней во мнозѣй любви и въ соединеніи, о немъ же явитъ нижеслѣдующее слово.

О смерти монаха Иринея.

Егда бо Ириней живяше въ пустынѣ сей съ пришедшими къ нему вышеписанными монахи, у него вси быша, по приказу отца, подъ властію; а монахъ Севастіанъ въ постриженіи отъ евангелія его въ сына мѣсто вданъ бѣ. И по вражію коварству, онъ, Севастіанъ, его, своего отца Иринея, нача не слушати, и не токмо преслушанія творя, но и укоряя его и противоглаголяй. Аще онъ, Ириней, ему полезнаго хотя, поучаше его, онъ, Севастіанъ, слушати его не хотяше и, приходяще въ Арзамасъ ко отцу, на него многу жалобу приносяше. Тогда ему, Севастіану, отецъ ихъ запрещаше много, да престанетъ отъ таковаго обычая и да будетъ во всякомъ послушаніи у него, Иринея, безъ всякаго прекословія, яко обѣщася. Такожде и онъ, Ириней, приходяше въ Арзамасъ, о всемъ вопрошая, повелѣнная вся исполняя и творя, не ища ни въ чемъ своея воли; чесо ради онъ ненавидимъ бысть имъ, Севастіаномъ, но любимъ бѣ отцемъ. Приходи бо онъ часто къ нему въ монастырь и исповѣда вся помышленія своя и, причащающеся Христовыхъ Таинъ, паки отхождаше со многимъ смиреніемъ въ пустыню и живяше со всѣми съ вышеписанными монахи: со Аѳиногеномъ, Севастіаномъ и прочими. Труждашеся съ ними купно, дѣлая всякое руко-

дѣліе; а паипаче онъ, прилагая труды, въ рѣчкѣ Сатисѣ лови рыбу: зѣло бо бяше искусенъ въ томъ художествѣ; и довольно кормяше рыбою своихъ пустынныхъ монаховъ, часто же и въ Арзамасъ, въ монастырь приношаше; и не точію въ пустынѣ монахомъ довольно рыбы отъ него бываше, но и многимъ инымъ господамъ, по благословенію прочихъ своихъ монаховъ, посылаше. Чесо ради такую его любовь они, господа, къ себѣ зряще, присылаху къ нимъ, монахомъ, милостыню довольну—всякаго различнаго хлѣба неоскудно и зѣло его почитаху. И тако онъ, Ириней, бысть въ пустынѣ оной, яко истинный монахъ и сынъ послушанія даже и до смерти своея. И егда приспѣ кончина его отъ сея привременныя жизни въ нестарѣемую, тогда пріиде ему скорбь, по изволенію Зиждителя. Еще за нѣкое время до смерти отече бо все тѣло его; и тогда воспрія на ся великій образъ схимы; и по воспріятіи, пребы въ скорби той полгода. Отъ рукодѣлія же не преста, а наипаче, по обычаю, рыбу лови на братію. И единою, Сентября въ 18 день, 1703 года, противу недѣльнаго дня, въ вечеръ, возставъ, пойде ловити рыбы и едва, возложивъ на рамо свое, понеже бѣ уловилъ много, принесе къ монахомъ въ келью и, отъ изнеможенія зѣльнаго едва съ рама своего рыбу сбросивъ, возлеже на землю и ту всю нощь скорбяше отъ болѣзни, повелѣ скоро бѣжати въ Арзамасъ, желая исповѣдатися и причаститися Святыхъ Христовыхъ Таинъ. И абіе скоро монахъ Аѳиногенъ посла бѣльца, иже съ нимъ живяше, Іакова, иже послѣди въ монахахъ Іоасафъ, наимши осла. И егда онъ, Іаковъ, въ Арзамасъ поѣхалъ, тогда на него, Иринея, нападе діаволъ, мечты великія ему дѣя, терзая его тѣло извнутрь и отвнѣ и устрашая его

(по Божію попущенію) великими страхованіи, являяся ово человѣческими образы, ово же звѣрскими и прочими иными, аки бы хотя пожрети и убити. Тогда онъ, Иринеи, сія зряше, часто и непрестанно нача великимъ гласомъ вопити ко Господу Богу, глаголя: помилуй мя, Господи Іисусе Христе, молитвами отца моего. Ужъ зѣло изнеможе отъ крѣпости тѣлесныя, стеная, вопія и глаголя вышереченная; таже пришедшу дню и второму часу бывшу, паче изнеможе и отъ гласа преста. Монахи же мняху его уснувша; и тогда абіе изыде душа его отъ тѣла, Сентября въ 19-й день. Монахъ Аѳиногенъ, по совѣту прочихъ, скоро иде въ Арзамасъ, еже постиши [1]) посланнаго въ Арзамасѣ и, возвѣстивши отцу наставному, вся погребальная съ собою взяти. И не достигъ Аѳиногенъ Арзамаса, усрѣте мя меньше полупути, въ селѣ, нарицаемомъ Покровскомъ, тоже есть и Глухово нарицается, и повѣда мнѣ о немъ и о смерти его. Болѣзновахъ, яко тако благоволи Богъ умрети, и, опрятавъ тѣло его, съ прочими монахи погребохъ его въ селѣ Кременкахъ, у самыя церкви, у сѣверныя страны, мало косвенно къ западнѣй странѣ, противъ церковныхъ сѣверныхъ дверей, тогожъ мѣсяца 22 числа, 1703 года. По смерти же монаха Иринея, въ томъ же году, Сентября въ 31 день бысть на пустынныхъ сихъ монаховъ діаволомъ нанесенная напасть сицевая.

Егда же пустынные оные монаси жиша въ той пустынѣ, исполняюще заповѣдь Господню, имѣюще между собою любовь и соединеніе, а наипаче же ко отцу своему во всемъ не лицемѣрное послушаніе, вся бо съ

---

[1]) т. е. настичь, догнать (Ред.).

благословеніемъ и съ повелѣніемъ его исполняюще, о себѣ же ничто же сотворяюще, тогда древній ратникъ и прелестникъ человѣковъ, вселукавый діаволъ позавидова таковому ихъ житію и духовной, еже по Возѣ, любви и доброму устроенію. Не спитъ бо онъ, лукавый врагъ, никогда, но присно всюду, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити, хотящихъ спастися человѣкъ непрестанно бо ратуя [1]), уловляя души ихъ; ово приступая къ нимъ, яко татъ, прикасаяся ко уму ихъ, влагая многая различная помышленія, скверная и нелѣпая; ово же подъ сбразомъ аки бы дѣлы добраго мнѣнія, а пріемшимъ та бываетъ вѣчное души погубленіе, яко же бысть се въ праотцѣ нашемъ Адамѣ и въ прочихъ по немъ; овыхъ же ратуетъ плотскими искушеніи, наводя на нихъ многія различныя страсти; овыхъ колеблетъ аки чрезъ нѣкое орудіе, къ его служенію угодное; чрезъ нѣкіихъ человѣкъ наводя на нихъ многія напасти и возставляя имъ свары и крамолы, многую злобу и вражду воздвизая. Вся же сія ухищряя коварства, тщится отъ Бога отлучити человѣки и повинны сотворить геены. Древняя сый злоба, завистію неистовствуя на вся человѣки, да никако, сохранше заповѣди, взыдемъ на ихъ древніи, яже на небесѣхъ, престолы, но да со оными будемъ сыны родства огненнаго геенны. Понеже бо того послушницы—лжеименніи христіане; преступницы суще заповѣдей Господнихъ, крамольницы ходяще и живуще, являются человѣкомъ, аки бы истинные христіане, законоучители, смиренны, кротцы, лицемъ умилительны, благочинны, хмельнаго питія мало піющіи, мало спящіи и много молящіеся; а въ нихъ ни

[1]) т. е. осаждая. (Ред.).

вѣры, ни любве, но все лесть, лукавство и лицемѣріе; яко же о таковыхъ Сама Предвѣчная Правда, Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ въ святомъ евангеліи, отъ Мато., во главѣ 23, обличая, глаголетъ: горе вамъ, книжницы, фарисее, лицемѣры, яко подобитеся гробомъ повапленнымъ, яже отвнѣ убо являются красны, внутрь же полны суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты [1]). Мнози бо отъ таковыхъ человѣкъ, скрывающе своя злая дѣла, не хотяще покаятися и искренно исправитися непокоренія ради, являютъ токмо свое аки бы трудолюбное и непорочное предъ человѣки жительство; и пребываніе ихъ аки бы благочинно, умилительно и свято бываетъ; внутрь же себе всякихъ злобъ исполнени суть; и тѣмъ хотятъ привлачити къ себѣ человѣки и предъ ними оправдываютъ себе и уничижаютъ прелестно. Егда бо аще кто замѣтитъ ихъ злонравіе и тая ихъ ухищренія лукавая, начнетъ ихъ поучати смиренномудрію и злонравіе и вся дѣла ихъ злая обличати, тогда они не токмо не хотятъ послушати, но открываютъ свой злый нравъ и аки змінъ ядъ испущаютъ, не терпяще обличенія; яко звѣріе бываютъ, скрежещуще зубы своими, защищающе во всемъ своя хотѣнія, снѣсти хотяще, отнюдь противящеся обличенію и не хотяще отнюдь исправитися, ниже разумъ по Бозѣ пріяти. Сего ради чрезъ таковыхъ діаволъ паче пакости творитъ и многія бѣды, и всякія злыя напасти, попущеніемъ Божіимъ, на хотящихъ жити праведно, яко же въ семъ нижеслѣдующемъ оказуется дѣлѣ, иже наведе лютая и злая на пустынныхъ оныхъ монаховъ,

---

[1]) Стихъ 27. (Ред.).

праведно живущихъ, хотя ихъ всячески смутити, восколебати души ихъ и отъ мѣста изгнати.

О постриженіи въ Троицкомъ монастырѣ бѣлаго іеромонаха Артамона.

Въ лѣто 1701-е, Октября 18 дня іеромонахъ Аврамій постриженся въ Арзамасѣ, въ Троицкомъ монастырѣ. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ѣздаковѣ былъ бѣлой попъ, именемъ Артамонъ, которой прежде не малую любовь имѣлъ къ пустынѣ и пустыннымъ монахомъ, —ко Иринею съ прочими, толико, яко желаше и присовокупитися онѣмъ и ученикъ быти, купно со онными въ пустынѣ придержащеся, яко и бысть. Послѣжде, по діаволи же зависти, отъ ученичества отпаде и во врага бысть велія. Къ сему же здѣ рцемъ и о рожденіи его, Аврамія. Родился сей Аврамій въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ѣздаковѣ, отъ отца, именемъ Василія, тогожъ села крестьянина бывша господина Даніила Ивановича Головачева; тогоже онъ, господинъ, отпусти отъ себя на свободу, во священники въ тоже свое село Ѣздаково; и нѣколика лѣта онъ, Василій, бывъ ту во священникахъ, умре. По смерти же его бысть оной сынъ его Артамонъ священникомъ. О немъ же намъ надлежитъ слово. И познася со мною и любовь велію ко мнѣ возымѣ. Не многія же лѣта во священникахъ бывъ, овдовѣ и былъ вдовъ мало больше года.

О житіи іеромонаха Аврамія и о любви его, бывшей въ мірѣ.

Въ лѣто (1693), въ неже тогда изъ пустыни пришедшу ми въ Арзамасъ, въ Спасской монастырь, еще при

архимандритѣ Павлѣ, бывшу ми ту нѣколико время и тогда сему Аврамію ѣще бѣльцу сущу въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ селѣ, нарицаемомъ Ѣздаковѣ, бывшу потомъ, (имя же ему бѣлецкое бѣ Артамонъ), и, по нѣкоему же случаю познавшися со мною, бысть онъ ко мнѣ зѣло зюбовенъ, такожде насъ къ нему имѣя не малое дружелюбіе; отъ нѣкоего бо самыя руки его послапія любовь его познавается нынѣ, еже обрѣтается сицевое:

„Милостивому моему отцу, іеромонаху Исакію о Христѣ Бозѣ спасати душу свою. Изволилъ ты, государь, писать къ Москвѣ къ житенному о книгѣ Соборникѣ расписку; и мы ту расписку утеряли; и ты, государь, пожалуй, отпиши вновь. Да послалъ я къ тебѣ съ человѣкомъ Ѳеодора Даниловича [1]) книгу твою Лѣствицу. Челомъ бью, государь, на твоемъ благословеніи. За симъ, писавъ, села Ѣздакова попъ Артамонъ челомъ бьетъ“. И за таковую любовь, (мню, не духовную, но притворную, мірскую и плотскую) ко мнѣ имѣвшую, часто ко мнѣ въ келью въ Спасской монастырь приходяше, и наипаче, егда азъ изъ пустыни въ лѣто 1700-е второе пришедъ въ Арзамасской Введенской монастырь; онъ же, приходяше ко мнѣ въ той монастырь, смиреніе веліе показуя и любовь ко мнѣ, а наипаче желая иноческаго житія: бѣ бо въ той годъ онъ, Артамонъ, овдовѣлъ.

О избраніи во іеромонашество.

По семъ же въ 1701 году, Августа въ 28 день въ Арзамасѣ, въ Троицкомъ монастырѣ умре строитель и черный священникъ Варсанофій. Начаша того мона-

[1]) Вѣроятно, сынъ Данила Ивановича Головачева. (Ред.).

стыря монахи искать вмѣсто умершаго іеромонаха другого строителя, и приходяху они, монаси, ко мнѣ часто и моляху мя, дабы пріискалъ имъ азъ добраго человѣка кого изъ священниковъ бѣлыхъ, иже бы постригся у нихъ въ монастырѣ и, взявъ у нихъ заручную челобитную и принявъ отъ архіерея благословеніе былъ у нихъ іеромонахомъ и строителемъ. Тогда азъ обѣщахся то имъ сотворити и абіе по любви духовной помыслихъ про него, Аврамія, яко, аще восхощетъ постришися, да будетъ онъ имъ іеромонахъ того монастыря. Не вѣдая же его въ немъ лести, лукавства и бывшаго нрава, а наипаче же о паденіи его, возбраняющихъ священства, нача ему, Артамону, о семъ съ прилежаніемъ говорити, да пріиметъ иноческій образъ и будетъ въ томъ монастырѣ іеромонахомъ. Тогда онъ, видя къ себѣ отъ мене любовь и прилежное прошеніе, скоро къ послушанію готовъ обрѣтеся и обѣщася то сотворити. Абіе же повелѣ мнѣ прежде постриженія у нихъ, монаховъ, взяти заручную ему челобитную; тогда азъ, за послушаніемъ хотя ему большую показати любовь, посовѣтовавъ съ тѣми монахи, абіе повелѣхъ имъ написати челобитную и заручити.

О случайной бывшей крамолѣ враговъ ради Аврамія.

И егда они, монаси, мой совѣтъ воспріемши, сего Аврамія къ себѣ приговориша, челобитную написаша и уже заручити хотѣша, тогда, услышавъ того же Троицкаго монастыря діаконъ, именемъ Іаковъ, яко монаси приговориша его, Аврамія, еже быти ему у нихъ іеромонахомъ, и написаша ему о томъ челобитную, абіе, возставъ, припедъ въ монастырь и нача монахомъ вся-

чески воспрещати, глаголя, да не воспріемлютъ его отнюдь въ монастырь, ниже да попустятъ ему не токмо постриящися іеромонахомъ у себя въ монастырѣ, ниже бѣльцомъ въ монастырѣ да будетъ, понеже, глаголаше діаконъ, объявляя его нравъ, онъ, Артамонъ попъ, не благой человѣкъ и не доброй, и отнюдь страха Божія онъ не имѣетъ; и прочая о немъ мнѣ и монахомъ, понося его, Артамона, хульная словеса на него изглагола и, не престая, глагола, не повелѣвая его пріимати въ монастырь. Яко азъ его о семъ не послуша, тогда онъ, діаконъ, и на меня зѣло ярися и злобися, паки воспрещаше ми отъ него отступити и къ сему еще глаголаше ми о немъ, яко ты виновенъ въ сей злобѣ его, Артамоновой, будеши, не вѣдая злого нрава его, совѣтуеши монахомъ пріяти его, ибо глаголю ти истину: всячески имаши самъ послѣди пострадати отъ него, аще исходатайствуеши ему быти здѣ іеромонахомъ. Тогда азъ зѣло оскорбихся о томъ на него, діакона, яко доброму дѣлу препятіе творяща, яко его, Артамона, злохульными словесы невинна уничижаше, братію монаховъ возмущаше, и глагола противу его, діакона, воспрещая ему, да престанетъ отъ таковаго злохуленія и пакости да не дѣетъ дѣлу. Онъ же, діаконъ, множае паче перваго прещаше ми, хуля и ругая его, Артамона, всячески, воспрещая мнѣ отступити отъ него. И егда ми не послушавшу его, тогда онъ, діаконъ, веліимъ объятъ гнѣвомъ и научаемъ діаволомъ, нача и мене ругати, поносити и бранити матерно, при всей братіи, при многихъ прилучившихся людѣхъ и при немъ, Артамонѣ, а наипаче называя меня сожигателемъ и раскольщикомъ.

Тогда монаси и прочіе люди, сія отъ него, діакона, слышавши, сумнѣвахуся; овіи же, къ его, діаконову, со-

вѣту приставши, купно съ нимъ начаша о немъ, Артамонѣ, воспрещати ми, и бысть тогда въ монастырѣ томъ ради его, Артамона, между монаховъ и прочихъ людей веліе смятеніе. Таже тогда начаша приходити иные священники, хотяще быти въ томъ монастырѣ пострижены. Изъ иныхъ монастырей приходиша монахи, обѣщевающе въ церковь ихъ вкладъ многой дати, овъ 50 рублевъ, инъ же 100 рублевъ, да будутъ іеромонахами. Монахи же не вѣдѣша, что сотворити и что полезнѣе изобрати; и бысть въ нихъ веліе несогласіе: овіи съ нимъ, діакономъ, вышереченныхъ священниковъ со вкладомъ хотяху пріяти, иніи же держашася моего совѣта, онаго Артамона желаша. Діаконъ же не престаяше, по-вышереченному, нарицаше мене сожигателемъ и раскольщикомъ. Той же Артамонъ тогда ничтоже кому вѣщаше, но, яко ангелъ, смиреніемъ себе устрояше. И дивихся азъ много таковому его смиренію и ангела его за нрава любомудріе вмѣняхъ быти. Чего ради тогда въ братіи несогласіе бываемое видѣхъ, и, хотя то уставити мирно и его, Артамона, устроити, паче же не сносну не по дѣлу отъ него, діакона, злобу, и къ сему еже при народѣ всѣхъ человѣкъ мене нарекша, аки не православна и святой церкви противна суща, си есть, пожигателемъ и раскольщикомъ, и то слово злое нанесенное не восхотѣхъ азъ терпѣти, но абіе восхотѣхъ то его діаконово ложное нанесенное на мене злое слово явѣ объявити, да не токмо онъ, но да и прочіи накажутся впредь таковую лжу на неповинныхъ не наносити, ниже клеветати. Абіе написахъ на него, діакона, челобитную сицевую, яже онъ, Аврамій, черную писалъ своею рукою [1].

[1]) Въ подлинникѣ челобитной нѣтъ. (Ред.).

О смиреніи того діакона и прочихъ противныхъ враговъ.

И егда противъ вышеписаннаго челобитія онъ, діаконъ, былъ сысканъ и предъ судію представленъ, и егда прочтена бысть челобитна, тогда онъ вельми посрамися и, не вѣдая что отвѣщати, нача ко мнѣ при суліяхъ и при всѣхъ прилучившихся людѣхъ поклоненія творити и прощенія просити, глаголя, яко таковая дерзнувшу ему изглаголати, побѣжденну ему бывшу отъ самыя злобы и обдержащаго его піанства, научаему отъ діавола. И егда испроси у мене прощеніе, абіе написаше онъ, діаконъ, челобитную мировую, въ которой точно изобразилъ, что онъ, діаконъ, по поданному оказуется виновенъ, а произнесъ тѣ продерзкія и укорительныя слова въ своемъ піанствѣ; такожде и прочее по обычаю въ той же челобитнѣ написавше, руки приложили и подали, кому надлежитъ. И тогда онъ, діаконъ, и вси враждующіи, смирившися умолкоша, не смѣюще къ тому что явѣ на мя, ниже на него, Артамона, тогда глаголати.

О постриженіи онаго Артамона въ монашество и о проименованіи Авраміемъ.

И вси того Троицкаго монастыря братія не восхотѣша никого отъ прочихъ приходящихъ къ нимъ священниковъ пріяти, ниже вкладъ отъ нихъ что взяти, по моему совѣту, пріяша сего Артамона, безъ вклада суща, и повелѣша къ челобитнѣ его, писанной о немъ, Артамонѣ, отъ лица братіи, вмѣсто ихъ, братіи монаховъ, простыхъ сущихъ, мнѣ руку приложить и ему,

Артамону, для поданія отдати; потомъ же повелѣша постричи его немедленно.

Азъ же, къ вящшему утвержденію, пришедъ во Спасской монастырь къ монаху Стефану Лебедеву, которой прежде на Москвѣ, въ Патріаршемъ Дворѣ, въ Разрядѣ былъ судіею, ибо онъ, монахъ, бѣ того монастыря вкладчикъ, въ которомъ онъ, Артамонъ, намѣренъ постричися, и возвѣстихъ ему о немъ, Артамонѣ, глаголахъ его добрымъ человѣкомъ быти, ибо и братія—монаси приговорили его быти у нихъ іеромонахомъ, да повелитъ и онъ, Стефанъ, тому ихъ приговору не отложну быти. Тогда онъ, Стефанъ, соизволи тако, яко же и братія; и повелѣ онъ, Стефанъ, вмѣсто казначея и всей братіи къ челобитной ихъ о ономъ Артамонѣ руку приложити мнѣ. И азъ не обинухся приложити и, егда сіе сотворихъ, тогда немедленно по сему постригохъ его, 1701 году, мѣсяца Октября въ 18 день; и нареченъ бысть въ постриженіи монахъ Аврамій; и дахъ его въ наученіе монашества тогоже Троицкаго монастыря нѣкоему монаху, именемъ Матѳію.

О приходѣ въ духовность его, Аврамія, по постриженіи.

Потомъ же совѣтовахъ азъ ему, Аврамію, да по уставу и чину монашескому, по постриженіи своемъ немедленно очиститъ совѣсть свою исповѣдію предъ духовнымъ отцемъ кіимъ—любо іеромонахомъ и всѣ отъ юности грѣхи свои исповѣсть ему, и избереть себѣ духовника отъ іеромонаховъ, кого самъ восхощеть. Тогда онъ, Аврамій, вскорѣ восхотѣ то мое повелѣніе исполни-

ти и не восхотѣ иного никого духовника избрати, но избра мене и нача о томъ мя прилежно просити. И по многомъ онаго моленіи, не могохъ отрещися, но побѣжденъ быхъ и исповѣдахъ его, ничтоже размышляя, яко же и прежде. Но заповѣди ради, положенной ему на исповѣди, разруши онъ любовь, ученичества отпаде и претворися отъ сыновства во врага, яко же послѣди о немъ явлено будетъ.

О запрещеніи онаго Аврамія.

Егда же оный Аврамій ко исповѣданію ко мнѣ пришедъ, яко же прежде бѣ о немъ речено, тогда онъ вся своя согрѣшенія, написавъ на хартіи, подаде ми; и егда прочтохъ ту хартію и обрѣтохъ писанная, зѣло оскорбихся о немъ, ради таковой его исповѣди, и сумнихся о немъ, и убояхся свидѣтельствовати ему священникомъ быти, и абіе показахъ ему святыхъ отецъ правила, яко не достоитъ ему священнику быти, паче же совѣтова ему, сожалѣя о немъ, конечно, еже по святымъ правиламъ священство ему отнюдь не пріимати, ниже о томъ помышляти, по зарученной челобитной, которая ему дана отъ братіи по нашему приговору, о іеромонашествѣ указу не имѣти, ниже о томъ къ Москвѣ ему ѣхати. И тогда онъ, Аврамій, зѣло о семъ оскорбился, мня себе, аки бы азъ, (глаголя ему сія), творю сія, его искушая, нача мя о томъ просити, да не возбраню ему быти во іеромонашествѣ. Азъ же слышахъ сія отъ него, паче отягчися совѣсть моя, и больма [1]) запретихъ, да не къ тому дерзнетъ ми паки о

[1]) „Больма“—болѣе всего (стар.—слав. сл.). Ред.

семъ стужати. Онъ же паче просяше мя, азъ же не ослабляхъ ему. Онъ же не знаше что болѣе сотворити и, по многомъ прошеніи, преста о томъ просити мя.

О пронырствѣ и лукавствѣ Авраміевомъ, винѣ полученія способа ко іеромонашеству.

Егда же онъ, Аврамій, о священствѣ не смѣяше къ тому уже что мнѣ говорити, тогда, хотя совѣтъ воспріяти, повѣда свое согрѣшеніе, паче же за что отлученъ священства, тогожъ монастыря монаху Пахомію, моему сущу подругу. Онъ же такожде возбрани ему по правилу священство, но суди ему простымъ монахомъ въ монастырѣ ихъ быти. Тогда онъ, побѣжденъ бывъ властолюбіемъ и сластолюбіемъ, не послуша того совѣта и нача искати чина священства; воспрія въ сердце свое лукавство и лесть и тою лестію и лукавствомъ своимъ хотя священство воспріять, мене же всячески обольстити, нача предо мною и предъ подругомъ моимъ, монахомъ Пахоміемъ, аки бы смирятися и недостойна себе нарицати всякой твари, и часто о грѣсѣхъ своихъ плакати и слезити; и едва уже наученію его монашества совершаемѣ четыредесятницѣ отъ Декабря осьмаго дня, нача ко мнѣ Введенской монастырь онъ ходити, и многія предо мною слезы изливати, глаголюще сице: аще ли не возможно есть мнѣ за многіе грѣхи мои священства чинъ воспріяти, и на то ты не соизволяеши, то едино у тебе требую исполнити прошеніе: повели ми у архимандрита взяти отписку къ заручной братской челобитнѣ воспріяти чинъ священства на время, дондеже два малыя дѣти мои въ совершенный возрастъ и смыслъ пріидутъ, и оттолѣ азъ не буду священство-

вать до смерти моей. Тогда азъ сія ему отрекохъ и не повелѣвахъ ему того творити, и рѣхъ къ нему сія, яко діаволъ хощетъ отъ пути праваго и отъ заповѣдей отлучити, сія помышленія влагая и прельщая тя: монаси бо не имутъ пещися о чадѣхъ своихъ, ниже о сродницѣхъ, но точію о своихъ грѣсѣхъ. Онъ же противу сего ничто же ми возглагола, но умолча, сокрывая лесть свою.

По семъ же малѣмъ днемъ минувшимъ, тремъ или четыремъ недѣлямъ, абіе, Божіимъ промысломъ, сынъ большій его единъ заболѣ и въ третій день умре; по смерти же сего, во вторый день и меньшій заболѣ и умре. Тогда онъ, Аврамій, притекъ ко мнѣ, повѣда ми сіе, плача; азъ же къ нему рѣхъ: се строитъ Божія воля на тебѣ, яко отъялъ отъ тебе Богъ о чадѣхъ твоихъ печаль, хотя твоего спасенія, и нынѣ ты долженъ точію пещися о душѣ твоей. Тогда онъ, Аврамій, восплакася, глаголя ми: воистину тако, отче, Богъ наказалъ за грѣхи мои; и тако отъиде.

О лести Авраміевой, како взя отъ архимандрита отписку о іеромонашествѣ.

По семъ же паки пріиде къ нему онъ, Аврамій, и рече: еще молю тя и прошу, да повелиши мнѣ къ Москвѣ ѣхати не ради іеромонашества, но ради моего малодушія, чтобы удобно мнѣ было изъ града сего, изъ монастыря изыти, и буду на Москвѣ въ прочихъ монастырѣхъ жити; здѣсь простымъ монахомъ быть не возможно, понеже бо всѣмъ извѣстно есть здѣ, яко дана мнѣ заручная челобитная: велій срамъ есть, что по той челобитной дѣло не произведется о мнѣ. И сія ми глагола онъ, Аврамій, съ плачемъ и со многими слезами,

Тогда азъ видѣ его прискорбна суща и мнѣхъ его истинно тако глаголюща, и начахъ его утѣшати, да не скорбитъ о томъ, но паче возложитъ надежду свою на Бога, аще бо вѣру имать и смирится, то и кромѣ Москвы во градѣ семъ и безъ священства можетъ спастися и срама убѣгнути. Таже рѣхъ ему сице, аще не можетъ срама отгнати во градѣ семъ, и совѣсть обличаетъ, то, аще восхощетъ, да идетъ въ пустыню нашу, на Сатисъ, идѣже тамо живутъ монахи Ириней и Аѳиногенъ съ прочими. Онъ же, Аврамій, слышавъ сія отъ мене, совѣтова идти въ пустыню лестно, таже по семъ во иный день, пришедъ ко мнѣ, паки и по прежде реченному проси у мене благословенія къ Москвѣ, яко тамо хощетъ жити простымъ монахомъ, а въ пустынѣ, глагола, не могу жити. Тогда азъ вѣровахъ словесѣмъ его, яко истиннымъ, ничтоже разсуждая, ослабихъ ему тако быти и, благословивъ его идти въ Москву, рѣхъ ему, когда аще на Москвѣ онъ будетъ и хощетъ во священство, то да возвѣститъ архіерею, яко да будетъ во всемъ его воля архіерейская. Тогда онъ, Аврамій, отъиде отъ мене и, утаився, взявъ отъ архимандрита отписку, поѣде къ Москвѣ. И егда былъ онъ на Москвѣ, тогда діаволимъ коварствомъ вся повелѣнія моя преобидѣ и ничтоже отъ повелѣнныхъ ему мною содѣла, ниже архіерею, ниже тому духовнику возвѣсти о семъ, еже ему повелѣно бяше возвѣстити, но утаивъ возбраняющая ему священство согрѣшенія, взяше іеромонашескую грамату, пріиде паки въ Арзамасъ, въ Троицкой монастырь и, презря вся заповѣди, нача іеромонашествовати.

О приходѣ онаго Аврамія Введенской монастырь благословенія ради и исповѣди и о отгнаніи его отъ духовности.

По семъ же онъ, Аврамій, пріиде ко мнѣ въ Введенской монастырь ради благословенія и исповѣди. Вопрошенъ же онъ отъ мене бысть, како и коимъ повелѣніемъ дано ему іеромонашество; онъ же вся предо мною исповѣда и сказа поряду истину, како взя отъ архимандрита отписку и по той отпискѣ и по челобитной заручной братской взя іеромонашескую грамату, не извѣстивъ предъ архіереомъ, ниже предъ духовникомъ своего согрѣшенія, ниже запрещенія не сказавъ, но вся утаивъ. Тогда азъ слышахъ отъ него таковая изреченія, смятохся зѣло и, не стерпѣвъ, абіе отгнахъ его отъ себе. Таже пріиде святый великій постъ. Онъ же паки пріиде Введенской монастырь и нача мя, яко же и прежде, молити, еже исповѣдати его. Азъ же паки его отъ себе отгнахъ. Тогда онъ нача мя молити, да отпущенъ будетъ ко иному отцу духовному; тогда азъ съ запрещеніемъ къ нему рѣхъ, къ кому хощетъ, да идетъ, повелѣнія же на священство отъ мене да не имать. Тако съ симъ отвѣтомъ отъ мене онъ отъиде. И мнѣхъ въ себѣ азъ, яко аще онъ къ кому въ духовность идти восхощетъ, то не сказавшися мене и безъ отпуска моего и безъ отпускнаго писанія идти не можетъ; такожде и отъ священниковъ, аще къ кому пріидетъ, и сіе его отъ мене запрещеніе увѣдавъ, пріяти его къ себѣ по святымъ правиломъ не восхощутъ; но о всемъ томъ мнѣ будетъ вѣдомо, и онъ, Аврамій, убоявшися суда Божія, паки ко мнѣ съ покаяніемъ пріидетъ и исправитися имать.

О приходѣ его, Аврамія, ко иному отцу духовному.

И егда онъ. Аврамій, отъиде отъ мене, ничтоже бо извѣстивъ о своемъ намѣреніи, къ кому хощетъ идти въ духовность, ниже просивъ отъ мене отпускнаго письма, абіе пойде въ Спасской монастырь, иже въ томъ же градѣ Арзамасѣ, и исповѣдася у нѣкоего священника того Спасскаго монастыря, именемъ Спиридонія, утаивъ отъ Спиридонія не токмо запрещеніе мое, но и бывшую свою у мене исповѣдь, по которой онъ отъ мене пріятъ запрещеніе, еже не пріимати священства отнюдь въ монашествѣ своемъ, и у себе отца духовнаго не сказавъ быти, кромѣ его, Спиридонія.

О увѣдѣніи о Авраміи, како онъ къ тому іеромонаху Спиридонію пріиде въ духовность, о доношеніи о томъ архимандриту Павлу, о запрещеніи его, Аврамія, отъ службы и о поданіи на іеромонаха Спиридонія въ пріемѣ его, Аврамія, челобитной.

Егда же азъ узнахъ о томъ Авраміевемъ отшествіи безъ отпускнаго писанія ко оному іеромонаху Спиридонію въ духовность безъ вѣдѣнія нашего и о пріемѣ его Спиридоніемъ безъ вѣдома моего, зѣло азъ о томъ оскорбихся, паче же смутихся душею и разумомъ. И, возставъ, абіе поидохъ въ Спасской монастырь ко архимандриту Павлу и возвѣстихъ ему вся бывшая о немъ, Авраміи, како запрещенъ отъ мене, како безъ велѣнія, утаився, взя отписку, поѣхалъ къ Москвѣ и тамо, ничтоже сказавъ архіерею, ниже духовнику, взя іеромонашескую грамату, и како пріѣхалъ съ Москвы, приходилъ ко мнѣ ради благословенія, просилъ разрѣшеніе

и отпускъ ко иному отцу духовному, и како азъ отгнахъ его отъ себе, отъ духовности, и како онъ отъиде отъ мене и исповѣдася у вышереченнаго іеромонаха Спиридонія, не взявъ отъ мене отпускнаго письма, и како онъ, Спиридоній, принялъ его въ духовность безъ нашего вѣдома, и что онъ, архимандритъ, о нихъ повелитъ творити. Тогда онъ, архимандритъ, волѣ моей быти повелѣвая, повелѣ его, Аврамія, паки запретити. Тогда азъ пріидохъ въ Троицкой монастырь къ нему, Аврамію, и запретихъ его отъ службы и отъ церковнаго входа. На іеромонаха же Спиридонія, въ пріемѣ его, Аврамія, безъ отпускнаго писанія написахъ челобитную и подалъ ему, архимандриту. Тогда онъ, архимандритъ, не бывъ въ приказъ (?) и призвавъ къ себѣ того іеромонаха Спиридонія, вопроси его о томъ пріемѣ словесно. Тогда онъ, Спиридоній, предъ нимъ, архимандритомъ, объясни, яко Аврамій не сказа у себе въ монашествѣ отца духовнаго никого, ниже коего запрещенія; того де ради онъ, Спиридоній, его, Аврамія, принялъ къ себѣ въ духовность; а нынѣ де азъ, увѣдавъ его Авраміеву ложь, не буду принимать къ себѣ въ духовность.

О злобѣ онаго Аврамія, о ложномъ его оклеветаніи предъ всѣми человѣки и о злобномъ его поношеніи людемъ.

Тогда онъ, вышепомянутый іеромонахъ Спиридоній, пріемый его, Аврамія, въ духовность, зѣло убояся и скоро притече въ Троицкой монастырь къ нему, Аврамію, и, о томъ его истязавъ не мало, рече ему, да утолитъ сіе свое дѣло всячески. Онъ же, Аврамій, видя

сіе дѣло, яко не возможно ничимъ сокращено быти, яко во весь народъ абіе превратися, явно и обличено бысть, вмѣсто исправленія впаде въ злобу велію и нача во весь народъ на мя клеветати и всячески поношати, оправдая себя, глаголя сице, аки бы азъ запретихъ ему не духовнаго ради дѣла коего—либо, но аки бы звахъ его азъ въ пустыню жить, и онъ не восхотѣ идти, и ради того запретихъ. Тогда людіе, сія отъ него слышавши, вознепщеваша, истинно сіе быти, и велію о мнѣ молву сотвориша. Таже онъ, Аврамій, приде къ преждереченному вкладчику, къ монаху Стефану Лебедеву, клеветаше ему на мя, тожде рече, яко же и всѣмъ, яко бы звахъ его азъ въ пустыню, и онъ не пошелъ, зато запрещенъ есть и прочая. Тогда онъ, монахъ Стефанъ, слышавъ отъ него сицевая, зѣло на мя яряшеся и велію нача злобу ради его имѣти.

О оклеветаніи и жалобѣ его, Аврамія, къ отцу духовному и монаху Стефану.

Таже по семъ онъ, Аврамій, иде къ моему отцу духовному, тогоже Спасскаго монастыря къ старому игумену Аѳанасію, таяжде клевещуще на мя, яко же и прочимъ человѣкомъ, таже проси онъ игумена, да смиритъ мя къ нему, Аврамію. Тогда онъ, игуменъ, призвавъ мене къ себѣ, нача о немъ, Авраміи, говорити, да отпущенъ онъ будетъ и разрѣшенъ отъ духовности. Азъ же не восхотѣхъ того сотворити, рѣкохъ ему, игумену, яко не возможно ми тако учинити ради таковыхъ случаевъ, отъ него, Аврамія, бывшихъ, дондеже предъ архіереомъ сіе извѣстится. Тогда, слышавъ сіе, вышереченный монахъ Стефанъ Лебедевъ призва его, игумена,

и, совѣщавшеся, оба идоша ко архимандриту Павлу, имуще съ собою и его, Аврамія, и рекоша ему, архимандриту Павлу, да призванъ азъ къ нимъ буду и отвѣщаю предъ нимъ, архимандритомъ, при нихъ—Стефанѣ и игуменѣ, о немъ, Авраміи, чесо ради азъ наложихъ на него, Аврамія, запрещеніе про пустынное нешествіе, а не правильныхъ ради винъ. И егда пріидохъ азъ предъ него, архимандрита, въ церковь, туже съ нимъ и они—Стефанъ, игуменъ и онъ, Аврамій, предстояще, истязующе мя, рекоша вышереченныя клеветы Авраміевы. Егда же къ нимъ отвѣщахъ, яко не сего ради, но духовныхъ правильныхъ ради вещей запрещенъ бысть онъ, Аврамій, вамъ же о семъ нѣсть вѣсти, кромѣ архіерея, тогда монахъ Стефанъ съ великою злобою устремися жезломъ своимъ, хотяй ударити мя, но предстоящихъ ради удержася и рече ми сице: аще и правильная вина есть кая, но ты бы наложилъ на него иное правило: поклоны или пость и прочая таковая,—а не отъ службы, отъ Святыхъ Таинъ и отъ церковнаго входа отлученіе.

О пріемѣ его, Аврамія, въ духовность архимандритомъ Павломъ.

Тогда архимандритъ Павелъ, видя сіе бывающее истязаніе о мнѣ злобное отъ нихъ, игумена и монаха Стефана, и, не вѣдомо, какова ради случая, нача его, Аврамія, себѣ просити и, испросивъ, взя его, Аврамія, къ себѣ въ духовность; азъ же ничтоже противихся ему, архимандриту, и положихъ въ волю его; но ниже и тако преста дѣло до времени съ нимъ, Авраміемъ, но паче нача умножатися вражда.

О начинаніи паки вражды, о лести и о злобѣ Авраміевой и къ подругу моему монаху Пахомію, не терпя обличенія.

По семъ же онъ, Аврамій, совѣсти его обличающей, пріиде ко мнѣ паки, и, припадая къ ногамъ моимъ, ницъ лежаще на землѣ, не воставая, мя просяше, да умолчу азъ ему, и дѣло его да будетъ покровенно, ничто же вѣщая, да имамъ любовь съ нимъ, яко же и прежде. Тогда азъ помыслихъ въ себѣ и рекохъ въ себѣ, аще за симъ словомъ его азъ умолчу ему или съ нимъ буду любовь имѣти и безъ обличенія быти, то да исправитъ повелѣнная мною и престанетъ отъ священства, аще ли ни, то не имамъ въ любви быти, ниже отъ обличенія престати. Тогда онъ, Аврамій, отъ мене то слышавъ, озлобися зѣло и отъиде отъ мене, и пришедъ къ преждереченному подругу моему, монаху Пахомію, которому онъ прежде сказывалъ возбраняющая священство своя согрѣшенія, за которыя запрещенъ есть, чтобъ и онъ, Пахомій, говорилъ мнѣ о разрѣшеніи и о любви, и соединеніи съ нимъ, попрежнему. И егда азъ его, Аврамія, видя никогда хотяща пріити въ познаніе, не соизволяхъ съ нимъ въ соединеніи быти, точію егда съ нимъ прилучашеся мнѣ гдѣ быти, тогда ради его исправленія всячески его обличахъ и наказывахъ тая его дѣянія противная, да пріидетъ въ покаяніе, наединѣ сіе ему глаголя. Тогда онъ, Аврамій, тяжко то вмѣняя быти, противу нача мя со многою злобою ругати, посмѣватися и бранити матерною бранію. Иногда же при людѣхъ являшеся, аки бы смиряяся предо мною и слезы многія отъ очесъ испущая, аки бы

безвиненъ творяся. Тогда людіе, видѣвши многія его слезы и смиреніе, внутрь же крыемаго его лукавства не вѣдая, всячески сожалѣша о немъ, его блажаще, мене же уничижающе и поношающе всячески.

И видя онъ, Аврамій, яко ничѣмъ возможетъ мене преклонить къ своему соединію, тогда, паче имѣя на мя злобу, научающу его діаволу, начатъ тую злобу свою исполняти на ономъ подругѣ моемъ, монахѣ Пахоміи, аки бы онъ виновенъ разрушенія любви и соединенія моего къ нему, Аврамію. И нача его, Пахомія, бити, поношати, всячески ругати, весьма не любити и отъ церкви отлучати: бѣ бо онъ, Пахомій, въ томъ въ Троицкомъ монастырѣ, имѣя службу пономарскую. Единою же онъ, Аврамій, въ церковное цѣніе, во время утрени призвавъ его, Пахомія, къ себѣ въ алтарь, рече ему: почто ты клевещеши на мене Исакію и возбраняеши ему со мною любовь имѣти? И, взявъ его за власы, удари о землю и нача ногами топтати, за власы терзати и по полу влачити; егда же онъ, Пахомій, хотяше возопити тогда онъ, Аврамій, запрети, грозя ему сице: аще возопіеши, то азъ тя больше имамъ бити; онъ же, слышавъ сіе, умолча, и къ тому не могій отнюдь возопити, ниже гласъ кій къ нему испустити, но крѣпко терпяше біеніе и терзаніе отъ него, Аврамія. И егда онъ ему, Пахомію, наругася и, бивъ его за власы, терзая довольно, отпусти его изъ алтаря въ церковь, да ничесоже речетъ кому про то его біеніе и ругательство; таже и се рече ему: аще ли хотя мало что кому речеши отъ заповѣданныхъ мною, то имамъ тя всячески больше бити. Тогда онъ, Пахомій, храняше его Авраміево повелѣніе, ничесоже кому что глаголаше, но весьма въ себѣ скрываше.

По семъ же умножашеся несогласіе паче съ нимъ, Авраміемъ; тогда, поощряющу бѣсу и влагающу въ сердце его злобу паче на него, Пахомія, призва его въ нѣкое время къ себѣ паки въ келью, аки бы церковныхъ ради нуждъ, и, діаволомъ порѣваемъ, устремися на него, Пахомія, яко же и прежде, звѣрскимъ образомъ, взявъ его за власы, удари о землю и нача его за власы влачити, ногами топтати и бити немилостивно, паче перваго, дондеже мнозѣй крови исшедшей изъ ноздрей и изъ устъ его, Пахомія; и тако его умучи, яко лежати ему, Пахомію, на землѣ, аки мертву, отъ многаго біенія на многъ часъ. Тогда онъ, Аврамій, видѣвъ его, Пахомія, изнемогша, убояся и ужасеся зѣло; и егда, по многомъ часѣ, онъ, Пахомій, мало на землѣ восклонься и, пріемъ чувство, нача глаголати, тогда онъ, Аврамій, подъемъ его отъ земли и нача у него прощеніе просити, припадая предъ нимъ, и, яко вторый Іуда, облобыза нозѣ его, и исповѣда ему, яко къ тому [тако не будетъ творити, ниже чимъ его оскорбити, но паче любовь къ нему имѣти будетъ, токмо да проститъ настоящій грѣхъ ему, Аврамію.

Тогда онъ, Пахомій, подражая Владыкѣ своему Христу незлобіемъ, всеусердно прощеніе ему, Аврамію, дарова. Онъ же, Аврамій, обличающей его совѣсти, яко неповинную кровь излія, не емля вѣры, еже онъ прощеніе даде, но мняше, яко будетъ сказывать на него людемъ, и обличится дѣло его злобное. Абіе вземъ онъ, Аврамій, нѣкій ту въ кельѣ своей бывшій образъ Спаса Христа и Богоматери и принесе къ нему, Пахомію, повелѣвая ему лобзати его и клятися тѣмъ образомъ, еже не повѣдати ни кому вещи той, яже сотвори надъ нимъ, Пахоміемъ, онъ, Аврамій; аще ли же не будетъ клятися

тѣмъ образомъ онъ, Пахомій, то всяко имать солгати, и будетъ за ложь его, Пахомія, умертвити. Тогда Пахомій, видя сія бываемая отъ него, Аврамія, зѣло паче убояся, да не безъ покаянія умретъ отъ него, Аврамія, Абіе лобза образъ той и клятся ему, яко же повелѣ ему онъ, Аврамій, никому повѣдати тайны той даже досмерти. И тако отпусти его во свою келью.

По семъ же въ нѣкое время случися мнѣ съ нимъ, Авраміемъ, въ нѣкоемъ мѣстѣ быти; и обличенъ, наказанъ бысть отъ мене, яко же и прежде за преступленіе закона Божія; тогда онъ, Аврамій, пришедъ въ свой монастырь, подстрекаемъ діаволію злобою, паки воста на него, Пахомія.

Пріиде бо къ его кельѣ и, вызвавши его изъ кельи, яко Каинъ Авеля, на поле, нача его звати за монастырь, аки бы ради нѣкія потребы, къ нѣкоему человѣку, поздну вечеру сущу. Онъ же, Пахомій, не разумѣвъ лести его, Авраміевой, яко агнецъ на заколеніе, пойде съ нимъ, ничтоже вѣдяше. И егда, исшедши изъ монастыря, быша въ нѣкоей разсѣлинѣ, грядуще на пути оба вкупѣ, абіе онъ, Аврамій, нападе на него, Пахомія, запятъ его ноги, ударилъ о землю, нача его бити палицею и, бивъ его толь крѣпко, остави его полумертва и отъиде. Пахомій же на землѣ лежаше многъ часъ, не могій востати. Таже яко отъ сна пріиде въ себе и, едва съ великою нуждею вставъ отъ земли, пріиде во свою келью.

По довольномъ времени, паки злобствуя, вышеозначенный Аврамій на меня подалъ челобитную нижеслѣдующимъ образомъ.

Бывъ извѣстенъ, яко азъ имѣхъ разглагольствіе съ раскольниками заволжскими, и яко въ пустынѣ на

Саровѣ живутъ мои ученики--монахи, идѣже церкви нѣсть, умысли извѣтъ подати на мя въ Патріаршій Приказъ, клевеща на мя, аки-бы азъ неправославенъ есмь и Святѣй церкви противенъ, си есть, разжигатель и раскольщикъ и яко съ подобными же раскольщики заволжскими общеніе имѣю, и въ пустынѣ живутъ мои ученики—монахи, аки бы такожде раскольщики. И сего ради извѣта Авраміева, нужда ми бысть къ Москвѣ ѣхати и стати въ Приказѣ къ допросу. Званъ же бысть на Москву и оный Аврамій, да станетъ противу мене. И бывшу многу стязанію, явна сотворися клевета Авраміева, Богу не попустившу неправедному суду совершитися; и бывъ обличенъ отъ мене въ злобѣ своей на мя о запрещеніи, еже не искати іеромонашества, и о обличенихъ, позна Аврамій, по милости Божіей, прегрѣшенія своя, яже противу мене, и смирися предо мною, со слезами прося прощеніе; и азъ, по словеси Господню, отпустихъ вину его и простихъ яже противу мене козни его. И тако кончахомъ дѣло сіе миромъ.

О разореніи часовни, прежде построенныя, страха ради Авраміева.

И егда бывшу мнѣ на Москвѣ время не мало по дѣлу Авраміеву, дондеже то миромъ окончася, тогда пустынные монаси, того ради дѣла, быша въ велицѣ страсѣ, ожидающе, чѣмъ кончается. И егда же, по многомъ по тому дѣлу производствѣ, мнози ми быша попеченія и труды, тогда писахъ ко онѣмъ пустыннымъ своимъ монахомъ въ пустыню, извѣщая имъ въ томъ же писаніи напасть оную, чрезъ онаго Аврамія діаволомъ нанесенную быти; и въ томъ имъ повелѣхъ трез-

витися опасностію и молитву къ Богу приносити, да не попуститъ Богъ напасти выше мѣры, такожде прежде построенную мною на большей дорогѣ часовню повелѣхъ разорити. Тогда они, монаси, услышавши чрезъ мое оное писаніе про имѣвшееся со Аврамiемъ дѣло, абіе зѣло убояшася. Вскорѣ часовню ону сломаша, до основанія ю разориша, бревны же въ рѣку помѣташа и сотвориша то мѣсто пусто, боящеся зѣло: мняху бо по челобитью того Аврамія о той часовнѣ розыску произвестися.

О исшествіи изъ пустыни монаха Севастіана, страха ради челобитья Авраміева, и о смерти Севастіановой.

Егда же бысть на тѣхъ пустынныхъ монаховъ страхъ, но обаче тогда они, монаси—Севастіанъ, Аѳиногенъ, Паисій и бѣлецъ Іаковъ, по повелѣнію, не оставляху пустыни, терпяще ту, часто же въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь ради вѣдѣнія ходяще, понеже бо въ томъ монастырѣ не быхъ азъ, донелѣже начася дѣло и совершися, но быхъ на Москвѣ, и вѣдѣніе не бысть имъ о дѣлѣ, тогда страхи ради того единъ отъ нихъ, монахъ Севастіанъ, наипаче же пустыннаго житія и ко отцу его наставному послушанія не стерпѣвъ, не восхотѣ съ ними быти и отлучися отъ нихъ, монаховъ, исшедши изъ пустыни въ село Кременки, къ сродникомъ своимъ, идѣже и конецъ житія своего пріятъ.

О пришествіи монаховъ Серафима и Ѳеодора въ бѣльцахъ и о постриженіи монаха Геласія.

Въ лѣто 1703, Декабря въ 24 день, по смерти сего монаха Севастіана, пріиде бѣлецъ, именемъ Симеонъ,

иже бѣ подругъ Григоріевъ, изъ тогоже села Кичанзина поселянинъ, родомъ бѣ изъ простыхъ родителей; и живяше съ прочими монахи и съ подругомъ своимъ Григоріемъ въ пустынѣ бѣльцомъ до 1705 года; а въ 1701 году, мѣсяца Августа въ 24 день Григорій, отрокъ, постриженъ въ рясу. И тогожъ году, въ Сентябрѣ приходилъ въ пустыню изъ—за Волги съ письмомъ отъ раскольниковъ—Филарета съ товарищи Иванъ Димитріевъ; и былъ съ нимъ о раскольствѣ ихъ разговоръ многій. Того году, Октября въ 26 день приходилъ самъ Филаретъ въ Арзамасъ, Введенской монастырь съ раскольническими письмами ради разговора, хотя познати истину о прелести своей отъ Писанія.

Въ тоже лѣто, Декабря въ 26 день написано челобитье о монахѣ Аѳиногенѣ въ Темниковъ, въ Санаксарскую пустынь во іеромонахи.

Съ сего же числа начася желаніе о церковномъ строеніи.

Тогожъ году, Декабря въ 31 день взятъ бысть изъ пустыни въ Арзамасъ, Введенской монастырь монахъ Аѳиногенъ ради написанія о немъ челобитны во іеромонахи.

Въ лѣто 1705, Генваря въ 24 день посланъ бысть къ Москвѣ изъ Введенскаго монастыря съ челобитною и съ сказкою ставитися во іеромонахи монахъ Аѳиногенъ. Въ той же Введенской монастырь съ нимъ же посланъ и іеромонахъ Аврамій, постриженникъ Троицкаго монастыря, съ нимъ же бѣ дѣло, но тогда уже той смирися.

О началѣ строенія святыя церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, еже въ кое время и лѣто тако бысть о ней промыслъ.

Нача ми приходити желаніе, еже идти всеконечно изъ града и изъ монастыря Введенскаго въ пустыню, ко онѣмъ ученикомъ своимъ, монахомъ, понеже бо стѣсняемъ бѣхъ во градѣ и въ монастырѣ ономъ отъ многихъ молвъ, бываемыхъ отъ человѣкъ, чесо ради немалое ми бываше уму моему и душѣ смущеніе; и отъ многихъ помыслъ огорчевахся зѣло и тогда намѣреніе полагахъ идти въ пустыню. Но тому моему желанію и намѣренію едино абіе бываше ми препятіе, глаголаше бо помыслъ: еда како изыдеши въ пустыню, како тамо нынѣ можеши почити и миренъ быти, якоже прежде единъ бывъ, понеже бо нынѣ не единъ имаши тамо быти, якоже прежде, но со множайшими монахи, а святыя церкве не имуще, и сего ради будетъ ти отъ навѣтникъ, злыхъ человѣкъ, якоже и отъ бывшаго постриженника своего, іеромонаха Аврамія, многія пакости, озлобленія и препинаніе пустынному житію; и не токмо имаши воспріяти злую славу, но и негли пострадеши, понеже бо отъ неискусныхъ человѣкъ имаши оболганъ быти, яко развратникъ, не имѣя церкви, и безъ нее жити будеши. Еще же отходомъ своимъ, не оставивъ по себѣ иного никого на мѣстѣ семъ отъ священнаго чина въ монастырѣ, велій мятежъ и соблазнъ и молву во всѣхъ монасѣхъ и людѣхъ града сего имаши отходомъ своимъ сотворити и всему тому смятенію и дѣломъ настоящимъ самъ виновенъ будеши, и о томъ въ день страшнаго суда Господня отвѣтъ имаши воздати.

И тако се помышляя и прочая иная подобная симъ, бихъ въ недоумѣніи велицѣмъ, и симъ препинася отходъ мой намѣренной въ пустыню. Таже паки не почиваша помышленія. И мыслихъ паки, коимъ-либо дѣломъ удобно возмогу въ пустыню изыти, кромѣ всякаго мятежа, и тамо, изшедши, мирно быти. И по мнозѣ размышленіи, положихъ въ душѣ своей и размыслихъ всеконечно, яко не возможно волѣ Божіей быти въ нынѣшнее, настоящее время со множайшими въ пустынѣ безъ святыя церкви быти, ниже изъ монастыря, не оставивъ по себѣ іеромонаха, изыти. Таже паки начахъ помышляти возбуждающуюся мысль ми; глаголахъ въ себѣ, возможно-ли есть въ нынѣшнее время, егда восхощетъ Богъ въ пустынѣ церкви святой быти и о томъ промыслъ дѣломъ явити. И пребывахъ въ сихъ помышленіяхъ много время. Иногда же помышляхъ, еда сія помышленія отъ діавола есть бываемая, и симъ блазнитъ мя, вринути хотя мя во многія страсти и погубити. И недоумѣвахся о сихъ, яко всегда не оставляютъ мя таковая помышленія. Тогда прихождахъ часто въ пустыню къ монахомъ, и, зря ихъ житіе, бываше въ сердцѣ моемъ многое умиленіе и къ мѣсту оному любовь велія.

Понеже бо, по смерти монаха Иринея и Севастіана, осташася тамо, въ пустынѣ монахи—вышереченные Аѳиногенъ, Паисій, Іоасафъ и бѣлецъ отрокъ Григорій, иже тогда письмени учишеся, иже послѣди постриженъ въ рясу, и наречено имя ему Геласій; къ нему же, Геласію, тогда прійде и подругъ его, бѣлецъ, именемъ Симеонъ, иже послѣди постриженся и нарѣченъ бысть монахъ Серафимъ; и быша тогда они, яко Господни ученицы, живуще бо точію въ послушаніи и любви, не себѣ угождающе, но кійждо другъ другу, и быша яко

единъ человѣкъ, вся бо по благословенію отца своего наставнаго исполняюще и всякое повелѣніе яко же въ духовномъ, такожде и во внѣшнемъ пріемлюще, ничтоже безъ повелѣнія о себѣ творяще или что имуще, во всемъ повелѣніе требующе, ово словесно, ово письменно, и безмолствующе въ терпѣніи, покрывающей ихъ Божіей благодати, не ослабѣвающе въ подвизѣхъ. Тогда азъ, зря ихъ тако преспѣвающихъ, веселихся духомъ и радовахся сердцемъ, и много помышляхъ, како бы безъ замедленія изъ града, по прежнему моему обѣщанію, въ пустыню возвратитися и съ ними, монахи, купно пребыти до скончанія жизни; не помышляхъ бо о суетахъ, или о строеніи коемъ, но точію просихъ Бога, дабы сподобилъ мя паки пріити, безмолвно жити и о грѣсѣхъ плакати; и многажды восхотѣхъ возстати и отъити изъ монастыря, но не улучахъ такова времени, еже благополучно отъити. Но много, яко на вящшую пользу Богъ устрояше, яко время не обрѣтохъ такова благополучія въ пустыню исхожденія, да паче знаменно будетъ сіе время, въ которомъ соблагоизволитъ Богъ благополучіе дати изыти и о строеніи святей церкви попеченіе имѣти, да удобнѣе пустыннымъ тѣмъ монахомъ воздвижена будетъ во имя Пресвятыя Богоматери и преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія, печерскихъ чудотворцовъ, и паче Богъ прославитъ мѣсто оное пустынное; чесо ради паки бысть въ пустыню мое исшествіе, да тѣмъ исшествіемъ моимъ исполнится на мѣстѣ оном святое изволеніе Божіе о построеніи святыя церкви.

О совѣщаніи о строеніи церкви отъ пришедшаго раскольника Іоанна Димитріева.

И егда отъ преждереченнаго раскольника изъ-за Волги, монаха Филарета былъ въ пустынѣ съ письмомъ

его подругъ, бѣлецъ Иванъ Димитріевъ, тогда азъ, приводя его къ познанію и къ соединенію святыя соборныя церкви, нача съ нимъ ко оному пустынному мѣсту ходить, и, ходяще, мѣсто оное смотряя, мысли свои азъ ему о строеніи на немъ церкви извѣщахъ. Тогда онъ, Іоаннъ, аще и раскольникъ тогда бяше, но обаче тогда Святый Духъ дѣйствоваше, абіе о томъ совѣтова, глаголя: аще есть мысль твоя, рече, о семъ, воистину на семъ мѣстѣ, указуя его, должно быти церкви, и мѣсто сіе имать быти прославлено.

О совѣщаніи строенія той же церкви отъ многихъ человѣкъ.

Егда же по немъ, Іоаннѣ, бысть самъ оный монахъ Филаретъ въ Арзамасѣ, Введенскомъ монастырѣ, имѣя со мною отъ писанія разговоры, приходя ко обращенію, якоже выше о немъ писася, отъиде во-свояси, колеблющеся разумомъ, познавая истину. По отшествіи же его томъ паки начаша приходити ми мысли вящшія, нежели первыя, нудяще мя идти въ пустыню и о церковномъ промыслѣ пещися; и не вѣдахъ како въ пустыню изыти, или како о церкви попеченіе имѣти, или кіимъ образомъ начати: во исшествіи же моемъ не имѣхъ человѣка, кого по себѣ оставити, о церкви же никія имѣхъ надежды присовокупити, ниже земли у кого просити, ниже знаяхъ, чья земля та бѣ, идѣже быти церкви, ниже о томъ у Государя и у архіерея кого просити. И многажды отсѣцахъ его (помыслъ), еда не Божій есть. И егда не оставляше мя тая мысль, тогда азъ тыя своя мысли начахъ повѣдати отъ духовнаго чина такожъ и

отъ мірскаго искуснѣйшимъ человѣкомъ. Они же совѣтоваша мнѣ положитися въ волю Божію и начало въ томъ помыслѣ учинити, а не отсѣцати его, понеже бо, аще Божій есть, то имать въ дѣло произыти, аще ли противничъ, то ничтоже имать успѣти, но паче имать отнюдь разоренъ быти и скоро имать до конца разоритися. Сіе азъ отъ нихъ слышахъ; паче мысли мои подкрѣпляхуся и услаждахуся, и умножахуся къ тому начинанію о церкви.

О извѣщеніи ко оной церкви о облежащей нѣкоего господина землѣ.

И егда не отступаша отъ мене ни днію, ни нощію помышленія преждереченныя, и въ тѣхъ помышленіяхъ и многомъ желаніи и свопрошеніи многихъ о томъ человѣкъ прилучися мнѣ нѣкогда во едино время съ нѣкимъ единымъ человѣкомъ, мірянином, о той же мысли свопроситися; и явихъ ему свое желаніе, паче же о томъ являя ему свое недоумѣніе коимъ образомъ то почати, не имѣя бо ни о чемъ вѣдѣнія, ни о землѣ мѣста онаго у кого просити, ниже бить челомъ, на какое мѣсто, о церкви оной, идѣже быть ей надлежитъ.

Тогда той человѣкъ, слышавъ сіе отъ мене, не повелѣваше ми оставляти того желанія, къ томужъ, мню, по Божію строенію, извѣсти мнѣ, сице глаголя: вѣмъ азъ, извѣстно, яко близъ того мѣста пустыннаго, на рѣчкѣ Сатисѣ есть нѣкая земля помѣщика, именемъ Дмитрія Полченинова; дана ему въ прошлыхъ годѣхъ по сыску изъ порожжихъ земель, потомъ же на вотчину; и на ту землю есть у мене здѣ списокъ съ крѣпости;

и азъ ти объявлю. И абіе, отверзши ларецъ, подаде ми списокъ. Азъ же, воспріемъ, прочтохъ его. И разсуждахомъ о крѣпости оной и мнѣхомъ, яко и мѣсто оно пустынное въ дачахъ онѣхъ надлежитъ быти, понеже оная (крѣпость) на то пустынное мѣсто гласитъ съ прочими урочищи. И тогда о семъ азъ дивихся, яко таковая та земля явися того помѣщика, доселѣ никимъ же свѣдѣна бысть. И, списавъ съ той крѣпости себѣ списокъ, пришелъ въ свой монастырь.

О взятіи изъ пустыни монаха Аѳиногена въ монастырь во іеромонашество.

Въ тоже время, егда бываше о землѣ сей дѣло, единаго отъ ученикъ моихъ, иже живяше въ пустынѣ, монаха Аѳиногена, понеже видѣхъ его смиренна суща и любовь ко мнѣ имуща велію, восхотѣхъ къ себѣ взяти и сотворити его, въ споможеніе себѣ, во іеромонахи. Тако бо помыслихъ въ себѣ, яко, аще сія воля Божія есть, то будетъ Аѳиногенъ іеромонахомъ при мнѣ въ монастырѣ Введенскомъ, тогда удобно будетъ въ пустыню мое исшествіе, а наипаче о церковнѣмъ строеніи промыслъ имѣти будетъ свободнѣе. И абіе повелѣхъ ему, Аѳиногену, изъ пустыни въ монастырѣ быть немедленно. И въ лѣто 1704, Декабря въ 31 день оной Аѳиногенъ Введенской монастырь пріиде. И, написавъ челобитную во іеромонахи и заручивъ ту, дахъ ему, Аѳиногену, и послахъ къ Москвѣ, въ лѣто 1705, Генваря въ 24 день.

О извѣщаніи іеромонаха Аврамія о той же церкви и о поѣздкѣ его къ Москвѣ со Аѳиногеномъ къ вышереченному господину Полченинову, ради договора о землѣ, и о посланіяхъ.

Егда же посылахъ азъ монаха Аѳиногена къ Москвѣ съ челобитною во іеромонахи, тогда помышляхъ о вышереченномъ помѣщикѣ Полчениновѣ, како бы съ нимъ конечной договоръ учинить о вышереченной его землѣ. Въ тоже время прилучися пріити ко мнѣ въ келью преждереченному іеромонаху Аврамію, (съ которымъ прежде дѣло было и миромъ окончася); и абіе явихъ мысль свою ему и желаніе о настоящемъ договорѣ земли Полчениновой и о пустынномъ церковномъ строеніи. Тогда онъ, дѣйствующей, мню, благодати Божіей, абіе совѣщавая мнѣ о томъ же неотложно дѣло исполняти. Тогда азъ абіе восхотѣхъ о томъ волю Божію увѣдѣти и его, Аврамія, любви въ словесѣхъ его испытати; просихъ его и молихъ, еже вземъ отъ мене писанія, да идетъ вмѣсто мене съ монахомъ Аѳиногеномъ къ Москвѣ, къ тому господину Полченинову и учинитъ съ нимъ о землѣ договоръ конечной, и какъ ее укрѣпить также и искусныхъ людей о томъ спроситъ и увѣдаетъ. Тогда онъ, Аврамій, ничтоже отрицая, абіе, съ радостію послушаніе исполняя, взя у мене къ тому господину письмо и поѣхалъ купно съ монахомъ Аѳиногеномъ къ Москвѣ, жалѣя и исповѣдая свою предо мною прежнюю вину, чая отъ мене въ духовномъ дѣлѣ, ради своего послушанія, разрѣшенія. И о той своей винѣ онъ, Аврамій, въ посланіяхъ своихъ съ Москвы изъявилъ именно.

О видѣніи изъявленія земли, которая имать датися, кромѣ того помѣщика, Божіимъ промысломъ подъ церковь.

Егда бо азъ вышереченная посланія іеремонаха Аврамія и Аѳиногена прочтохъ и вразумѣхъ, яко въ дѣлѣ томъ начатомъ не благоволитъ Богъ, и не можетъ то начинаніе произвестися, еже о землѣ и о строеніи церковномъ въ дѣло, начахъ о томъ зѣло попремногу духомъ скорбѣти и тужити тако, яко отъ многія туги впасти ми въ великое уныніе и многое размышленіе; и присно воспоминая въ сердцѣ моемъ и разумѣ, глаголахъ къ себѣ, яко воистину не благоволитъ Богъ въ пустынѣ строенію церковному произыти, яко еще въ начинаніи того многое препятіе и неудобство утверждается. И отъ многаго унынія мыслихъ до конца оставити то о церкви попеченіе. Точію ожидахъ монаха Аѳиногена, доколь посвященъ будетъ во іеромонахи и пріидетъ съ Москвы въ монастырь, тогда конечно да имамъ идти въ пустыню и жити съ прочими монахи, которые тамо есть, пустыннымъ житіемъ, безъ церкви. И въ томъ размышленіи отъ многаго изнеможенія возлегъ на одръ свой и быхъ въ восторзѣ, си есть, во изступленіи соннѣмъ. И абіе явися мнѣ зримъ, отъ церкви прямо ко мнѣ грядущъ въ келью аки Нижняго нова града архіерей Исаія, въ мантіи архіерейской, имуще въ рукѣ жезлъ обыкновенный, коимъ подпирающеся, грядяше. И, пришедъ ко мнѣ, сотвори молитву Іисусову и воздвигъ руку свою на главу мою, зряшеся, мя благословляя знаменіемъ крестнымъ и глаголя ко мнѣ сице: слышахъ азъ о тебѣ, еже желаеши и мыслиши построити въ пустынѣ церковь, и о землѣ скор-

биши, яже господинъ оный проситъ цѣну многую, и въ семъ томъ имать тебѣ помощи Богъ, и будетъ все устроено, а той господинъ туне отдастъ землю свою, ничтоже вземъ. И отъ сихъ словесъ его архіерейскихъ абіе усладися сердце мое, и весь исполнихся радости и веселія и, абіе въ себе пришедъ, ощутихъ сердце свое премногія радости и сладости духовныя преисполненно. И тогда попремногу чудихся тому бывшему видѣнію, слагая въ сердцѣ моемъ и недоумѣваяся, что сіе будетъ.

О совѣтѣ благомъ друга своего, именемъ Іоанна и пришествіи въ пустыню бѣльца Ѳеодора, о постриженіи съ нимъ въ мантію монаха Геласія и подруга его Симеона.

Въ тоже время, егда сіе дѣло о землѣ бываше, точію въ преспѣяніе не прихождаше, умыслихъ тое дѣло оставити, яко не Богоугодное, точію намѣреніе положихъ ожидати іеромонаха Аѳиногена и отъити конечно въ пустыню. И много о томъ совѣтовахъ съ нѣкимъ міряниномъ, духовнымъ ми другомъ, въ разумѣ искуснымъ сущимъ, посадскимъ человѣкомъ, именемъ Іоанномъ, прозваніемъ Масленковымъ (яже бо азъ отъ него, Іоанна, ничтоже сокрывахъ, но вся ему объявляхъ и не малую пользу отъ него воспріимахъ: искусенъ бо мужъ бѣ зѣло и попремногу разсудителенъ, и во всемъ полезенъ, паче же въ духовныхъ). Тогда онъ, Іоаннъ, разсуждая мнѣ, пользовавъ мя, много утѣшая и отводя мя отъ сомнѣнія, глаголя, не отпадати надежды о начатомъ цѣлѣ, но возлагати повелѣвая о томъ надежду на Бога и на Пречистую Его Богоматерь; монастыря же Введенскаго оставляти не повелѣвая, дондеже извѣстнѣйше

Богъ покажетъ. И егда ми сія вся изглагола такожде и прочая и, еще ми въ дому его сущу, абіе приведе предъ мене стрыя [1]) своего по матери, бѣльца, именемъ Ѳеодора и съ нимъ купно проси мя и моли, да повеленъ будетъ онъ, Ѳеодоръ, въ пустыню идти постришися неотложно: бѣ бо онъ, Ѳеодоръ, лѣты старъ бяше и неисходно обѣщася въ пустынѣ жити. Тогда азъ, не хотя его въ томъ оскорбити, яко искуснѣйшаго и духовнаго мужа, вземъ отъ руку его онаго Ѳеодора и пріяхъ его, яко самого его, Іоанна, и послахъ его въ пустыню, постригохъ же сего Ѳеодора въ рясу и нарекохъ его вмѣсто Ѳеодора—Ѳеологъ. Въ то же число постригохъ и прежде бывшаго монаха Геласія въ рясу и подруга его, бѣльца Симеона въ мантію; и вмѣсто Симеона нареченъ онъ, бѣлецъ, Серафимъ, а Геласій не премѣни имени своего. Бѣ же постриженіе ихъ въ лѣто 1705, Марта 7 дня.

О пришествіи съ Москвы въ Арзамасъ, Введенской монастырь монаха Аѳиногена.

Монахъ же Аѳиногенъ, егда бы на Москвѣ и принесе челобитную къ ставкѣ, посвященъ бысть во іеромонахи въ лѣто тоже 1705, Апрѣля во 2 день. И вземъ ставленную грамату, пріиде въ Арзамасъ, Введенской монастырь въ мѣсяцѣ Маіи. Тогда іеромонахъ Аврамій, обличающей его совѣсти, преждереченнаго ради своего челобитья, не пріиде въ Арзамасъ, въ свой монастырь, но остася на Москвѣ, въ Ново-Спасскомъ монастырѣ, хотя тамо жити, да не обличаемъ будетъ

[1]) „Стрый“—древнерусское слово, употреблявшееся для обозначенія дяди по отцѣ или матери, т. е. брата отца или матери (Корм., гл. 50.) Примѣч. редакт.

въ Арзамасѣ въ духовномъ дѣлѣ своемъ, понеже бо миръ сотворися съ нимъ, кромѣ духовнаго дѣла. Чесо ради онъ отписа ко мнѣ посланіе, въ которомъ, являя свою вину, просилъ благословенія и прочая, воспомяну и о землѣ, и о монасѣ Пахоміи, его же прежде безвинно билъ и многая ему злая досажденія учини, прося у него, Пахомія, благословенія.

По пришествіи же іеромонаха Аѳиногена съ Москвы, тогда оставихъ вмѣсто себе въ томъ Введенскомъ монастырѣ его, Аѳиногена, іеромонахомъ, самъ же поидохъ абіе въ пустыню и пріидохъ въ лѣто 1705, мѣсяца Маія въ 15 день.

И пришедши въ пустыню, не почиваше помыслъ, еже како бы и коимъ образомъ увѣдѣти землю ту, идѣже бѣ гора оная, гдѣ быти церкви; и совѣщахся съ помышленіемъ своимъ и съ монахи своими пустынными; паки о томъ начахъ имѣти тщаніе и попеченіе, еже како бы и коимъ образомъ увѣдати, кому крѣпка крѣпостьми оная гора и земля, идѣже живемъ; и недоумѣвахся, како о томъ увѣдати: отнюдь бо не вѣдахъ о той, чья суть земля есть, токмо слышахъ, яко бортный ухожай кадомскія мордвы есть то мѣсто. И абіе вложися мнѣ на мысль, еже идти въ Кадомской уѣздъ, къ помѣщику Вышеславцеву, именемъ Ильѣ, Яковлеву сыну; и уповахъ отъ него увѣдать истину о той землѣ: бѣ бо онъ, помѣщикъ Илья, славенъ въ той странѣ, не точію за богатство и санъ славенъ бѣ, но и за многую любовь и добродѣтель его, юже онъ ко всѣмъ къ нему приходящимъ творяше. Доселѣ же мнѣ не бѣ случая видѣться съ нимъ никогда же, но точію слухомъ о немъ слышахъ; здѣ же зѣло восхотѣхъ его видѣти не единыя точію ради земли, еже желахъ отъ него увѣдати,

но и добродѣтели его зрѣти. И въ лѣто 1705, Іюня въ 5 день пригласихъ двухъ пустынныхъ своихъ монаховъ Геласія и Ѳому и яхомся пути, и пріидохомъ къ нему, Ильѣ, и явихомся предъ нимъ, исповѣдающе ему вину своего пришествія. Тогда онъ, Илья, зѣло обрадовася нашему пришествію и упокоеваше насъ у себя всякимъ упокоеніемъ. И пребывахомъ у него три дни, вопрошающе его о землѣ и молихомъ его, еже бы увѣдати намъ чрезъ него о всемъ, о бортныхъ ухожаяхъ, и кто ими владѣетъ и по какимъ крѣпостямъ,—въ городѣ Кадомѣ отъ записныхъ книгъ (крѣпостямъ), и молихомъ его, да пошлетъ съ нами съ письмомъ человѣка своего во градъ онъ, Кадомъ, къ воеводѣ или къ подъячему, у кого таковыя книги есть, еже разсмотрѣть въ нихъ подлинно и выписать. Онъ же обѣщася намъ съ радостію сотворить прошеніе наше.

О внезапномъ приходѣ къ нему, Ильѣ, нѣкоего князя Иларіона Кугушева и о благомъ его совѣщаніи о церкви и о землѣ пустынной.

Егда же онъ, Илія, хотѣ прошеніе наше исполнити и отпустити человѣка своего съ письмомъ съ нами во градъ Кадомъ, приспѣ время обѣда, и сѣдохомъ съ нимъ вкупѣ за трапезу ясти. Первому кушанью поставлену бывшу, начахомъ съ нимъ бесѣдовати, еже како намъ идти во градъ Кадомъ и дѣло намѣренное тамо творити, и начахомъ ясти. И абіе пріиде во храмину, идѣже ядохомъ, человѣкъ его, возвѣщая пріѣздъ на торгу, иже близъ его, Ильи, бяше въ деревнѣ, нарицаемой Теньгушево, нѣкоего князя, именемъ Иларіона, князя Кугушева. Тогда онъ, Илья, слыша про него, кня-

зя, абіе посла скоро къ нему просити его къ себѣ въ домъ, дабы пришелъ немедленно вкупѣ хлѣба откушать. Князь же, аще и нужда ему бяше на торгу ономъ, но обаче, оставивъ, пріиде къ нему, Ильѣ, въ домъ. И сѣдшимъ обѣдати, егда ядяхомъ, вопроси онъ, князь, насъ, откуда есмы и коея ради вины пріидохомъ; и повѣдахомъ ему о себѣ все подробно: и вину пришествія своеге о землѣ, и желаніе, еже како построенной быти у себя въ пустынѣ церкви. Тогда онъ, князь, наставляющу его Духу Святому, по многому совѣщанію и бесѣдованію, рече сице: аще ли не извѣстно есть о землѣ той, о ней же свопрошаеши насъ, чья есть и кому крѣпка, и хощешь на ней церкви быти, то не возможно нынѣ ни которыми дѣлы церкви построенной быти на ней, ниже монахомъ датися; точію развѣ кто помѣщикъ будетъ бить челомъ о ней, и, по челобитью его, по указу дастся изъ порожжихъ земель: и егда за него будетъ справлена и отказана по указу, тогда той помѣщикъ поступитца ею подъ церковь вамъ, монахомъ; и по указу, по поступкѣ, тогда справлена будетъ подъ церковь; тогда свободно на томъ мѣстѣ церкви быти; а инымъ же образомъ никакъ не возможно быть ей, кромѣ сего. Тогда противу отвѣщахъ азъ: кто-бы такой благодѣтель помѣщикъ былъ къ намъ и егда таковое дѣло покажетъ, еже землю ту за себя справитъ и намъ поступитца подъ церковь; мню, яко такового не имамы обрѣсти нынѣ о настоящемъ дѣлѣ попеченіе сотворити. Тогда онъ абіе рече ко мнѣ: аще восхощетъ Богъ, по желанію вашему азъ се сотворю, землю за себя справлю и вамъ подъ церковь поступлюся. Азъ же тогда сіе слово отъ него, князя, слышахъ, удивихся его такой вѣрѣ и раченію и абіе поклонихся ему съ

монахи своими до земли и благодарихъ его за сіе его благодѣяніе, такожде и просихъ его, да совершитъ слово оно свое дѣломъ.

Такожде и Илья Яковлевъ Вышеславцевъ поклонися ему и проси его, князя, о томъ же, да по реченному своему слову исполнитъ и попеченіе о церкви святѣй сотворитъ. Онъ же паки обѣщася то исполнити вскорѣ. И моли онъ, князь, насъ, да пріидемъ съ нимъ къ нему въ домъ, въ помѣстье его, въ село, нарицаемое Куликово, отстоящее отъ онаго Ильи Вышеславцева, отъ села Башкиричъ 7 поприщъ, на Московской большой дорогѣ.

О пришествіи въ домъ князевъ, о благой его вѣрѣ и любви, бывшей къ начинанію дѣла о церкви.

Егда же пріидохомъ мы въ домъ князя Иларіона, тогда о пришествіи нашемъ возвеселися онъ зѣло и упокои насъ всяцемъ упокоеніемъ и трапезою богатою; и по возстаніи отъ трапезы онъ, князь, хождаше съ нами повсюду, еже имѣя въ дому своемъ храмины и вертограды и сады, и всѣми своими довольствы привѣтствоваше насъ и страннолюбно упокоеваше, показуя вся, яже имяше, и попремногу, зря бывшихъ со мною юныхъ монаховъ, иже бѣ Геласій и Ѳома, удивляшеся, ихъ юносному желанію ко Богу, умиляшеся сердцемъ и часто воспоминая ихъ, глагола: како сіи человѣцы, юны зѣло, возлюбиша Бога, отрекошася міра и быша монаси, хотяще вѣчно наслѣдити небесное царствіе и со Христомъ жити; и паки глагола: блаженно поистинѣ, о отцы пречестніи, ваше житіе равноангельное, иноческое, паче же пустынное, нежели наше суетное; хо-

тѣлъ быхъ и азъ се благое иго Христово пріяти и всеусердно носити и съ вами жити, но сплетенъ быхъ страстьми мірскими вѣка сего; поистинѣ како не имать исполнити Богъ прошенія вашего, егда кую молитву къ Нему о чесомъ либо приносити имате, а наипаче же о настоящемъ дѣлѣ, еже къ Нему желаніе ваше нынѣ намъ воспоминаетъ, вскорѣ бо имать, за молитвы ваши, совершитися; и прочая намъ таковая онъ, князь, часто кратко глагола. Мы же тогда слышахомъ отъ него таковая умиленная словеса, удивихомся попремногу вѣрѣ его, усердію и любви къ Богу и къ намъ, а наипаче же и больше его усердію о церкви и о землѣ. Тогда мы, воспріемлюще словеса его въ сердцѣ нашемъ, радовахомся зѣло, ово же невѣріемъ объемлющеся, не мнѣхомъ тому дѣлу сбытися. И глаголахомъ къ нему, князю, о томъ дѣлѣ нѣкая словеса, унывше. Онъ же, видѣвъ насъ унывшихъ и невѣріемъ объятыхъ, паки рече къ намъ, глаголя: имите вѣру, отцы святіи, яко силенъ Богъ вся сотворити, яко отъ несущія всю тварь сотвори, можетъ и сіе ваше желаніе исполнити и въ конецъ его произвести; токмо отложивше всякое сомнѣніе и съ Божіею помощію наченше, неотступно со многимъ трудомъ о томъ стараніе приложите, да въ самое дѣло произведется. И тако онъ, князь, изглаголавше, сими словесы укрѣпи насъ зѣло. И пребыхомъ у него два дни. И отпусти насъ во—свояси со многою честію, повелѣвая намъ вскорѣ немедленно ѣхати за нимъ къ Москвѣ, да о дѣлѣ оному нашемъ сами попеченіе имѣти будемъ: бѣ бо ему, князю, въ то время нужда на Москвѣ быти неотложно. И тако поидохомъ отъ него, князя, во свою пустыню, славяще и благодаряще Бога, яко таковый устрояетъ церкви своей промыслъ.

О знаменіи, бывшемъ въ пустынѣ, на источникѣ, у пещеры.

Егда отъ него, князя, пріидохомъ въ пустыню, не мало утѣшеніе пріяхъ въ сердцѣ моемъ, воспоминающе оный промыслъ, со благоволеніемъ Божіимъ хотящій быти о церкви: убо утверждася въ мысли моей умъ мой отъ бывшихъ словесъ княжіихъ, яже обѣщася намъ онъ о землѣ творити помощь. И воспріяхъ въ томъ надѣяніе веліе, и начахъ помышляти въ себѣ, аще восхощетъ Богъ, гдѣ и на которомъ мѣстѣ имать церковь построена быти; и помыслихъ церкви быти построенной надъ источникомъ, иже есть предъ пещерою, подъ самою горою тою, на ней же пещерное устье. И, посовѣтавшись, вземъ съ собою пустынныхъ своихъ монаховъ и бѣльцевъ, елико ихъ есть, и пріидохомъ ко источнику тому, и начахомъ того чистить, и исчистихомъ изъ него нѣколико грязи, и срубихомъ срубъ или обрубъ, хотяще во источникъ его опустити, да удобенъ онъ будетъ къ покою. И егда основахомъ первый вѣнецъ и начахомъ его класти, и положихомъ три бревна, четвертое же вземъ азъ самъ, полагая его на основаніе отъ сѣверныя страны, единъ уже конецъ бревна отъ востока положенъ бяше, другій же отъ запада начахъ, якоже обычай, конецъ бревна онаго класти въ уголъ и держахъ его руками моими, тогда нечаянно отъ основанія изъ—подъ бревна онаго исшедъ змій и вшедъ на бревно оно, его же азъ держахъ руками, и ползяше по нему прямо ко мнѣ, и уже близъ бяше рукъ моихъ. Тогда азъ видѣхъ его, и предстоящіе монахи, зряще, воскричаша, да не изъяденъ буду отъ змія. Змій же приползе ко углу, къ рукамъ моимъ. Азъ же отъ страха хотѣхъ отпустити бревно во уголъ. Тогда змій, пре-

клонивъ главу свою ко углу подъ бревно, упаде во уголъ, а бревно стисну его главу, и абіе умре змій. Тогда, видѣвше сіе, азъ и вси предстоящіи дивихомся сему бывшему; и въ мысли моей воспомянухъ азъ, яко нѣкоему знаменію быти сему отъ Бога; и нѣколико поставивше сруба, отъидохомъ въ кельи свои.

О совѣщаніи написанія въ челобитной храма во имя Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источнина.

По семъ же поидохъ изъ пустыни Введенской монастырь о написаніи челобитной совопроситися со искуснѣйшими человѣки, и коего бы святаго былъ первоначальный храмъ въ пустынѣ сей. И ови совѣтоваша господскому быти храму, во имя Спаса Христа, иніи же—во имя Пресвятыя Богородицы, ови же—коего либо отъ избранныхъ святаго храмъ воздвигнути. И егда азъ сіе отъ человѣкъ оныхъ слышахъ несогласіе, тогда ни единаго отреченія быти являшеся, точію единъ кій—либо храмъ во имя Пресвятыя Богородицы быти восхотѣ. И, по многомъ совѣщаніи, быхъ единъ въ кельѣ и сѣдохъ писати челобитную и, егда достигохъ прошенія, тогда пустихъ руку къ начертанію о нареченіи храма и абіе въ прошеніи писахъ, яко же помышляхъ, во имя Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника; и совершихъ челобитную заручную своею рукою; таже и иные многіе всякихъ чиновъ града Арзамаса люди руки къ той челобитной приложиша, вкладчиками желающе быти. И тако заручивъ ту челобитную, изготовихся съ нею ѣхать къ Москвѣ, помышляюще сице: аще не благоволитъ Богъ оному князю Иларіону къ Москвѣ ѣхать, или и на Москвѣ онъ бу-

детъ и коего-либо ради случая въ словѣ своемъ не устоитъ, о землѣ не будетъ бить челомъ, и дѣло то станетъ, тогда сія челобитная подана имать быти архіерею, да познается воля Божія въ нашемъ совѣтѣ, и что по сей челобитной каковъ имать Государевъ указъ быти и архіерейское благословеніе.

Челобитная же писана бысть таковая, что въ прошломъ 159 [1]) году построенъ въ городѣ Арзамасѣ Введенской монастырь; а постригаются въ томъ монастырѣ нищіи, скудные люди и престарѣлые; а тотъ монастырь безружной, и кормиться нечѣмъ; и ради прокормленія они отходятъ отъ того монастыря на Старое Городище; а ходить имъ отъ того мѣста, дальности ради, въ монастырь и во иныя церкви не возможно, потому что то мѣсто отъ Арзамаса и отъ монастыря въ дальномъ разстояніи, верстъ съ пятьдесятъ и больше, на рѣчкѣ Сатисѣ и рѣчкѣ Саровѣ, близъ Темниковской большой дороги. И кормимся своими трудами и мірскимъ подаяніемъ. И на томъ мѣстѣ церкви Божіей нѣтъ. И просили на томъ мѣстѣ построить церковь Божію во имя Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и чтобъ дать благословенную грамату.

О поѣздкѣ къ Москвѣ, о подаяніи вышеписанной челобитной ко архіерею, о подписаніи на ней архіерейскомъ и о отданіи ея въ Патріаршій Казенной Приказъ къ написанію благословенныя граматы.

Написавши челобитную и заручивши ю, съ вышеписаннымъ намѣреніемъ пріидохъ къ Москвѣ Іюня въ

[1]) 1651 г. (Ред.).

28 день. И быхъ на Москвѣ, и многи дни ждахъ вышеписаннаго князя Иларіона: умедли бо онъ, князь, въ домѣ своемъ. Въ тѣ числа помыслихъ вручитися въ волю Божію и Пресвятѣй Богородицѣ: подать ту челобитную о строеніи церковномъ архіерею чрезъ нѣкоего любовнаго ми друга, верхового пресвитера, именемъ Іоанна Ѳеофанова. И подана бысть Іюля въ 11 день. Тогда, Божіимъ наставленіемъ и промысломъ, ничтоже архіерей истязавъ о той челобитной, абіе подписа на ней сице: противъ сего челобитья дать благословенную грамату церковь строить. И егда съ таковымъ написаніемъ архіерейскимъ вземъ азъ отъ архіерея ту челобитную, принесохъ ю, яко же обычай, въ Патріаршій въ Казенной Приказъ къ написанію противъ подписанія архіерейскія руки благословенныя граматы; и отдана бысть къ подъячему, именемъ Алексѣю Спиридонову, сыну Титову. И бысть запинаніе отъ врага сицевое: егда онъ, подъячій Алексѣй, вземъ челобитную, хотя нѣчто взять, удержа и, видѣвъ на ней подписаніе таковое архіерейское, яко вновь указано монахомъ быть въ пустынѣ, а церковному строенію не обычно въ такое нынѣшнее время быть противъ указу, отвѣща ми, въ приказъ бо ихъ присланъ Государевъ именной указъ еже не отпущати ни по какому образу вновь о стоеніи церквей какихъ указовъ и граматъ. Тогда подъячій, хотя взяти отъ насъ многое даяніе отъ дѣла, нача и казначею, монаху Тихону Макарьевскому претити, глаголя, еже по челобитной оной противу указу Государеву не доведется дать благословенныя граматы; и тѣми словами возмути его, казначея. Тогда казначей, слышавъ отъ него, подъячаго, таковая, убояся и, не смѣя грамату отпустити, отказа мнѣ отъ того дѣла.

Аще и много всячески тщаніе казахъ и пекохся, чрезъ нѣкія знатныя лица просивъ у него, казначея, о граматѣ той, да отпуститъ противъ подписанія архіерейскаго, но ничтоже успѣвъ: весьма бо онъ, казначей, возбуждаемъ отъ того подъячаго, отрячеся. Тогда пріиде ми въ душу мою веліе смущеніе и скорбь, яко такое препинаніе быть восхотѣся волѣ Божіей: церковному строенію не быть; и отчаяхся того дѣла, и ждахъ князя къ Москвѣ, хотѣхъ увѣдати, что кое дѣло хощетъ чрезъ него быти о землѣ, яже онъ обѣщася творити.

О пріѣздѣ князя Иларіона и брата его, князя Даніила къ Москвѣ, о запинаніи его, князя, отъ діавола въ его обѣщаніи и о написаніи челобитной о землѣ на князя Даніила.

По пріѣздѣ же моемъ къ Москвѣ, не мало время умедли онъ, князь Иларіонъ, въ своемъ домѣ. Егда же князь Иларіонъ пріиде въ Москву, тогда съ нимъ пріиде братъ его двоюродной, именемъ князь Даніилъ Ивановъ, сынъ князь Кугушевъ: отправленъ отъ отца на службу. И ставшимъ имъ на единомъ подворіи, тогда азъ начахъ приходити къ нему, князю Иларіону, часто и просити у него, еже онъ обѣщася, дѣломъ исполнити о церковной землѣ. Тогда ненавидѣ добра врагъ, діаволъ вложи ему, князю, во умъ еже обѣщаніе свое преступити, еже обѣщася о церкви и о землѣ промыслъ чинити и отъ того дѣла отказати. Но не можаше то вскорѣ учинить, понеже бо прежде при многихъ человѣцѣхъ знатныхъ обѣщася намъ сотворити, а наипаче самъ укрѣпи то дѣло. И сего ради зазира-

мѣся вконецъ отказать, но льстяше мнѣ еже то сотворити, но не вскорѣ и отлагаше бо день за день до временъ нѣкіихъ, самою же вещію не хотяше о томъ дѣлѣ отнюдь рачити. Мнѣ же о томъ его помышленіи отнюдь не вѣдущу, единаче хождахъ къ нему часто, ходя и прося его съ моленіемъ о начатіи и о исполненіи того дѣла. И единою же пришедшу ми къ нему и толкнувшу во врата, не заключеннымъ бывшимъ вратомъ, внилохъ на дворъ и, грядущу ми, яко же обычай, въ палаты къ нему, тогда онъ, князь, сѣде съ братомъ своимъ, княземъ Даніиломъ и съ прочими гостями, узрѣвъ мя въ оконце сквозь стекла грядуща, стужися зѣло о приходѣ моемъ и абіе посла человѣка своего еже не сказати себе въ домѣ и потомъ уже повелѣвая не пущати мя на дворъ. Тогда вопроси его братъ его, князь Данила, рекше къ нему: кто есть сей монахъ, къ тебѣ приходитъ и чесо требуетъ. Онъ же повѣда ему и прочимъ съ нимъ прилучившимся вся бывшая о мнѣ и о дѣлѣ моемъ, его же ради прихожду ко нему, таже воспомяну и свое обѣщаніе, еже како обѣщася намъ онъ исправити подъ церковь землю, но не у, рече, время нынѣ мнѣ за дѣломъ ихъ попеченіе имѣти. Тогда, слышавъ, братъ его, князь Данiилъ, якобъ Богомъ наставляемъ, рече къ нему: остави се нынѣ то, убо аще ты нынѣ не хощеши земли тоя справити сему монаху, то азъ буду о томъ дѣлѣ рачити, ты же точію помощь подавай въ томъ. Тогда князь и прочіи похвалиша его такое князя Даніила усердіе, которое хощетъ возъимѣть ради святей церкви и селенія монахомъ туне, Бога ради. И повелѣ абіе мене къ себѣ въ палату призвати. И егда пришедшу ми къ нимъ въ палату, тогда онъ, князь Иларіонъ, указавъ на него, князя Даніила,

рече, яко онъ вмѣсто мене хощетъ о дѣлѣ вашемъ попеченіе имѣти. Такожде князь Даніилъ обѣщася то сотворити вскорѣ. И абіе въ той же часъ вси прилучившіеся ту съ ними быти человѣцы отъ господъ и подъячихъ, знатные, о томъ дѣлѣ присовѣтоваша, како его, основати, начало положити и урочищи описати; и, вземше хартію, повелѣша отъ себе единому нѣкоему отъ подъячихъ написати челобитную вчернѣ, которой зѣло тщательно то дѣло ради церкви сотвори, во—первыхъ, прося о дачѣ ему, Кугушеву, по его крѣпостямъ того мѣста пустыннаго и земли, коликое той число доведется, хотя исполнити намѣреніе свое конечное о строеніи церкви. И написавши ту челобитную набѣло, приложи къ ней онъ, князь Даніилъ, руку и отдаде ю по приговору ту съ ними, подъячему Приказа Казанскаго Дворца старому, именемъ Кузьмѣ Байсалтанову, да о томъ дѣлѣ имѣетъ попеченіе, которой въ той часъ и обѣщася даже до конца по тому дѣлу имѣть стараніе.

И вскорѣ по сихъ князь Даніилъ бысть въ Приказъ позванъ къ допросу о землѣ; и, по допросѣ, даша ему грамату въ Арзамасъ къ воеводѣ Алексѣю Шестову съ товарищи о сыску той земли и взятья сказокъ отъ тамошнихъ помѣщиковъ, яко воистину та земля порожжая. И князь Даніилъ грамату ту вда ми, да поѣду азъ самъ въ Арзамасъ къ воеводѣ еже просити его скоро сыскъ сдѣлати и написати о землѣ той сказки помѣщиковъ. Азъ же радостно сіе обѣщахся сотворити и возблагодарихъ со слезами Бога и князя Даніила о его столь великомъ раченіи и скоромъ исполненіи обѣщанія своего еже о землѣ и о церкви Божіей.

О прилежномъ стараніи о сыску той земли и о посланіи отъ него епистоліи ко Ильѣ Вышеславцеву, такожъ и къ человѣку его, князя Иларіона, о чиненіи вспоможенія.

По взятіи же вышеписаннаго указа о сыску земли за князя Даніила, тогда князь Иларіонъ зѣло радъ бысть, яко дѣло оно начася быти, и нача о томъ тщаніе полагати. Егда бо хотящу мнѣ съ тѣмъ указомъ съ Москвы ѣхать въ Арзамасъ, тогда онъ, князь Иларіонъ, написа своею рукою епистоліи: о дѣлѣ томъ, о вспоможеніи въ Кадомскій уѣздъ, къ преждереченному господину Ильѣ Вышеславцеву и другое въ помѣстье свое, въ село Куликово, къ человѣку своему, чтобъ онъ о ономъ дѣлѣ прилежное имѣлъ о вспоможеніи тщаніе.

О написаніи челобитной князя Даніила о поступкѣ земли подъ церковь, о приказѣ кому по той челобитной ходить за дѣломъ и о пріѣздѣ съ Москвы въ Арзамасъ со указомъ.

Егда же съ Москвы хотящу ми ѣхать въ Арзамасъ съ вышеписанною граматою, тогда князь Иларіонъ и князь Даніилъ, прикладывая большее раченіе о землѣ и церкви, приказавши ми, (написавши бо челобитную о поступкѣ земли подъ церковь и заручивши ю, дадоша мнѣ), рѣкоша сице: егда съ Москвы уѣдешь, то азъ прикажу по тебѣ ходить за дѣломъ кому доброму человѣку по той князя Даніила поступной челобитной въ Приказъ, понеже бо ему, князю Даніилу, скоро ѣхать на службу, и прежде даже не поѣхавъ на службу, стать бы ему по той своей заручной челобитной въ Приказъ

Казанскаго Дворца о поступкѣ къ допросу. Тогда азъ просихъ нѣкоего Московскаго жителя, добраго человѣка, Николаевскаго прихода, что въ Кошеляхъ, церковнаго дьячка, именемъ Кирилла Матѳеева, вручая то дѣло въ волю Божію и Пресвятѣй Богородицѣ, и ему дьячку, да положитъ онъ тщаніе о церкви и о всемъ дѣлѣ томъ, елико есть его сила. Приказахъ же съ нимъ за дѣломъ тѣмъ ходити и преждереченному постриженнику своему, іеромонаху Аврамію, иже въ то время бѣ въ монастырѣ, у Спаса на Новомъ живяше. Божіимъ наставленіемъ, обѣщашася они по прошенію нашему тако творити неотложно, мене же отпустиша въ Арзамасъ. Егда же пріѣхалъ азъ въ Арзамасъ съ граматою, Августа въ 11-й день, и подахъ ю въ приказѣ воеводѣ Алексѣю Пестову, (тогда воевода зѣло тщательно и любезно пріяше грамату), при томъ же и надзирателю, князю Ѳеодору Дубренскому. И удивившася, рекоша: како бо въ нынѣшнее такое время отпустиша сицеву грамату о порожжей землѣ сыскивать, ихъ же отнюдь таковыхъ граматъ отпущать запрещено указомъ. И отдаде ю старому подъячему, именемъ Ѳеодору Караулову и повелѣ вскорѣ написати наказъ и отпустити подъячаго въ уѣздъ брати о той землѣ сказки.

О поѣздкѣ въ уѣздъ подъячаго съ наказомъ о той землѣ брать сказки.

Подъячій же Ѳеодоръ Карауловъ вскорѣ потомъ, написавъ наказъ и заручивъ его судейскою рукою, отдаде его подъячему молодому, именемъ Ѳеодору Мартынову и посла его въ уѣздъ имать сказки у помѣщиковъ. Сентября въ 1-й день онъ, подъячій Ѳеодоръ

Мартыновъ, купно и азъ съ нимъ поидохомъ въ уѣздъ и первѣе пріидохомъ въ село, нарицаемое Ѣздаково, къ помѣщику Ѳеодору Даниловичу Головачеву, объявихомъ ему указъ и просихомъ у него сказки. Онъ же, якоже и прежде, къ челобитной о строеніи церкви пустынной престола Живоноснаго Источника руку приложилъ первый и нынѣ безо всякаго препинательства повелѣ написати сказку и приложи руку, по самой справедливости описавъ того мѣста урочищи; объявили, что то Старое Городище состоитъ впустѣ, и помѣщиковъ на немъ никого нѣтъ, такожде и не состоитъ въ сумежности; въ той сказкѣ объявили именно, къ которой сказкѣ, по обыкновенію, руки приложены.

И по взятіи сея первыя сказки, отъ тогожъ села Ѣздакова восписалъ азъ въ Арзамасъ къ другу своему посадскому человѣку Ивану Васильеву, сыну Масленкову епистолію, прося его о вспоможеніи того начатаго дѣла и въ приложеніи тщанія.

Таже отъ Ѳеодора Головачева поидохомъ къ князю Ѳеодору Окмокаеву, сыну Мустафину, въ сельцо, нарицаемое Бѣговатово, и у него, князя Ѳеодора, также взяхомъ сказку и зѣло паче возблагодарихомъ Бога о величіи Его милости, яко въ началѣ того дѣла благоспѣвашеся намъ. И оттуда поидохомъ въ вотчину Михаила Михайловича Аргамакова, въ село, наицраемое Успенское, хотяще тамо такожде получити сказку, безъ которой не возможно прочимъ помѣщикомъ, въ той странѣ бывшимъ, отъ себе давать намъ сказки о той землѣ, яко порожая есть; понеже бо предъ симъ временемъ за немногія лѣта, а именно 1703 году онъ, Михаилъ Аргамаковъ, вземъ указъ, отмежева нѣкихъ помѣщиковъ небогатыхъ, поступившихся ему, ихъ дачи;

аще и не у вблизости отъ вышеписанныхъ тѣхъ урочищъ пустынныхъ, но назва неправо помѣщиковы поступныя дачи въ урочищахъ тѣхъ пустынныхъ сущихъ быти, въ самой близости, си есть, отъ Пузы рѣчки по Сатису внизъ до Стараго Городища онаго пустыннаго и до Саровы рѣчки; все отмежева къ своимъ вотчинамъ самовольно; а самое то мѣсто пустынное, Старое Городище нарицаше онъ, Михаилъ, быти дачею вышереченнаго помѣщика, князя Ѳеодора Мустафина, который намъ даде на ту землю сказку, не нарицая своею, но порозжею землею, яже о немъ выше помянухомъ, понеже бо его, князя Ѳеодора, земля есть въ дачахъ на той же рѣчкѣ Сатисѣ, отъ онаго пустыннаго Городища, отъ устья рѣчки Саровы вверхъ по Сатису, разстояніе имать 20 поприщъ, въ самой близости вотчины его, Михаила Аграмакова, нарицаемаго села Хозина, Арзамасскаго стана, нарицаемаго Подгорнаго; а пустынное Городище и Сарова рѣчка написана Кадомскаго и Темниковскаго уѣздовъ помѣщикомъ и вотчинникамъ въ дачахъ, а не Арзамасскаго, яко же свидѣтельствуютъ о томъ многія писцовыя дачи и крѣпости старинныя.

Того ради многіе отъ помѣщиковъ, овіи, невѣдѣнія ради, мнятъ за истину его, Михаила Аргамакова, глаголы и дачи таковыя за нимъ ему крѣпки, овіи же вѣдаютъ его, яко перваго помѣщика въ Арзамасѣ, во всемъ сильна суща, и не смѣютъ въ тѣхъ урочищахъ звати порозжею землею безъ сказки его, Михаила Аргамакова, яко же и бысть о томъ вещь сицевая.

О препятіи, бывшемъ начатаго дѣла въ сказкахъ.

Егда же взяти намъ сказку у преждереченнаго господина князя Ѳеодора Мустафина, у котораго прѣ-

ніе съ Михаиломъ Аргамаковымъ о дачѣ его, князя Ѳеодора, иже подъ Хозиномъ, и поѣхавшимъ въ село Успенское, хотящимъ взяти тамо сказку у человѣка Михаила Аргамакова, у Никифора Грязева, надѣяхомся паче на него, Никифора, не точію о взятіи сказки, но и вспоможеніе въ томъ нашемъ дѣлѣ чаяхомъ: зѣло бо онъ прилежаше къ мѣсту тому пустынному, а наипаче ко мнѣ имѣя любовь велію, о коей его любви послѣжде помянутися имать.

И бывшимъ намъ на пути близъ онаго села Успенскаго, не доѣхавъ поприща единаго или мало больше, въ нѣкоей чащѣ лѣса быхомъ; и, Божіимъ промысломъ, абіе усрѣтохомся съ нимъ, Никифоромъ, на пути въ той чащѣ лѣсной, грядущу ему, ради управленія вотчинныхъ дѣлъ крестьянскихъ, въ село Хозино; и ставшимъ намъ ту, абіе свопросихомся между собою и повѣдахомъ вину свою, ея же ради къ нему намъ грядущимъ, яко требуемъ указъ исполнити о землѣ пустынной на строеніе церкви и сказку о томъ у него взяти. Тогда онъ, Никифоръ, зѣло наше начатое дѣло похваляше, его же и самъ желаше, сказку же дать отрицашеся, извѣщая ту землю быти своего господина Михаила Михайловича Аргамакова, того бо ради, глаголя не возможно сказки ему дати. Мы же слышавше отъ него сіе, и воспящены бывше отъ намѣренія нашего, зѣло уныхомъ, понеже бо безъ сказки его, Никифора, отъ помѣщиковъ никто же дерзнетъ дати; и просихомъ у него, Никифора, о томъ совѣта и споможенія. Онъ же, не вѣдая что сотворити намъ, таже по многомъ разговорѣ и совѣтѣ рече намъ сице: азъ бо зѣло о семъ мѣстѣ желаніе имѣю, да будетъ тамо церковь Божія, и, ради сего дѣла, чтобъ препятіе ему ни въ чемъ

не было; и сего ради хощу вамъ дати за своею рукою сказку, ради прочихъ помѣщиковъ, да, зряще бы на оную мою сказку, давали вамъ сказки; токмо за словомъ симъ, егда совершится сыскъ, чтобъ тая его сказка въ дѣло произведена не была, и тако будетъ то ваше дѣло благопоспѣшно вамъ, и азъ отъ господина своего въ томъ не пріиму гнѣва. И тако купно присовѣтовавши о семъ, абіе ради насъ, возвратися онъ, Никифоръ, въ домъ свой и, бывши у него въ дому, написа намъ сказку, яко же прилично, и, заручивъ своею рукою, даде намъ, напутствовавши насъ, отпусти съ миромъ, желая весьма, чтобъ начатое наше дѣло конецъ воспріяло. Мы же видѣвши таковая Промысломъ Божіимъ чинимая, прославихомъ Бога, строящаго таковая. И егда намъ съ тою Никифоровою сказкою бывшимъ у всѣхъ господъ, тогда они, господа, взирающе на ту сказку, вси безъ всякаго препинанія съ радостію и со тщаніемъ многимъ писаша сказки своя по образу первыя сказки Ѳеодора Головачева и, заручивши, отдаваху намъ. И бысть всѣхъ сказокъ 21. И совершивши сыскъ, пріидохомъ паки въ Арзамасъ, благодаряще Бога, строящаго таковая.

О строеніи часовни вновь на преждереченномъ мѣстѣ, идѣже бѣ прежде построена, въ ней же поставленъ образъ распятія Христова.

Егда же сыскъ и сказки въ Арзамасъ привезены быша, и отказныя книги написаны быша, и за нѣкими нуждами подъячимъ были не подписаны, въ тоежде время изъ Арзамаса азъ паки поидохъ въ пустыню и помыслихъ паки обновити часовню ону, яже прежде была на Темниковской большой дорогѣ, на рѣчкѣ Сатисѣ. И

вземъ пустынныхъ монаховъ, и построихъ тамо часовню вновь, и поставихъ въ ней паки преждереченное распятіе Господне и, совершивъ ту часовню, паки Введенскій монастырь отъидохъ. Сіе же бысть въ лѣто 1705, Ноября въ 6 день.

О желательномъ тщаніи къ справкѣ земли и къ строенію въ пустынѣ сей церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Источника, нѣкихъ монаховъ изъ разныхъ монастырей.

Егда бо о оной пустынной землѣ и о строеніи церковнемъ начинашеся дѣло, и взяты быша указы, и сыскъ чиненъ бысть, тогда Божіимъ наставленіемъ вси людіе, слышавши и видѣвши произведеніе о церкви святой дѣла, абіе зѣло возжелаху то въ самомъ совершеніи зрѣти; нѣцыи же и отъ монаховъ иныхъ монастырей зѣло желательно хотяху всячески тому дѣлу сами, никіимъ же наставленіемъ поощряемы, спомоществовати, тое ихъ желаніе чрезъ писанія къ намъ объявляюще и просяще насъ, чтобъ ихъ, по желанію, къ намъ для вспоможенія присовокупленія сподобить.

О усердномъ тщаніи о справкѣ той же земли подъ вышереченную церковь и о желаніи строенія той церкви Московскаго Николаевскаго прихода, что въ Кошеляхъ, дьячка Кирилла Матѳеева.

Егда же азъ съ граматою князя Даніила съ Москвы пріѣхалъ, приказахъ же по себѣ на Москвѣ за дѣломъ о справкѣ земли ходити преждереченному сво-

ему постриженнику, іеромонаху Аврамію и сему Николаевскаго прихода, что въ Кошеляхъ, дьячку Кириллу. И иріѣхалъ азъ въ Арзамасъ Августа въ 15 день 1705 года, и сыскъ оный о землѣ и отказныя книги яко же лѣпо совершишася, точію, за рукою подъячаго, еще не отправлены и въ приказъ были не отданы; и прочія иныя нѣкія нужды постигоша; а наипаче ради онаго поступщика, князя Даніила Кугушева, что онъ въ та времена былъ на службѣ Великаго Государя, и стать ему въ Арзамасѣ, въ приказѣ къ допросу, руку приложить о поступкѣ своей не возможно; и продолжися то дѣло даже до 1706 и 1709 годовъ, донелѣже онъ, князь Даніилъ, съ службы пріѣхавъ, въ Арзамасѣ, въ приказѣ сталъ къ допросу и руку о поставкѣ своей приложилъ.

Въ та же времена, егда сыскъ о землѣ чинися, и часовня вышереченная строена бяше, тогда на Москвѣ вышереченный постриженникъ мой, іеромонахъ Аврамій дѣло о справкѣ церковной земли, еже приказано ему было отъ мене, остави. Кириллъ же, дьячекъ, Божіимъ благоволеніемъ и наставленіемъ, не остави, но со многимъ тщаніемъ и прилежаніемъ нача о томъ и со многимъ тщаніемъ неотступно къ тѣмъ, къ князю Иларіону и къ поступщику, князю Даніилу Кугушевымъ, и прочимъ инымъ господамъ, и въ приказъ къ судіямъ нача ходити и съ прилежаніемъ просити; коимъ прилежнымъ своимъ тщаніемъ исходатайствова указы; и та земля стараніемъ его бысть справлена. И по справкѣ той абіе изъ Приказу Казанскаго Дворца въ Патріаршъ Приказъ память послана. И о семъ его тщаніи въ вышепоказанномъ дѣлѣ явственно оказуется чрезъ письменныя его бывшія пересылательства изъ Москвы къ намъ въ Арзамасъ, писанныя неоднократно.

О замедленіи отказныхъ книгъ во отправленіи, о поѣздкѣ за Волгу ко обратившимся отъ раскола, о полученіи изъ Патріарша Казеннаго Приказа о строеніи церковномъ благословенной граматы и о выходѣ изъ пустыни монаховъ.

Егда же по граматѣ князя Даніила въ Арзамасѣ о землѣ произведеся искъ, и ко отказнымъ книгамъ посторонніи люди руки приложили, точію откащикъ, подъячій Мартыновъ руки не приложилъ и, за нѣкими нуждами приказными, умедли тѣ книги закрѣпить и отдать въ Приказъ къ совершенію, продолжися тако быти до мѣсяца Ноября 21 числа тогожъ 1705 года. Въ тожъ число, по Божію промыслу, абіе пріѣхалъ въ Арзамасъ и ко мнѣ въ Введенскій монастырь пріиде изъ-за Волги преждереченный бывый раскольникъ, монахъ Филаретъ съ подругомъ своимъ преждереченнымъ Іоанномъ Дмитріевымъ, прося и моля мя неотступно, да поѣду азъ къ нимъ за Волгу со Святыми Тайнами и со всякими потребы, чтобъ ихъ съ прочими многими обратившимися отъ раскола присоединить ко святѣй церкви и, исповѣдавши, причастить Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Господней. Тогда азъ удивихся толь великому и человѣколюбному промыслу Всесильнаго Бога зѣло попремногу, како всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истинный прити и толь щедро, любезно на сихъ заблужденныхъ сущихъ въ разумѣ призрѣ и познаніемъ истины ихъ облиста разумѣніе. И зѣльнымъ желаніемъ объятъ быхъ, еже исполнити ихъ прошеніе. Бѣ бо онъ, Филаретъ, егда прежде у мене бысть Введенскомъ монастырѣ, разглагольствова со мною довольно о Православіи; и, пріявъ въ сердце свое вся глаголанная отъ

мене разсудно, возвѣсти, шедъ, своимъ съ нимъ единомысленнымъ отъ мене слышанная, нарицая себе и всѣхъ сущихъ съ нимъ прельщенныхъ и отъ истины благочестія себе отдаленныхъ; таковая и симъ подобная къ нимъ глаголами простирая, всѣхъ бывшихъ съ нимъ учениковъ и другихъ многихъ къ познанію истины приведе и прежняго ихъ заблужденія каятися сотвори. И тако, егда вси обратишася, возжелаша купно со онымъ Филаретомъ соединитися православнымъ и, исповѣдавшися, причаститися Святыхъ Таинъ, а наипаче же восхотѣша у себе, гдѣ они пребываху, на мѣстѣ построенной быти православной церкви. И сего ради онъ, Филаретъ, по совѣту ихъ, нача тогда о строеніи церкви попеченіе имѣти, како бы той построенной у нихъ быти. И желаше паки ко мнѣ пріити и о семъ совѣтъ пріяти. И егда ему время приспѣ, еже бы ко мнѣ ради того совѣта пріити, не получи мене: въ то бо время, мѣсяца Іюнія въ 21 день, азъ ради справки земли пустынныя отъѣхалъ къ Москвѣ. Тогда оный Филаретъ, не получивъ мене въ Арзамасѣ, къ Москвѣ пути ятся, ради вышеписаннаго со мною о строеніи церкви совѣта. Но и тамо, тако Богу благоволившу, мене не получи: ужебо азъ паки возвратихся въ Арзамасъ. И егда онъ, Филаретъ, пришедъ къ Москвѣ и бывъ въ Чудовѣ монастырѣ у нѣкоего монаха, именемъ Дамаска, иже бѣ другъ любовный мнѣ, и отъ него увѣдавъ, яко уже азъ въ Арзамасъ съ граматою поидохъ, абіе той нача тужити и скорбѣти о поѣздѣ моемъ съ Москвы и абіе повѣда вину своего скорбѣнія; таже свое и прочихъ съ нимъ обращеніе и о строеніи церковнемъ намѣреніе свое явѣ сотвори тому монаху и вся бывшая о мнѣ съ начала возвѣсти поряду. Тогда оной монахъ, вся

сія слышавъ отъ него, утѣши его отъ скорби, повелѣвая ему у себе въ кельѣ быти и возвѣстивъ про дѣло его Филаретово въ томъ же Чудовѣ монастырѣ печатнаго двора справщику, монаху Ѳеологу, Флорищевской пустыни постриженнику. Той же возвѣсти о немъ Дворцоваго Приказа судіи. Той же, призвавъ его, Филарета, къ себѣ и увѣдавъ вся бывшая, абіе, промысломъ Великаго Бога, воспріемъ о его дѣлѣ попеченіе, повелѣ дати землю подъ строеніе церковное, написати въ книгу и память въ Патріаршъ Казенный Приказъ послати И сему тако бывшу, взявъ онъ, Филаретъ, отъ архіерея о строеніи томъ церковномъ благословенную грамату, возблагодари о томъ зѣло Всесильнаго Бога. Возвратися во-свояси и повѣда имъ вся бывшая содѣянная отъ Божія промысла, и яви имъ о строеніи церковномъ благословенную грамату. И вси о томъ паки купно прославиша Бога. Таже совѣщавшися съ собою, послаша его, Филарета, ко мнѣ въ Арзамасъ, въ Введенской монастырь, яко же о томъ выше речеся, просити мя о пришествіи моемъ къ нимъ со Святыми Тайнами и со всѣми потребы. Тогда азъ идохъ тогожъ города Арзамаса въ Спасской монастырь, ко архимандриту Павлу и повѣлахъ о немъ, Филаретѣ, вся подробно. Онъ же, слышавъ, такожде прослави Святаго Бога, творящаго таковая, и повелѣ мнѣ къ нимъ ѣхати немедленно. Тогда азъ, оставивъ вся своя о церковной землѣ бывшія дѣла и не совершивъ своихъ отказныхъ книгъ, оставихъ ихъ у того откащика Ѳеодора Мартынова и поидохъ съ нимъ, Филаретомъ, къ нимъ за Волгу мѣсяца Ноября въ 22 день. И бывъ у нихъ съ недѣлю, исповѣдахъ и причастихъ ихъ Святыхъ Таинъ въ монастырѣ, зовомомъ у Спаса, иже на Кезѣ. И хотя

вспять возвратитися совершити отказныя книги, и ѣхати съ ними къ Москвѣ, тогда онъ, Филаретъ, съ прочими нача молити мя, глаголюще: якоже чрезъ твое ученіе мы истины познаніе воспріяхомъ, такожде и впредь отъ тебе учителя и наставника неотступно быти желаемъ. Тогда, видя себе азъ принуждаема, паче же связанна и не отрѣшима быти прошеніемъ, зѣло оскорбихся и недоумѣвахъ что сотворити, не вѣдая о коемъ дѣлѣ болѣе попеченіе имѣти,—о нихъ ли пещися, или свое начатое дѣло совершити; и отрицахъ ихъ прошенію быти: не удобно, глаголя, тому быти, еже о нихъ попеченіе наставленіемъ и ученіемъ творити, имуще уже начатое дѣло оставлено быти; и повелѣвахъ имъ себѣ иного учителя и наставника поискати изъ братіи; и донелѣже изобрящутъ, обѣщахся ихъ не оставляти, но къ нимъ, свое управивши дѣло, временно пріѣзжати. Тогда они вси, о семъ зѣло прискорбни бывше, молиша мя, да купно съ нимъ, Филаретомъ, не бывъ отъ нихъ въ Арзамасѣ, ѣду къ Москвѣ, ради ихъ вящшаго къ познанію обращенія. Тогда азъ, не хотя ихъ оскорбити, обѣщахся тако сотворити. И абіе преждереченнаго новообращшагося бѣльца и подруга Филаретова Іоанна Дмитріева послахъ изъ-за Волги въ Арзамасъ ко архимандриту Павлу и ко ученику своему Аѳиногену, возвѣщая имъ вся бывшая. И по отъѣздѣ своемъ отъ нихъ, въ Москвѣ чрезъ писаніе ученику своему повелѣвахъ книги своя отказныя у откащика Мартынова взяти и вершити, и прислати немедленно съ нимъ, Іоанномъ Дмитріевымъ, за мною къ Москвѣ, у архимандрита же письмо ко мнѣ взяти. Тогда онъ, откащикъ, книгъ ему, Аѳиногену, не отдаде. И дѣло бысть не вершено и отъ того числа продолжися даже до лѣта

1709. Въ тоже время, егда бывшу ми за Волгою у новообращшагося монаха Филарета, тогда въ нашей пустынѣ монахъ Филаретъ, бывый, нарицаемый Безрукой, и монахъ Геласій,—въ пустынѣ бывшіе постриженники,—по діавольскому наученію, стужившися, изъ пустыни вышли, яже бо о всемъ томъ преждереченномъ изъявляется въ посланномъ отъ ученика моего Аѳиногена ко мнѣ въ Москву писаніи.

О поѣздѣ изъ-за Волги къ Москвѣ и о заѣздѣ въ Переяславль Залѣсскій, въ Николаевскій монастырь къ строителю Питириму.

Егда же причастивши тѣхъ новообращшихся Филарета съ прочими,—ихъ-же человѣкъ съ тридцать и больше бяше,—въ вышеписанномъ монастырѣ у Спаса на Кезѣ и распустивши новообращшихся паки во-свояси, азъ же съ единемъ точію новообращшимся Филаретомъ поидохомъ къ Москвѣ. И егда бѣхомъ во градѣ Переяславлѣ, пріидохомъ въ монастырь Николаевской, нарицаемый на Болотѣ [1]), къ строителю, именемъ Питириму, мужу искусну сущу въ Божественномъ Писаніи, иже бо прежде ему, Филарету, знаемъ бяше. Тогда онъ, Питиримъ, о пришествіи нашемъ къ нему зѣло обрадовася и упокои насъ всячески; и бесѣдовахомъ съ нимъ много о всемъ, паче же о новообращшихся. Похваляше бо онъ зѣло сіе дѣло ихъ, нарицая быти Божіе, и укрѣпляше мя къ нимъ, да не оставляю азъ ихъ, но да всегда съ ними быти неотлучно, повелѣвая уче-

[1]) Мужской, заштатный (съ 1764 г.) монастырь при г. Переяславлѣ, Влад. губ., въ одной верстѣ отъ оз. Плещеева, основанъ въ XIV в. препод. Димитріемъ Прилуцкимъ. (Звѣринскій, т. II, стр. 220). Прим. редакт.

ніемъ и духовностію, ибо, рече, ты—приведый ихъ ко обращенію; и зѣло о семъ дивляшеся, чему и самъ ревноваше и желаше тамо въ страны ихъ идти и ко обращенію прочихъ, прелестію прельщенныхъ, наставляти и учити къ познанію истины. Но не у, рече, время мнѣ прежде бяше, нынѣ же есть. Тогда азъ видѣхъ его, Питирима, искусна во всемъ, познахъ его желаніе и тщаніе къ таковому дѣлу, а наипаче же, къ новообращшимся тѣмъ, Филарету съ прочими любовь имѣя, можетъ ихъ управити всячески, начахъ его азъ молити и просити, да идетъ тамо нынѣ и воспріиметъ ихъ и всяко о нихъ да имѣетъ вмѣсто мене попеченіе. Мнѣ бо, рекохъ къ нему, всячески нынѣ не возможно у нихъ быти, начатаго ради своего дѣла пустыннаго, о землѣ и о церкви промысла бывшаго. Онъ же, Питиримъ, отрицаяся тогда такожде всячески отъ того дѣла, воспоминая своего монастыря зачатое церковное каменное строеніе, въ то время тогда бывшее, и всячески рече, не возможно ему отлучитися отъ того церковнаго дѣла, дондеже совершится. И повелѣваше онъ мнѣ о тѣхъ новообращшихся и о бывшихъ дѣлахъ ихъ донести архіерею. И тако отъидохомъ отъ него и поидохомъ къ Москвѣ, и пріидохомъ Декабря 15 дня, возвѣстивъ о немъ, Филаретѣ и о прочихъ,—о обращеніи ихъ и исповѣданіи и причащеніи преждереченному справщику, монаху Θеологу, да имать о нихъ всякое попеченіе. Архіерею же, тако изволившу Богу, тогда ничто же о нихъ возвѣстихъ, но тщаніе всячески имѣхъ токмо о своей пустынной церкви и землѣ, како то дѣло во основаніе могло пріити.

О поданіи челобитной въ Казанской Приказъ объ отказной граматѣ подъ церковь и о полученіи по прежденоданной челобитнѣ за подписаніемъ руки архіерейской благословенной граматы.

Тогда, егда быхомъ у вышеписаннаго справщика, монаха Ѳеолога, тогда онаго со мною бывшаго Филарета дѣло его поручихъ въ попеченіе и стараніе его, монаха Ѳеолога. Азъ же начахъ пещися о совершеніи зачатаго своего дѣла. И пріидохъ къ вышеозначенному дьячку Кириллу Матѳееву Декабря въ 16 день, и вопросихъ его о дѣлѣ своемъ. Онъ же сказа мнѣ, яко сего Декабря въ 6 день подана въ Приказъ Казанскаго Дворца просьба о отказѣ земли подъ церковь Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, на которой помѣчено, чтобъ тую поступную князя Данилову землю отказать къ той церкви Божіей.

Тогда видѣхъ азъ сіе дѣло, прославихъ и благодарихъ человѣколюбца Бога, строящаго таковая, такожде благодарихъ попремногу и того дьячка Кирилла за премногое его таковое тщаніе и любовь нелицемѣрную къ церкви и къ намъ; и идохъ съ нимъ къ подъячему, у него же бяше дѣло, еже бы написати отказную грамату. Но обаче за другими нѣкими приказными дѣлами, въ писаніи умедлися чрезъ многое время, даже до Генваря 23 дня 1706 году.

Въ то же время умедленное начахъ азъ пещися и ходити въ Патріаршъ Казенной Приказъ за преждереченнымъ первоначальнымъ дѣломъ, по преждереченной подписной архіерейскою рукою о строеніи церкви челобитнѣ, которая отдана въ Патріаршъ Казенной Приказъ, просити благословенныя граматы. О чудесе пре-

ливнаго! Егда бо прежде о той граматѣ просихомъ не точію азъ, но и прочіи многіи именитые люди, ходяще къ казначею Тихону Макарьевскому и къ вышереченному подъячему, у него же за архіерейскою рукою та полписная челобитная, но ничтоже успѣхомъ, но паче болѣе сердце ихъ ожесточашеся, и весьма отъ того дѣла отказали, егда же, здѣ нынѣ пришедшу ми въ Патріаршъ Казенной Приказъ и къ подъячему оному, о дѣлѣ ономъ воспомянухъ и о граматѣ просихъ, и за труды обѣщахъ, тогда умягчися его сердце, и нача благопріятство оказывать, и обѣщася то дѣло сотворити, и абіе по семъ немедленно, по преждереченной первой за архіерейскою рукою подписанной челобитнѣ написа благословенную грамату и не точію написа о строеніи, но и о освященіи, о чемъ и въ прошеніяхъ нашихъ отнюдь не написано.

О написаніи отказныя граматы и о явленіи ея въ Арзамасѣ архимандриту Павлу, и о умедленіи отказа земли ради неставки къ допросу поступщика, князя Даніила Кугушева.

По взятіи же благословенныя о церковномъ строеніи граматы, наставшу уже 1706 году, Генваря въ 7 день вышеписанный подъячій Ѳеодотъ Бѣляевъ противъ вышереченной челобитной написа отказную грамату о церковной землѣ, еже отказать ту вышеписанную поступную князя Данилову землю подъ церковь Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и монахомъ на пропитаніе. И вземъ сію грамату, такожде противъ реченной благословенной о церковномъ строеніи граматы вземъ антиминсъ ко освященію церкви и рас-

писахся въ немъ Генваря въ 7 день, и поидохъ съ Москвы въ Арзамасъ Генваря въ 29 день, благодаряще Бога. И положихъ отказную грамату въ приказѣ предъ воеводу, благословенную же грамату Спасова монастыря, на него же имя написано въ ней освященіе церкви, архимандриту Павлу. Тогда архимандритъ, слышавъ и видѣвъ сіе бывающее отъ промысла Божія, удивися попремногу зѣло, яко нечаянному сему дѣлу быти. И о семъ купно благодарихомъ Бога. И подаде ми благословеніе и отпусти мя въ пустыню на зачатіе строенія святыя церкви со всякою радостію и веселіемъ многимъ. И вскорѣ начато бысть то Божественное дѣло и въ малѣмъ времени совершися.

Отказныя же вышереченныя граматы егда поданы быша въ приказѣ, тогда отъ того времени, отнелѣже поданы быша по совершеніи сыска вскорѣ, кромѣ самаго постановленія княжескаго, тако изволившу Богу, производящу на лучшая, тогда то дѣло безъ самого не вершися, а за князя Даніила и подъ церковь многое время земля не отказана быша, за нѣкими препятіи, яко же прежде о томъ речеся въ Филаретовомъ обращеніи, а потомъ паче за княземъ Даніиловымъ допросомъ и свидѣтельми, что онъ былъ на службѣ и безъ него самого въ приказъ пріѣзда по указу Государеву вершить не сталъ. И продолжися то дѣло даже до 1709 года, яже о томъ продолженіи уже бяше строена оная церковь Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и прочее строеніе пустынное; изъявляютъ посланія преждереченнаго ученика, іеромонаха Аѳиногена, тогда въ городѣ Арзамасѣ, Введенскомъ монастырѣ бывшаго. И сего ради по сему свидѣтельству оставися то дѣло и сыскъ, и отказныя книги не закрѣплены,

дондеже поступицикъ, князь Даніилъ со службы пріѣхалъ и въ Арзамасѣ къ допросу сталъ въ лѣто 1709, Декабря 19 дня, и тогда совершися конечно.

О приходѣ съ граматою въ село Кременки и о объявленіи ея всѣмъ ту крестьяномъ.

Лѣта 1706 году, Февраля въ 1-й день, егда пріѣхалъ азъ съ граматами въ Арзамасъ и явихъ ихъ, яже выше о томъ писася,—отказную грамату въ большомъ приказѣ воеводѣ, благословенную же—въ Спасскомъ монастырѣ архимандриту Павлу. Тогда видѣвши сіе Божіе бываемое дѣло, архимандритъ Павелъ и вси прежде поношащіе врази умолкоша; и бысть тишина и миръ многъ. Таже вземъ у него, архимандрита, благословеніе и идохъ съ тою данною благословенною граматою во свою пустыню. Таже тогожъ Февраля мѣсяца идохъ съ тою граматою въ село, нарицаемое Кременки, и на боярской дворъ, хотя ю явити старостѣ и цѣловальникомъ, и всѣмъ того села крестьяномъ, да извѣстно всѣмъ будетъ, яко по указу Государеву и по благословенію архіерейскому церковное строеніе. Бѣ же то мѣсто Старое Городище прежде во обладаніи ихъ бяше не по крѣпостямъ, ниже по какимъ дачамъ помѣщиковъ ихъ; но силою своею обладающе тѣмъ мѣстомъ пустыннымъ и прочими окрестными его угодьями и лѣсомъ всѣмъ. Точію нѣцыи отъ нихъ, крестьянъ, немногіе люди у кадомскихъ мордвъ, нанявши на урочные годы бортные ухожаи изъ оброку, взяша на нихъ купчіи. И по тѣмъ наемнымъ купчимъ и прочіе вси того села крестьяне владѣша тѣмъ лѣсомъ и сѣнными покосами и всѣми угодьями, называюще то мѣсто и весь лѣсъ своимъ

крѣпостнымъ; а никакія крѣпости у нихъ не бяше отнюдь; но бяше то мѣсто и весь лѣсь различныхъ многихъ татаръ и ихъ вотчинниковъ, а не ихъ, яже послѣди о томъ речется. А наипаче отъ того пустыннаго мѣста за пять поприщъ къ тому самому селу Кременкамъ нѣкія урочища, нарицаемыя Пароватово, Крутое, Рузаново и прочія же на нихъ (?). На Крутомъ половина села крестьянъ поселена бяше; а на Рузановой деревня; ихъ же стояху Государевы оброчныя мѣста; и за ту землю, яже они, крестьяне, поселены бяху, которою землею и поляны съ сѣнными покосы они прежде сего изстари обладаху, дающе Государю въ казну во градѣ Каломѣ по вся года по 20 рублевъ на годъ оброку и тако ими владѣюще, испервa купно всемъ селомъ многіе годы оброкъ плотяше. Бѣ же въ селѣ томъ Кременкахъ обладающе тогда два помѣщика, и двѣ части бяху: едина часть Долгоруковыхъ, князя Василія, Ѳеодорова сына, другая—Андрея Иванова, сына Леонтьева; на оброчныхъ тѣхъ мѣстахъ ихъ крестьяне поселены быша. Таже Андрею Леонтьеву быти улучися время: вземъ указъ Государевъ подправи вышеписанныя оброчныя мѣста, еже одному ему за тѣ урочища оброкъ платити и владѣти ими безъ перекупки; и сего ради и на той пустоши Рузановой насели крестьянъ деревню. И того ради весьма тогда строитися монахомъ на ономъ мѣстѣ отъ Леонтьевыхъ не свободно бяше. Таже егда въ лѣто 1703 года состояся Государевъ указъ, еже описывать ясашныя земли и на нихъ живущихъ помѣщиковъ крестьянъ отписывать на него же, Государя. Тогда и сіи мѣста, вышереченныя пустоши, нарицаемыя Рузаново и Крутое, съ прочими урочищи и съ крестьяны, яже поселены на нихъ быша, отписаны бяху на Го-

сударя. И отъ того времени, отъ 1703 года до 1706, Апрѣля до 20 числа тѣ мѣста и на нихъ крестьяне быша за Государемъ и оброку платиша не боярину, но Государю, всемъ лѣсомъ обладающе, аки Государевымъ. И тако помѣщиковымъ того села крестьяномъ, Долгоруковымъ и Леонтьевымъ тогда весьма то владѣніе того мѣста пустыннаго пресѣчеся, и строитися монахомъ на немъ тогда свободно бяше. Ибо помѣщики Леонтьевы всякимъ образомъ тогда начаша потщаніе паки имѣти, еже тѣ оброчныя пустоши съ прежде бывшими своими крестьяны паки возвратити во владѣніе свое попрежнему, еже бысть. Въ лѣто бо оно 1706-е, егда начинашеся въ пустынѣ церковь Божія, они, помѣщики Леонтьевы, о поворотѣ тожъ били челомъ Государю, чтобъ за себя тѣхъ своихъ крестьянъ и съ землею подправити паки попрежнему, и на всякой годъ вмѣсто 20 рублевъ платити начаша оброку рублевъ по сороку. Но уже церковнаго строенія воспятити они отнюдь не могоша, яко же послѣди о томъ будетъ речено, здѣ же о семъ точію будетъ изъявлено. И егда азъ пріидохъ въ то село Кременки съ граматою благословенною, явихъ ю и чтохъ ту грамату Государевымъ и помѣщиковымъ крестьяномъ, тогда вси боярскіе люди и крестьяне, слышавши ту чтомую грамату, аще и врази вси быша, но убояхуся Государева указа и ничтоже противъ рекоша, понеже бо тогда обладаніе того мѣста отъ нихъ явно по Государевому указу отъяся. А отписанные на Государя крестьяне вси о строеніи пустынномъ рекоша, Богу тако восхотѣвшу, зѣло желающе и всякое споможеніе о томъ творяще. Точію онаго Леонтьева старостa единъ прещаше, строитися не велѣ; но и той точію господину своему угождаше, едино точію слово глаго-

лаше еже не строитися, самою же вещію страхомъ одержимъ бяше; и никоего же препятія творити можаше бѣ бо аще о поворотѣ тѣхъ вышереченныхъ мѣстъ оброчныхъ указа у нихъ не взято бяше, сего ради дерзновенія прежде никоего же рещи имяше; и тако ниже отрицаше, ниже повелѣваше. Отписанные же на Государя крестьяне немедленно ко строенію понуждаху; а наипаче первый отъ нихъ крестьянинъ, иже бы тогда по указу Государеву староста, именемъ Андрей, Никитинъ сынъ, прозваніемъ Долинъ, паче всѣхъ о церковномъ томъ строеніи зѣло попеченіе имяше и пререкующимъ возбраняше, самъ же съ прочими всяко попеченіе и споможеніе творяше, яко же о семъ изъявлено будетъ здѣ сице.

О зачатіи строенія церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, о знаменіи мѣста на основаніе ея и о своженіи на мѣсто оно бревенъ.

Тогда азъ оставихъ оныхъ боярскихъ крестьянъ Леонтьевыхъ и, пришедъ на другую часть села того, къ Долгоруковымъ крестьяномъ, подрядихъ единаго отъ нихъ, крестьянина съ дѣтьми, именемъ Андрея, Лазарева сына, прозваніемъ Зимняка, на церковь рубить бревна.

Мѣсяца Февраля въ 22 день начаша ихъ рубити и вырубиша ихъ, яко же къ тому дѣлу быти довольно; и пекохся, како бы ихъ перевозити на мѣсто. Таже начахъ мыслити, на которомъ бо мѣстѣ благоволитъ Богъ основанной быти церкви: или на источникѣ, яко первѣе хотѣхъ на немъ, идѣже бѣ прилично таковому храму быти, или на самой горѣ, вверху, ради удобства къ се-

ленію монастыря, основатися та церковь имать быти Въ тѣхъ же числахъ, яже о семъ попеченіе имѣхъ, Марта въ 3 день пріиде въ пустыню, Арзамасскаго уѣзда, изъ деревни, нарицаемыя Дурнихи, нѣкій крестьянинъ, именемъ Борисъ Ивановъ, прозвищемъ Ржевитинъ, которой прежде бѣ въ пустынѣ, живя со Иринеемъ монахомъ въ лѣто 1703 году: его же онъ, Иринеи, научи и приведе его къ познанію истины; таже и по смерти его, Иринея, въ 1705 году со мною бѣ и о церковномъ строеніи въ совѣтѣ помогаше мнѣ. Той бо Борисъ, егда пріиде въ пустыню того мѣсяца Марта въ 3 день, приведе съ собою нѣкоего юношу 19 лѣтъ, именемъ Ѳеодота. Родомъ бѣ поповичъ; рожденіе бо его, Ѳеодота, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ селѣ, нарицаемомъ Ючѣ; писанію наученъ бѣ, нравомъ же и лицомъ смиренъ и кротокъ. Со многими слезами моли и проси, еже пріяту ему быти и жити въ пустынѣ сей и постричися во иноческій образъ. И пріятъ бысть и начатъ жити благоискусно зѣло, чесо ради послѣжде постриженъ бысть и нареченъ во иночествѣ Ѳеогностъ. Благоугождая Богови, вкупѣ вси совѣтовахомъ о церковномъ томъ созиданіи и о прочемъ, а наипаче о настоящемъ дѣлѣ, о основаніи церкви. И быхомъ въ недоумѣніи велицѣмъ, и сѣдохомъ. И абіе въ то время нечаянно, аки званъ отъ Бога, пріѣхалъ въ пустыню Арзамасскаго уѣзда изъ села Ѣздакова господинъ Ѳеодоръ Васильевъ, сынъ Головачевъ нарочно къ тому церковному строенію, посѣщенія ради; и въ томъ онъ, яко воли Божіей тако приспѣвшей, совѣтовася съ нами и съ прочими прилучившимися ту многими человѣки о мѣстѣ основанія церкви. И присовѣтоваша вси, яко да будетъ основаніе ея на самой той горѣ. И велѣ онъ, Ѳеодоръ, своимъ лю-

демъ бревна возити. И вывезоша бревенъ двадесять и три; и паки во-свояси возвратися. Таже по семъ, Божіимъ наставленіемъ, онаго села Кременокъ и прочихъ деревень крестьяне ради святыя церкви къ намъ благотвореніе не малое показали, пріѣхавши на лошадяхъ, и кождо ихъ по силѣ своей тщаніе и трудъ возымѣ; бревна, которыя вырублены на строеніе церкви, не во многіе дни вывезли изъ лѣса на мѣсто, идѣже начася здатися Апрѣля мѣсяца 28 числа.

О основаніи и рубленіи церкви Пресвятыя Богоматери.

Егда же Божіимъ поспѣшеніемъ вывожены быша бревна къ строенію церковному, тогда помышляхъ како бы основати ю, но не бяше мастеровъ, ибо, за скудость, не на что бѣ тогда наняти плотниковъ. И быхомъ о томъ въ недоумѣніи. Таже помыслихъ съ братіею своею пустынною, еже основаніе зачати и рубити самимъ; и егда намѣреніе положихомъ, еже бы основаніе сотворити тоя церкви Апрѣля мѣсяца въ 28 день, (и пришедшу тому дню), мыслихомъ, еда кто на основаніе къ молебному пѣнію отъ священниковъ пріѣдетъ. И пришедшу 27 дню, пріиде къ вечеру изъ Темникова и изъ Арзамаса два священника и діаконъ и съ ними нѣцыи отъ простыхъ крестьянъ. И, сіе видѣвше, возблагодарихомъ Бога. И пришедшу назначенному оному числу, молебное пѣніе по чину церковному на мѣстѣ, идѣже быти основанію, сотворше. И начаша съ пришедшими своима рукама основаніе полагати и, срубивши единъ вѣнецъ, укрѣпихомся пищею, благодаряще Бога и Пресвятую Богородицу. И тако отъ того дня начася та святая церковь созидатися руками нашими и прочими Христолюбивыми человѣки различными, въ то время ни-

кимъ же званными, яже отъ нихъ во объявленіи нижеписанномъ сице речеся.

О приходящихъ изъ разныхъ селъ многихъ человѣцѣхъ къ рубленію той церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и прочаго пустыннаго строенія дѣлу.

Егда же созидающейся той церкви, тогда Божіимъ промысломъ и наставленіемъ во окрестныхъ селахъ и деревняхъ повсюду слухъ о томъ церковномъ строеніи произыде. И начаша къ намъ въ помощь отъ многихъ мѣстъ, селъ и деревень люди приходити и съ нами купно рубити, овы ради пользы своей души работаша туне, ничтоже вземлюще, овы же, мало нѣчто отъ поданнаго намъ Христолюбивыми людьми сребра отъ насъ пріемлюще, яко на деньги по единой цатѣ [1]), иніи—по двѣ, не множайшіи, же и по три пріемлюще на день. И тако помощію Божіею и помощію Пресвятыя Богородицы дѣло то зѣло преспѣваше, работнымъ людемъ, отвсюду множайшимъ приходящимъ и въ препитаніе свой хлѣбъ приносящимъ. Тогда видѣхъ, яко дѣло оное во успѣхъ приходящее, пришедшіи же человѣки на дѣло оное всеусердно желающе, а за работу требующимъ давати уже ничтоже, отслати же ихъ отъ того дѣла тщихъ не хотяще, прискорбенъ быхъ о томъ зѣло, да, ради нашихъ въ скудости и имѣніи недостатковъ, работнымъ онѣмъ мастеромъ за труды не достанетъ, и того ради отъ дѣла престанутъ, или строеніе той церкви продолжится. И недоумѣвашеся о семъ, како и что сотворити

[1]) „Цата“—медаль, носимая нашими предками на цѣпочкахъ (Кн. Щербатовъ. Росс. истор. т. I, стр. 283), гривна. (Ред.).

и на созиданіе то отъ имѣній гдѣ пріобрѣсти. И се абіе въ то время пріиде изъ Арзамаса града преждереченный дружелюбный мнѣ посадской человѣкъ, Иванъ Васильевъ, сынъ Масленковъ, посѣщенія ради; и бесѣдовахомъ съ нимъ о томъ строеніи и благопоспѣшеніи того дѣла. И вотъ помянухъ ему недостатки и скудость въ строеніи томъ ради имѣнія, яко ничтоже дати уже имѣхъ работнымъ людемъ отъ денегъ. Тогда онъ, Іоаннъ, Богу въ сердце его вложившу, даде ми на то церковное строеніе осмь рублевъ денегъ и впредь обѣща даяти даже и до совершенія. Тогда приняхъ отъ него оное даяніе и зѣло купно съ братіею возблагодарихъ Святого Бога и Пречистую Его Матерь, яко во всякихъ потребахъ того святого дѣла не оставлены бываемъ. И тако то дѣло зѣло паче поспѣшашеся. Іоаннъ же, совѣтовавъ намъ во всемъ благопотребно о строеніи того церковнаго зданія и о прочемъ, отъиде во-свояси, обѣщеваюшеся не оставити насъ въ начатомъ дѣлѣ посѣщеніемъ себя къ намъ и подаяніемъ.

О пріѣздѣ изъ села Кременокъ приказнаго человѣка Леонтьева, Трофима Андреева со крестьяны, о злобѣ его, бывшей за церковное то строеніе, и паки о умиреніи его.

Егда же созидашеся паче святая церковь Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и срубишася пять вѣнцовъ, тогда по діаволю наученію въ то время, егда тѣ вѣнцы рубляхуся, пріѣхали въ село Кременки изъ града Кадома подъячій Онисимъ, боярской человѣкъ Леонтьева, нарочно съ Москвы отъ бояръ присланный, ради отказа, о поворотѣ паки къ нимъ

вышереченныхъ отписныхъ пустошей, оброчныхъ крестьянъ ихъ на Государя, яже о томъ выше речено есть во главѣ. (Они, помѣщики Леонтьевы, тогда били челомъ Государю о томъ поворотѣ тѣхъ крестьянъ и пустошей, отъ нихъ отписанныхъ). И противо ихъ челобитья дана имъ Государева грамата, да паки владѣютъ ими и на всякій годъ даютъ по сорока рублевъ денегъ оброку. И сего ради прислана своего человѣка, сего Андрея во градъ Кадомъ, да управитъ о томъ дѣлѣ. И вземъ по указу въ Кадомѣ подъячаго, пріѣхалъ въ ихъ помѣстье, во оное село Кременки за тѣмъ, что по указу и по граматѣ тѣ отписные пустоши и крестьяне оные отказаны паки за нихъ будутъ, чтобъ извѣстно о томъ отказѣ всѣмъ людемъ и крестьяномъ было. И бяше сіе въ томъ селѣ Кременкахъ во оное время, егда церковь созидаема въ пустынѣ бяше. И по отказѣ томъ и по всемъ совершеніи ихъ дѣла отпустивши того подъячаго паки во градъ Кадомъ, онъ, приказной человѣкъ, Андрей, слышавъ про церковное наше то пустынное строеніе, вземъ крестьянъ и поѣхалъ къ намъ въ пустыню въ гордости и хваляся, хотя то начатое церковное дѣло разорити и основаніе разметати, глаголюще яко безъ вѣдома и безъ указа его господина, и ругательно имъ начинаніе то строеніе быти стало.

И пріѣхавъ на мѣсто, идѣже бѣ строеніе, и къ дѣющимъ и трудившимся, ту сущимъ, начатъ поносити и ругати всячески, спрашивая ихъ о насъ, гдѣ есмь, да размещется и разорится при мнѣ отъ него сіе основаніе. Мнѣ же въ то время не прилучившуся у того строенія вкупѣ съ мастерами быти, но отлучихся: бѣ подъ горой въ кельяхъ, бывшихъ пустынныхъ; и паки мнѣ грядущу къ строенію, яко же обыче приходящу

изъ—подъ горы близъ того и трудившихся, слышахъ гласъ шума и вопля великаго отъ него, приказнаго Андрея, къ монахомъ и мастеромъ, трудившимся, и недоумѣвахъ, что есть се, и идохъ абіе на гласъ и вопль оный, хотяще увѣдати бывшее. И егда, узрѣвше мя, трудившіися указаша ему, Андрею, о мнѣ, глаголюще, яко той есть строитель сего дѣла и къ нему, еже хощеши, да глаголеши; тогда онъ, Андрей, узрѣ мя пришедша къ нимъ и миръ дающа, абіе нача ко мнѣ со многою яростію вопити и кричати, нарицая мя господамъ ихъ ругателя и отъ нихъ отщетителя, яко безъ указа и безъ доклада ихъ такое строеніе начахъ, глаголюще, разметати предстоящимъ ту своимъ крестьяномъ повелѣвающе. Тогда азъ не мало въ себѣ оскорбихся о нечаянной пришедшей напасти, недоумѣя, что се будетъ, и не имый что рещи, молчахъ, ничтоже глаголя. Таже въ себе пришедъ, воззрѣхъ къ нему, Андрею, ярящемуся и въ злобѣ велицѣй сущему, и таковая злая глаголющему, рекохъ къ нему сице: якоже волиши, тако и твориши; аще Богъ, Великій Государь и ваши господа о семъ строеніи повелѣша тебѣ сіе глаголати и творити, то твори, еже хощеши: мы бо о семъ никоего нынѣ противленія имѣемъ; аще ли же отъ Великаго Государя и отъ господъ твоихъ сего не повелѣно творити, то ничто же глаголы твои и дѣло успѣти возмогутъ. И абіе съ симъ глаголомъ зря на него, склабяся, вземъ его, Андрея, за руку десную и рекохъ къ нему: сейчасъ нынѣ да умолчимъ, донделе господамъ твоимъ о семъ отпишемъ и рѣшѣніе отъ нихъ воспріимемъ; и паче да идеши во убогую нашу келью, да тамо, что надлежитъ, намъ о всемъ да изрѣчеши. И тогда онъ, Андрей, абіе отъ ярости и отъ гнѣва укротися и,

склабяся, рече ми: поистинѣ да престанетъ нынѣ таковая безвременная злоба наша, яко таковое не мнѣ, но господамъ нашимъ довлѣло бяше. И идохомъ съ нимъ вкупѣ до кельи и пріидохомъ и бесѣдовахомъ, ядохомъ же и пихомъ вкупѣ съ нимъ, и день той веселихомся, разглагольствующе отъ писанія и о пустынномъ житіи. И по довольной бесѣдѣ, отпустихомъ его отъ себе съ радостію и многимъ миромъ во-свояси. И бысть отъ того часа онъ, Андрей, строенію церковному пустынному и намъ монахомъ не малый защитникъ и помощникъ бяше и дружество къ намъ не лицемѣрное имѣя, и часто къ намъ въ пустыню приходити нача, и къ себѣ прося насъ въ домъ, посѣщенія ради. И егда случашеся намъ быти у него въ дому господскомъ въ помянутомъ селѣ Кременкахъ, тогда честно насъ пріимаше и всячески покояше насъ и въ пустыню всякаго хлѣба присылаше. Тогда и крестьяне оные того села Кременокъ его господина Леонтьева, не малые враги строенію тому бывшіе, видѣвше его, Андрея, примиренна зѣло къ намъ бывша, аще и паки за строеніе то ярящеся, но всяко удерживашася отъ озлобленія и, нехотя къ намъ примирившися, Богу тако восхотѣвшу, попремногу мирны бяше и къ строенію тому пустынному приходити начаша и въ дѣлѣ томъ намъ помогаша. По семъ же онъ, Андрей, о строеніи нашемъ вземъ отъ насъ писаніе и къ господамъ своимъ о томъ писаше, всячески насъ защищая и господъ своихъ къ намъ примиряя; и того ради господа его никоего же зла намъ твориша и мирны къ намъ зѣло быша, и тому строенію отнюдь не возбраняху, ниже ему, Андрею, и крестьяномъ возбраняти повелѣваша. Но егда та церковь къ совершенію уже приспѣваше, тогда оные крестьяне сами приходяху къ

созиданію, ови вверху созидающе, ови же внутри дѣлающе, ини же лѣсъ готовяще.

О совершеніи церкви, о поставленіи на ню креста и о чудесномъ бывшемъ потомъ слышаніи звона колокольнаго во время дѣланія главы на той церкви.

Егда же, Божіимъ поспѣшеніемъ, святая церковь Божія, за помощію Пресвятыя Богородицы, совершишеся отъ двадцать осьмаго числа Апрѣлія, кромѣ главы и внутра, до 16 числа Маія. Въ той бо день пѣвше молебенъ, и поставленъ бысть крестъ древяный. И по поставленіи того креста, противъ 17 числа въ нощи слышанъ бысть велій звонъ колокольный, не извѣстно бо гдѣ,—на мѣстѣ ли ономъ, идѣже бѣ церковь, или индѣ гдѣ, точію издаваше ся звонъ. Мнози бо сему свидѣтеліе быша, иже ту прилучившіися ночевати. И въ 17 день, егда нача мастеръ, именемъ Стефанъ Ѳеодоровъ, изъ села Елизарьева, около креста дѣлати главу на церкви той, обивати древяною чешуею и ниже, мастера дѣлаша внутри церкви, и въ самый полдень начася являтися свѣтъ необычный и многій звонъ колокольный, аки бы во многіе колокола звоняцій. И вси ту начаша удивлятися тому звону и, оставивши дѣло, преклоняху часто своя ушеса еже слушати прилежнѣе того звона, гдѣ бѣ и откуда гласъ его исхождаше, но не можаху познати: бяше бо аки издалеча гласъ онаго звона исхождаше. Идѣже бѣ церковь, повсюду того мѣста издаваше ся звонъ; всѣмъ ту бывшимъ слышанъ бѣ надолзѣ, яко часу единому довольну быти слышанія того звона. И удивишася о томъ зѣло, вкупѣ же усладишася отъ слышанія и недоумѣваху, что се есть. Егда же оный

гласъ звона бысть, тогда не бѣхъ азъ съ ними слышащими, но упражняхся въ кельяхъ своихъ пустынныхъ, подъ горою бывшихъ, отъ того мѣста, идѣже бѣ церковь строися, яко двѣ стадіи разстояніе имѣя; и егда же преста слышанный бывати гласъ, тогда азъ по обычаю пріидохъ къ нимъ строящимъ, ничтоже вѣдуще о бывшемъ, и слышахъ ихъ, мастеровъ, о томъ разглаголствующихъ и удивляющихся; и повѣдаша ми о томъ вся бывшая подробно.

Таже начаша повѣствовати они, мастера, и съ ними прилучившійся села Кременокъ крестьянинъ Андрей Долинъ, глаголя сице.

Въ лѣто (1688) мнозіи наши изъ села Кременокъ крестьяне, бывши ради овощу, ходяще по большой Темниковской дорогѣ у глинянаго оврага, слышаша зѣло звонъ велій, не вѣдомо же откуда исходящій, точію къ странѣ сей, идѣже сіе мѣсто ваше, раздаяшеся. Потомъ же послѣди сего времени, мало спустя, прилучися нашего же села двумъ крестьяномъ быти на мѣстѣ семъ, ради лѣсного угодія, ловы творяще; единому имя Петръ, прозваніемъ Сухолясовъ, другому Емеліанъ, прозваніемъ Амай; такожде слышаху звонъ на мѣстѣ семъ, яко издалеча слышанъ, и не разумѣша, откуда исходящій гласъ того звона, но точію прилежно, преклонши своя ушеса, слушаху гласъ его и дивишася о семъ попремногу, откуда сего звона гласъ бысть, и пришедшимъ имъ тогда въ домы своя, всѣмъ въ селѣ нашемъ крестьяномъ повѣдаша о бывшемъ и слышанномъ отъ нихъ звонѣ томъ.

О совершеніи церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и о уготовленіи ея ко освященію различными потребами церковными отъ боголюбивыхъ подателей.

По семъ же совершися святая оная Богородична церковь, отвнѣ и извнутрь изготовлена и украшена дѣломъ мастеровъ, якоже лѣпо бѣ ко освященію, кромѣ сосудовъ, одеждъ и прочей церковной утвари. Въ мѣсяцѣ Іюнѣ, въ 14—15 числѣхъ тогда возвѣщено бысть о томъ Арзамасскому архимандриту Павлу и прочимъ града Арзамаса и уѣзда господамъ и всякихъ чиновъ людемъ, яко изготовлена бысть ко освященію и святитися имать въ 16 день Іюнія, въ недѣлю. И абіе начаша вси готовитися ко освященію тоя церкви и, другъ съ другомъ совѣщающеся, въ путь ѣхати. И паче начаша тщаніе прилагати еже къ той новопостроенной церкви, что нужно бяше быть ко освященію (тоя церкви), церковную утварь удовлѣти и готовити тщашася и приложити вся таковая въ ту церковь,—овы напрестольное одѣяніе, ини же на жертвенникъ, друзіи же ризы, ини же епитрахили, ови же на пречистыя Тайны покровцы и прочія пелены, они же дающе парчи кумачныя и киндяшныя и прочія на всякія церковныя потребы, исполняюще ко освященію.

Но изъ вышеписаннаго села Кременокъ преждереченной приказной Андрей не малое прилагаше тщаніе къ церковному оному освященію; присла бо хлѣба, муки, масла, вина, пива и прочая довольно. Но и крестьяне тогожъ села Кременокъ обоихъ помѣщиковъ приложиша тщаніе веліе; всѣмъ міромъ, собравши хлѣба, сварища у себя въ веси той пиво и привезоша его

въ пустыню; такожде и кійждо отъ себе различно приносяще, ови хлѣбъ печеный, ини же крупы, друзіи же масло и яйца, ини же сусуды различные на потребу и прочая, елика довлѣяше собравшимся на освященіе храма.

О освященіи тоя церкви во имя Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника.

Освятилъ есть селеніе свое Вышній!

Егда же приспѣ день 15 Іюнія, тогда Божіимъ мановеніемъ пріѣхалъ Арзамасскій архимандритъ Павелъ съ прочими своими іеромонахи, и. монахи и съ приходскими священники. Не бѣ же тогда святаго Евангелія напрестольнаго; и привезе съ собою Евангеліе напрестольное старопечатное и вдаде е въ ту церковь, еже и донынѣ есть ту. Таже пріиде Арзамасскаго уѣзда господинъ Ѳеодоръ Даниловъ, сынъ Головачевъ съ домашними своими и привезе съ собою, ради благовѣстія и торжественнаго освященія, 4 колокола и покровцы китайчатые [1]) на святыя Тайны, и епитрахиль, и стихарь, и орарь діаконскій, и различнаго хлѣба, и водокъ, и меду на утѣшеніе братіи. Арзамасцы же посадскіе—Иванъ Сальниковъ привезе покровцы тафтяные [2]) красные и занавѣсь къ царскимъ вратамъ церковнымъ, и одѣяніе на жертвенникъ и стихарь выбойчатые [3]) желтые; Михаилъ Патрикеевъ Милютинъ—покровцы тафтяные же красные; Ѳеодоръ Яковлевъ,

[1]) Китайка—шелковая ткань, особый родъ тафты. (Ред.).

[2]) Тафта—тонкая, гладкая шелковая матерія. (Ред.).

[3]) Выбойка—крашеный холсть съ набивнымъ узоромъ. (Ред.).

сынъ Цыбушевъ съ матерью своею Анисіею привезе двѣ епитрахили тафтяныя; Иванъ Васильевъ, сынъ Масленковъ съ домашними своими привезе образъ Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, шти [1]) листовой, сребромъ обложенъ и позлащенный, которой и вдаде въ церковь новопостроенную, и срачицу напрестольную, и пелены, и епитрахили тафтяныя желтыя, и ины утвари церковныя, и сосудовъ древяныхъ на потребу братіи различныхъ множество. Подъячій Ѳеодоръ Жуковъ присла киндякъ [2]) красной; Иванъ Ѳеодоровъ, сынъ Курочкинъ—напрестольную одежду кумачную красную и зеленыя выбойчатыя и большую пелену напрестольну, си есть, покрывало выбойчатое; Николаевскаго дѣвича монастыря монахиня Анѳиса Яковлева, дочь Аргамакова, бывшая боярыня, присла ризы луданныя [3]) красныя, оплечье золотное; посадской Иванъ Ивановъ, сынъ Сальниковъ—камку [4]) зеленую; Арзамасскаго уѣзда, села Исупова священникъ Алексѣй Іосифовъ съ женою своею Анною, иже отъ начала во всемъ церковномъ строеніи таже и потомъ не малый помощникъ и заступникъ обители бысть, принесе поручи и холстъ льняный на жертвенникъ, на исподнюю срачицу и на ризы и прочее. Хлѣба и масла, и яицъ, и питія довольно привезоша. Изъ села же Кременокъ приказной Трофимъ Андреевъ привезе великую бочку пива и водки, и хлѣба печенаго, и прочаго запаса различнаго и нача спомоществовати, самъ устрояше водку, варяше медъ и прочая въ пустынѣ. И того-же села Кременокъ

---

[1]) „Шти“—шести (Ред.).

[2]) „Киндякъ“—бумажная набойчатая ткань, употреблявшаяся на подкладку одеждъ. (Ред.).

[3]) „Луданъ“ – шелковая ткань. (Ред.).

[4]) „Камка“—шелковая цвѣтная ткань съ разными узорами и разводами (Ред.).

священникъ, по согласію вышеписаннаго приказнаго Трофима Андреева и всѣхъ крестьянъ тогожъ села, вземше святыя иконы изъ своихъ церквей, Спасителевъ образъ и Богородиченъ съ пеленами, два колокола, аналой и прочія утвари церковныя, принесоша въ пустыню ко освященію тому. И прочіи иные многіе всякихъ чиновъ люди Арзамаса града и уѣзда его, движимые горящимъ духомъ, приходяще и приносяще,— овъ сіе, инъ иное потребное; и удовлѣша зѣло. И снидошася тогда въ пустыню ко освященію храма множество людей многое, яко едва вмѣститися можаху на мѣстѣ оном, идѣже бѣ церковь построена. И бяше оному вси дивишася толь скорому строенію ея и пѣша вечерню и утреню, якоже обычно, и наставшу 16 числу Іюнія, освятиша ю по уставу и пѣша святую литургію и составиша праздникъ честенъ зѣло, и въ слѣдованіи того освященія бысть учиненъ звонъ велій, красный и изряднѣйшій отъ привезенныхъ колоколовъ отъ боголюбивыхъ подателей, яко же выше о томъ изъявися. И бысть радость и торжество всѣмъ велія зѣло. И по совершеніи освященія, поставлена всѣмъ бысть трапеза,—священному чину и господамъ въ новоосвященной церкви, въ трапезѣ, прочимъ же всѣмъ около церкви, на землѣ, повсюду на травѣ, понеже бо не бѣ тогда на томъ мѣстѣ никакого строенія, кромѣ тоя новоосвященныя церкви. И тако ядуще, піюще, веселящеся, насытишася вси; и благодаряще Бога, торжествовавши той день весь, разыдеся, кромѣ духовныхъ и господъ, народъ весь. На другій же день архимандритъ, съ нимъ духовный чинъ и отъ господъ (во вторый день) пѣша благодарный молебенъ и паки торжествоваша два дни и отъидоша во-свояси, благодаряще Бога и Пречистую

Богородицу. И тако совершися освященіе той святей церкви во имя Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, въ сей Сатисо—градо—Саровской пустыни въ лѣто отъ созданія міра 7214, отъ Рождества Христова 1703, Индикта 14, кругъ солнца тогда бысть 13, врущѣлѣта 1, литера азбучная бѣ ѧ, мѣсяца Іюнія въ 16 день, при державѣ Благочестивѣйшаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ 20-е лѣто державы царства Его, правящу же всероссійскимъ патріаршимъ престоломъ преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому, между патріаршества. Благословеніемъ бо его, Стефана митрополита, сія быша, Господу Богу Самому во всемъ поспѣшествующу и чудодѣйствующу, молитвами Пречистыя своея Матери и всѣхъ Святыхъ. Разумно бо бысть здѣ всѣмъ, яко все строися Божіимъ Промысломъ о той святой церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, и яко мощно о ней всѣмъ глаголати со апостоломъ, еже къ Римляномъ во главѣ 11 речено: О глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко не испытани судове Его и не изслѣдовани путіе Его,—кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть [1]).

Воистину убо братіе сіе сказаніе чудное есть и о сей перкви святѣй, якоже древле и о небеси подобной Кіевопечерской церкви бысть. Ибо какъ та небеси подобная Кіевопечерская церковь, яже еще прежде начала своего проявлена бысть въ землѣ варяжской отъ Самого Господа, иже изъ честнаго Своего образа вѣнецъ ей и поясъ присла и подобіе тоя показа Симону,

[1]) Ст. 33—34.

и въ землѣ греческой отъ Пресвятыя Богородицы, яже принесла икону свою и святыхъ мучениковъ иконы,— такожде и здѣ церковь еще прежде начала, за многая лѣта проявлена бысть знаменіями: первое, чрезъ прежде-писанныхъ монаховъ, здѣ бывшихъ. Ѳеодосія и Герасима явленіе звоновъ и свѣта, въ нощи съ небесе снисходяща; таже потомъ и юному монаху Иларіону въ видѣніи явльшагося образа Богородична, на воздусѣ стояща, яко бы нисходяща на церковь и зрѣніе ко оному юношѣ устремленно имуща, показующа ему тѣмъ зрѣніемъ предбудущую благодать, хотящую явитися чрезъ строеніе церковное; такожъ и чрезъ пришествіе вышереченнаго іеродіакона Тимолая на сіе мѣсто, водруженіе отъ него честнаго креста съ построеніемъ часовни и чрезъ присланіе образа святаго Предтечи Іоанна; и потомъ чрезъ видѣніе многое, якоже въ прежде-бывшей Кіево-печерской церкви. Въ началѣ же и во всемъ сооруженіи еже треми образы созданіемъ и украшеніемъ показася тройческое дѣйство. Въ началѣ бо Самъ Богъ Отецъ, Иже нарицается Ветхій деньми, назнамена сушею мѣсто, зане суша ветхости или старости слѣдъ; Сынъ же сниде, яко роса на руно, росу ниспустя; Духъ Святый, Иже во огненныхъ языцѣхъ сниде, огнь съ небесе ниспосла. Такожде и во время украшенія Отецъ, Иже по образу Своему человѣка созда, образъ Пресвятыя Богородицы безъ руки иконописцевъ во олтарѣ изобрази; Сынъ, Иже есть Солнце правды, сіяніемъ тогда церковь исполни; Духъ Святый, Иже въ видѣніи голубинѣ излетевшаго изъ устъ образа показа. Послѣди же во время освященія Отецъ, Иже иногда на скрижалѣхъ каменныхъ законъ предаде, дарова камень на святый престолъ; Сынъ, Иже есть Архіерей

превыше небесъ сый, архіереовъ вышеестественнымъ образомъ собра; Духъ Святый, Иже есть Языкъ, во всю землю вѣщаніе глаголавый, сотвори вѣщаніе изъ—среди церкви, никому же отъ человѣкъ тамо сущу. Подобнѣ и здѣ рещи новопостроенной церкви Пресвятыя Богородицы: вначалѣ бо прежде строенія ея за множество лѣтъ Самъ Отецъ, Иже нарицается Ветхій деньми, яви оному пустыннику, монаху Ѳеодосію съ небеси огненный свѣтъ, на мѣсто сіе сходящій; Сынъ, такожъ явивый при пустынномъ монахѣ Герасимѣ, краснослободцѣ, на мѣстѣ семъ крестъ мѣдный, четвероконечный, складный, который нынѣ обрѣтается въ пещерѣ сея пустыни; Духъ же Святый, звоны въ горѣ сей явивый во время того поставленія креста. Богъ—Отецъ, Иже по образу своему человѣка созда, имъ же человѣкомъ веліе любленіе и тщаніе ко онѣй святѣй церкви, ко основанію и къ строенію ихъ ниспосылая потребная и человѣкомъ горѣніе подавая; Сынъ же—Начальникъ міра, воюющихъ и хотящихъ строенію тому творити всякая злая смиряя ихъ и отъ всякаго зла воспящая; Духъ же Святый—Утѣшитель, Иже вездѣ сый и вся исполняяй, мастеромъ и всѣмъ присутствующимъ во исполненіи строенія тоя церкви гласъ звона утѣшительнаго являя. Богъ Отецъ и Сынъ и Истинный Духъ, Иже иногда Моисею пищу небесную ниспосла, такожде и здѣ церкви созданіе чрезъ народное множество соборнѣ воздвиже и пищу, питіе довольно ниспосла. Сынъ же, Сіяніе славы Отчей и Архіерей вѣчный сый, праздникъ свѣтелъ сотвори и церковь іереями и всякими утварьми украси. Духъ же Святый, Иже есть, яко языкъ, вѣщати и глаголати всему народу мирная и благая о церкви и о мѣстѣ семъ сотвори. И оттолѣ и донынѣ повсюду прославляемы, елма же Богъ, въ Троицѣ поклоняемый, благодатію своею сооружити благоволи

сію церковь Себѣ и возлюби мѣсто сіе во имя любимыя Себѣ Матере, Небесныя Царицы. Явѣ, яко и пребываетъ любовнѣ здѣ съ Нимъ же и Царица оная, предстоящая одесную Его, заступница всѣхъ христіанъ и прибѣжище, Пресвятая Богородица. Такожде и оніи преждереченные пустынніи отцы, иже здѣ бывшіи Ѳеодосій и Герасимъ, имъ же явившеся знаменіе, аще и не здѣ погребены мощи ихъ, но духомъ присно съ нами же здѣ пребываютъ, яже бо о семъ свидѣтельсвуетъ того монаха Герасима самое истинное чрезъ него знаменіе, бывшее о положеніи его жребія на святѣй трапезѣ: здѣ положенну быти тѣлу его; аще и не бысть нынѣ тѣло его здѣ положено, но обаче егда пророчество и знаменіе его то нынѣ сбысться, имя его, Герасима, въ поминовеніе церковное вписася; такожде и прежде его бывшаго Ѳеодосія монаха и прочихъ по немъ бывшихъ монаховъ; имена ихъ здѣ вписаны же, и сія святая церковь и за нихъ, монаховъ, Бога молитъ всегда.

Сего ради должно есть намъ похвалити прежде-бывшихъ оныхъ отцевъ и братій нашихъ, о сей церкви явленія сподобившихся; и имена ихъ въ книги живота написана быша. Блаженъ убо и треблаженъ всякъ таковый, яко великія благодати и милости сподобивыйся Божія. Ибо имать кто написанъ быти въ книгѣ живота вѣчнаго, яко да о немъ творится молитва въ церкви, да пріиметъ оставленіе грѣховъ и мзду небесную, не погрѣшитъ и слышитъ гласъ Господень: радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ; еже слышати и всѣмъ намъ всея православныя церкви чадомъ, за молитвы Пречистыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія, Печерскихъ чудотворцевъ, да подастъ благодатію своею Глава церкви, Христосъ. Ему же подобаетъ честь, слава со безначальнымъ Его Отцемъ и съ Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Автографъ саровскаго первоначальника, іеромонаха Исаакія.

